

ИРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИРКУТСКА

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

Вопросы

современной лингвистики

Voprosy sovremennoj lingvistiki

KEY ISSUES

OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

К вопросу о репрезентации лингвокультурной
идентичности в англоязычных словарях

2025 / № 6

ISSN 2949-5059 (print)

2025 / № 6

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 – Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 – Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2025 / № 6

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. – д-р филол. наук, доц., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. – канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Викулова Л. Г. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Иванов Н. В. – д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. – д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Красноперова Л. С. – канд. филол. наук, доц., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. – д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.linguamgou.ru.

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № 6. – 144 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. phil. habil., Prof., University of Potsdam (Germany);

L. S. Krasnoperova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.linguamgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2025. – № 6. – 144 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Ахренов А. В.* Модификация общеиспанских пословиц в интернет-дискурсе панамского национального варианта испанского языка: типология, функции, культурный контекст 6
- Волошина Т. Г., Богданова М. Д.* Нативизация английского языка в условиях билингвальной среды Нигерии (на примере англоязычных нигерийских СМИ) 20
- Гнатюк О. А.* Различия в репрезентации категории числа как причина интерференции (на примере русско-испанского языкового контакта). 32
- Максимюк Е. В.* Компаративный анализ языковых способов выражения дуалистичности концепта «любовь» (на примере английского и русского языков) 44
- Малкова Н. В.* Распаковка дисциплинарной позиции: корпусный анализ конфигураций взаимодействия эвиденциальности и модальности как регистрово-специфичных эпистемических грамматик в англоязычном научном дискурсе 61
- Сорокина Э. А., Демина О. В.* О консубстанциональности терминологических элементов греческого происхождения 69
- Харитонова И. В., Разумова А. С.* Синтаксические маркеры жанровой структуры франкоязычных научных текстов по ономастике 80

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- Григорьева Е. М.* Иллюстрированные и иллюстративные словари в современной английской лексикографии. 92
- Овчинникова Г. В.* Лингвокультурологический анализ кондитеронимов во французском, итальянском и русском языках 113
- Тер-Минасова С. Г., Вишнякова О. Д., Вишнякова Е. А.* К вопросу о репрезентации лингвокультурной идентичности в англоязычных словарях. 123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Научная деятельность диссертационного совета 72.2.020.04 в 2025 году 137
- Научная деятельность диссертационного совета 72.2.020.05 в 2025 году 141

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

A. Akhrenov. Modification of Pan-Hispanic Proverbs in the Internet Discourse of the Panamanian National Variety of Spanish: Typology, Functions and Cultural Context	7
T. Voloshina, M. Bogdanova. Nativization of the English Language in the Bilingual Environment of Nigeria (Based on English-Language Nigerian Media)	21
O. Gnatyuk. Some Differences of the Number Representation as the Origin of the Interference (On the Example of Russian-Spanish Language Contact)	33
E. Maksimyyuk. Comparative Analysis of Linguistic Ways of Expressing the Dualism of the Concept “Love” (Based on the Example of English and Russian Languages)	45
N. Malkova. Unpacking Disciplinary Stance: A Corpus-Based Analysis of Evidentiality-Modality Interaction Configurations as Register-Specific Epistemic Grammars in English Scientific Discourse	60
E. Sorokina, O. Demina. On the Consubstantiality of Greek-Derived Term Elements	69
I. Kharitonova, A. Razumova. Syntactic Markers of the Genre Structure of French-Language Scientific Texts on Onomastics	81

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

E. Grigoryeva. Illustrated and Picture Dictionaries in Modern English Lexicography	92
G. Ovchinnikova. Linguistic and Cultural Analysis of Conditeronyms in French, Italian and Russian	114
S. Ter-Minasova, O. Vishnyakova, E. Vishnyakova. On Linguistic and Cultural Identity Representation in English Dictionaries	123

ACADEMIC LIFE

Scientific Activity of the Dissertation Council 72.2.020.04 in 2025	137
Scientific Activity of the Dissertation Council 72.2.020.05 in 2025	141

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 811.134.2(075.8)

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-6-6-19

МОДИФИКАЦИЯ ОБЩЕИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ ПАНАМСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА: ТИПОЛОГИЯ, ФУНКЦИИ, КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Ахренов А. В.

*Государственный университет просвещения; Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: alexeiakhrenov@mail.ru*

Поступила в редакцию 20.08.2025

После доработки 28.08.2025

Принята к публикации 02.09.2025

Аннотация

Цель – описать модификации общеиспанских пословиц в интернет-дискурсе панамского варианта испанского языка, выявить их функции и социокультурную обусловленность.

Процедура и методы. Сформирован корпус из 162 модифицированных пословиц, отобранных методом сплошной выборки из текстов панамского сегмента социальных сетей, блогов, форумов и онлайн-СМИ 2021–2023 гг. Применяются контент-анализ, структурно-семантический анализ, моделирование, классификация, описательно-аналитический метод и элементы когнитивно-дискурсивного подхода.

Результаты. Показано, что модификации образуют зону активного паремиологического творчества, связанного с реалиями цифровой культуры и национально-культурной спецификой Панама; выделены четыре типа трансформаций и их основные функции.

Теоретическая и практическая значимость. Уточняется понятийный аппарат интернет-паремиологии и предлагается типология модификаций общеиспанских пословиц применительно к панамскому варианту испанского языка. Результаты могут использоваться при описании панамского варианта, в преподавании испанского как иностранного и при разработке курсов по лингвокультурологии и интернет-лингвистике.

Ключевые слова: интернет-дискурс; испанский язык; модификация пословиц; панамский национальный вариант; паремиология; социальные сети

Для цитирования:

Ахренов А. В. Модификация общеиспанских пословиц в интернет-дискурсе панамского национального варианта испанского языка: типология, функции, культурный контекст // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 6. С. 6–19. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-6-19>

Original research article

MODIFICATION OF PAN-HISPANIC PROVERBS IN THE INTERNET DISCOURSE OF THE PANAMANIAN NATIONAL VARIETY OF SPANISH: TYPOLOGY, FUNCTIONS AND CULTURAL CONTEXT

A. Akhrenov

*Federal State University of Education; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
e-mail: alexeiakhrenov@mail.ru*

Received by the editorial office 20.08.2025

Revised by the author 28.08.2025

Accepted for publication 02.09.2025

Abstract

Aim. The study describes the modifications of pan-Hispanic proverbs in the Internet discourse of Panamanian national variety of Spanish and identifies their functions and sociocultural conditioning.

Methodology. A corpus of 162 modified proverbs was collected by continuous sampling from the Panamanian segment of social networks, blogs, forums and online mass media in 2021–2023. The study uses content analysis, structural and semantic analysis, modelling, classification, descriptive and analytical methods, and elements of the cognitive-discursive approach.

Results. The analysis shows that these modifications form a stable zone of active paremiological creativity related to digital culture and the national cultural specifics of Panama. Four main types of transformations and their communicative functions are distinguished.

Research implications. The study refines the conceptual framework of Internet paremiology and proposes a typology of proverb modifications for the Panamanian national variety of Spanish. The results can be used to describe Panamanian national variety of Spanish, to teach Spanish as a foreign language, and to design courses in Cultural and Internet linguistics.

Keywords: internet discourse; Spanish language; modification of proverbs; Panamanian national variety of Spanish; paremiology; social media

For citation:

Akhrenov, A. V. (2025). Modification of pan-Hispanic proverbs in the internet discourse of the Panamanian national variety of Spanish: typology, functions and cultural context. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, 6–19. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-6-19>

Введение

Интернет-пространство в начале XXI века превратилось в одно из ключевых полей языковых изменений. Сетевое общение, обладая высокой степенью спонтанности и интерактивности, формирует

особый тип устно-письменной коммуникации, в которой традиционные границы между устной и письменной формами речи размываются [1–3]. В этих условиях особенно заметно трансформируются устойчивые единицы языка – фразеоло-

гизмы и паремии, выступающие чувствительными индикаторами культурных и ценностных сдвигов [4–9].

Испанский язык как один из мировых языков с широкой географической распространённостью демонстрирует высокую степень внутреннего разнообразия. Национальные варианты испанского языка развиваются в тесной связи с локальными социокультурными контекстами, а в условиях цифровизации – и с глобальной интернет-культурой. Панамский национальный вариант испанского языка представляет особый интерес в силу его длительного контакта с английским языком и культурой США, а также благодаря раннему включению страны в глобальные экономические и информационные процессы.

Традиционно пословицы в испаноязычной культуре выполняют важнейшие функции хранения и передачи коллективного опыта, моральных норм и обыденной мудрости [8; 9]. Однако в интернет-дискурсе они нередко предстают в модифицированном виде, становясь объектом языковой игры, иронии и креативного цитирования [6; 10; 11]. Модификации общеиспанских пословиц в панамском сегменте интернета ещё не получили системного описания ни на общеиспанском уровне, ни в рамках исследования отдельных национальных вариантов испанского языка.

Цель настоящей статьи – комплексно описать модификации общеиспанских пословиц в интернет-дискурсе панамского национального варианта испанского языка, разработать их типологию, выявить коммуникативные функции и социокультурные предпосылки.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1) уточнить теоретико-методологические основы исследования интернет-паремии;

2) охарактеризовать специфику панамского национального варианта испанского языка и его функционирования в цифровой среде;

3) описать основные типы структурных и семантических трансформаций общеиспанских пословиц в панамском интернет-дискурсе;

4) выявить прагматические функции модифицированных пословиц и их связь с панамской языковой и культурной идентичностью.

Материалом исследования послужил корпус из 162 примеров модифицированных общеиспанских пословиц, обнаруженных методом сплошной выборки при анализе текстов панамских блогов, каналов в Instagram¹ и TikTok, форумов, чатов и страниц онлайн-СМИ за 2021–2023 гг. Корпус включал как пользовательские комментарии, так и заголовки и подзаголовки журналистских материалов. Ввиду ограничений объёма публикации детальный структурно-семантический и функциональный анализ в статье проводится на подкорпусе из 25 модифицированных пословиц, отобранных как наиболее репрезентативных по типам трансформаций, коммуникативным функциям и степени национально-культурной маркированности. При этом обобщающие типологические и количественные выводы опираются на весь корпус из 162 модификаций.

Методологическую основу исследования составляют положения современной теории виртуального дискурса [1; 2; 3; 6; 12], паремииологии [7; 11], вариационной социолингвистики [12; 13], а также подходы к изучению языковой игры и меметической культуры в интернете [7; 10; 11; 14].

1. Теоретические основы исследования интернет-паремииологии

1.1. Понятие пословицы и модификации паремий

В современной лингвистике пословица рассматривается как краткое, устойчивое по форме и обобщённое по содержанию высказывание дидактического

¹ Продукт компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории России.

характера, выражающее коллективный опыт и закреплённое в языковом сознании носителей как готовая единица [6; 8; 9; 15]. Признаками пословицы являются ритмико-интонационная завершённость, часто наличие рифмы или параллелизма, а также семантическая двуплановость – буквальный и переносный смысл.

Модификация пословицы понимается как целенаправленное отклонение от её канонической формы при сохранении распознаваемости исходной модели в коллективной памяти. Как показывают современные исследования [5; 7; 11; 16], типичные способы модификации включают:

- лексические замены одного или нескольких компонентов;
- структурно-синтаксические преобразования (дополнения, сокращения, инверсии);
- семантическое переосмысление, часто с эффектом иронии или парадокса;
- контаминацию (смешение) нескольких пословичных моделей.

В интернет-дискурсе модифицированные пословицы часто приобретают черты мемов: они многократно респостятся, становятся шаблонами для дальнейших вариаций, сопровождаются визуальными образами, хэштегами и эмодзи [10; 11; 12]. Именно здесь проявляется то, что А. Г. Абуханова и Е. С. Зубкова называют «паремическим креативом» и «игровым потенциалом пословицы в сети» [16, с. 99].

1.2. Интернет-дискурс как среда паремииологического творчества

Исследователи виртуального дискурса подчёркивают его гибридный характер: письменная графическая форма сочетается с высокой степенью спонтанности, диалогичности и экспрессивности, характерной для устной речи [1–3]. В условиях сетевого общения резко возрастает роль интертекстуальности, цитирования, творческой переработки и повторного использования готовых текстов и формул [3; 14].

О. В. Лутовинова отмечает, что виртуальный дискурс становится пространством активного лингвокреатива, где пользователи не только воспроизводят, но и трансформируют устойчивые языковые единицы, адаптируя их к новым коммуникативным задачам [2]. К подобным единицам в первую очередь относятся фразеологизмы и пословицы, обладающие высокой степенью узнаваемости и культурным «авторитетом», что делает их удобным материалом для ироничного или критического переосмысления.

А. Г. Абуханова и Е. С. Зубкова показывают, что в русскоязычном интернет-дискурсе модификации пословиц выполняют, помимо прочего, функции оценочной характеристики актуальных социальных явлений, самопрезентации и формирования групповой идентичности [16]. Аналогичные тенденции, как демонстрируют испанские и латиноамериканские исследования [10; 11], наблюдаются в испаноязычном сегменте сети, хотя национальные варианты испанского языка придают этим процессам ряд специфических черт.

В настоящем исследовании интернет-дискурс понимается как совокупность текстов, порождаемых в цифровой среде и функционирующих в системе жанров социальных сетей, блогов, мессенджеров и онлайн-СМИ. Для панамского национального варианта испанского языка это пространство становится одной из ключевых арен проявления языковой вариативности и инноваций [11; 13]¹.

2. Панамский национальный вариант испанского языка и цифровая коммуникация

2.1. Социолингвистические особенности панамского испанского

Панамский национальный вариант испанского формировался в условиях

¹ Также см.: Penetración, hábitos y medios sociales en Panamá [Электронный ресурс] // Tendencias Digitales : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RkxWF> (дата обращения: 29.02.2024).

тесного и асимметричного контакта с английским языком США, прежде всего в зоне Панамского канала и городских центрах, что придало ему ярко выраженный билингвальный и диглосный характер. Англицизмы и креолизированные заимствования выполняют не только номинативную, но и социосимволическую функцию, маркируя принадлежность к городской культуре, средним слоям общества и «глобализированному» поколению молодёжи.

В устной городской речи и в печатных СМИ широко распространены лексемы *busito, softbolero, tiquetero, blower, freezer*, адаптированные к морфологии испанского языка посредством типичных суффиксов уменьшительности. Их употребление нередко мотивировано не лексической необходимостью, а престижем английского языка и ориентацией на североамериканские культурные образцы, что в научной литературе описывается как тенденция к «варваризации» панамского испанского [4].

В современном медиадискурсе и интернет-коммуникации закрепляется новый слой заимствований типа *blog, meme, mouse, selfie*, а также глагольные образования *cliquear, printear, refilear*, характеризующиеся высокой частотой в молодёжной речи и сетевом жаргоне. Их стилистическая маркированность позволяет говорящим варьировать регистр высказывания и эксплицитировать принадлежность к определённым возрастным, профессиональным и субкультурным группам, что делает лексику ключевым индикатором социолингвистической стратификации панамского испанского.

Ряд исследователей подчёркивают, что панамское общество отличается высокой степенью урбанизации, а молодёжные городские группы являются основными драйверами языковых инноваций [9]. Именно они составляют ядро активных пользователей интернета и социальных сетей.

2.2. Интернет и социальные сети в Панаме

Согласно данным Национального ведомства публичных услуг Панамы и аналитических отчётов по цифровым медиа, около 70% населения страны имеют доступ к интернету, при этом более 55% активно используют социальные сети¹. Большая часть пользователей выходит в сеть с мобильных устройств в режиме предоплаты, а широкополосный домашний интернет подключён лишь у относительно небольшой доли населения.

Эти условия предопределяют особенности интернет-практик: доминирование мобильных приложений (WhatsApp, Instagram, TikTok, Facebook²), кратких визуально ориентированных форматов, стремление к мгновенной реакции, экономия языковых средств, активное использование эмодзи и аббревиатур. Всё это способствует ещё большему сближению письменной и устной форм общения и усиливает потребность в лаконичных, легко узнаваемых формулировках, к числу которых относятся и пословицы.

Панамский сегмент социальных сетей характеризуется высокой степенью меметизации: значительная часть контента создаётся в форме мемов, пародий, иронических картинок и коротких видеороликов. Эта «мемная» культура формирует благоприятную среду для трансформации традиционных пословиц, которые выступают своеобразными шаблонами для креативных модификаций.

3. Типология модификаций общеиспанских пословиц в панамском интернет-дискурсе

Анализ корпуса модифицированных пословиц позволил выделить несколько основных типов трансформаций, кото-

¹ Urribarri R. Medios digitales y periodismo: retos para la democracia en Panamá [Электронный ресурс] // Agenda Pública : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RkxqK> (дата обращения: 29.02.2024).

² Продукт компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории России.

рые часто пересекаются и комбинируются друг с другом. Далее рассмотрим их последовательно.

3.1. Лексические замены и актуализация цифровой реальности

Наиболее частотным способом модификации является лексическая замена одного или нескольких компонентов исходной пословицы на элементы, относящиеся к интернету, социальным сетям, гаджетам, цифровым практикам.

Так, общеиспанская пословица *“A mal tiempo, buena cara”* («В тяжёлые времена держись молодцом»¹) в панамском интернет-дискурсе получает ряд модификаций:

– *“A mal tiempo, memes al por mayor”* [oscaratencio7791 : YouTube-канал] («В плохие времена – мемы оптом»). В этом случае компонент *buena cara* «хорошее лицо, бодрый вид» заменяется на *memes al por mayor* «мемы оптом», что отражает распространённую в цифровой культуре стратегию справляться с проблемами с помощью юмора и обмена мемами. При этом сохраняется общий прагматический посыл – необходимость поддерживать позитивный настрой в неблагоприятной ситуации, но средство достижения этого настроения меняется в соответствии с цифровой эпохой.

– *“A mal tiempo, mejor filtro”* [@influencer.panama // TikTok] («В плохие времена – лучше фильтр»). Здесь ключевым становится слово *filtro* – «фильтр» для обработки фотографий в социальных сетях. Пословица обыгрывает практику «улучшения» реальности средствами визуального редактирования и иронично комментирует склонность пользователей «подправлять» не только внешность, но и само восприятие действительности.

Пословица *“De tal palo, tal astilla”* («Каков ствол, такова и щепка» – «яблоко от яблони недалеко падает») также подвергается лексической замене: *“De tal tuit, tal retuit”* [@panamaviejaescuela // Instagram]

(«Каков твит, таков и ретвит»). Вместо метафоры дерева и щепки используются понятия *tuit* и *retuit*, отсылающие к платформе X (бывший Twitter)². Сохраняется идея зависимости «потомка» от «предка», но она переносится в сферу сетевой коммуникации: характер первичного высказывания определяет характер его последующего воспроизведения и интерпретации.

Аналогичный механизм задействован в следующих примерах:

– *“Más vale pájaro en mano que ciento volando”* («Лучше синица в руках, чем журавль в небе») → *“Más vale seguidor real que cien falsos”* [@influencer.panama // TikTok] («Лучше один реальный подписчик, чем сто фейковых»);

– *“Más vale pájaro en mano que ciento volando”* → *“Más vale like en foto que cien seguidores”* [@influencer.panama // TikTok] («Лучше лайк на фото, чем сто подписчиков»).

Заменяя птицу на подписчика (*seguidor*) или лайк, интернет-пользователь переносит традиционный принцип «реальной выгоды» в сферу цифрового капитала – подписчиков и лайков. В первом случае подчёркивается ценность подлинного, а не накрученного числа подписчиков, во втором – акцент делается на видимом проявлении внимания (лайке) как более значимом, чем номинальное количество подписчиков.

В пословице *“En boca cerrada no entran moscas”* («В закрытый рот мухи не залетают») фиксируются следующие модификации:

– *“En cuentas privadas no hay haters”* [@rialdofpv // TikTok] («В закрытых аккаунтах нет хейтеров»);

– *“En boca cerrada entran likes”* [@eivar.miranda // TikTok] («В закрытый рот влезают лайки»).

В первом случае происходит метафорический перенос «закрытого рта» на

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи – А. А.

² Социальная сеть X заблокирована на территории России и не включена в реестр социальных сетей.

приватный аккаунт, а мух – на хейтеров. Мораль поговорки переосмысливается как рекомендация защищать личное пространство в сети, ограничивая доступ к аккаунту. Во втором случае, напротив, «закрытый рот» ассоциируется с молчанием как стратегией, приносящей одобрение (лайки), что иронично комментирует практику демонстративного «молчания» в спорных ситуациях ради сохранения репутации.

Показателен пример с поговоркой “*Más vale prevenir que curar*” («Профилактика лучше лечения»), которая трансформируется в “*Más vale bloquear que desbloquear*” [@madjc1983 // TikTok] («Лучше заблокировать, чем потом разблокировать»). Медицинская метафора заменяется на цифровую: вместо профилактики заболевания предлагается профилактика токсичных контактов через блокировку. Подчёркивается важность своевременных мер по защите личных границ в сети.

Наконец, активно заменяются номинации участников коммуникации. Так, поговорка “*Dime con quién andas y te diré quién eres*” («Скажи мне, с кем ты общаешься, и я скажу, кто ты») получает ряд модифицированных вариантов:

– “*Dime qué hashtags usas y te diré qué influencer eres*” [@rialdofpv // TikTok] («Скажи, какие хэштеги ты используешь, и я скажу, какой ты инфлюенсер»);

– “*Dime quiénes son tus followers y te diré tu identidad*” [@elcuara25 // TikTok] («Скажи, кто твои фолловеры, и я скажу, кто ты»).

Здесь традиционный параметр «окружения» переносится в виртуальную плоскость: на первый план выходит использование хэштегов и состав аудитории в социальных сетях как маркеров цифровой идентичности.

Таким образом, лексические замены демонстрируют направленное «перепрошивание» поговорочных моделей под реалии интернет-культуры и платформенной экономики внимания, сохраняя при этом базовую логико-семантическую структуру исходных поговорок.

3.2. Структурно-синтаксические трансформации

Наряду с лексическими заменами в панамском интернет-дискурсе широко представлены структурно-синтаксические преобразования поговорок: добавление новых фрагментов, эллипсис, инверсия, обрамление.

Одним из продуктивных приёмов является расширение поговорки за счёт пояснительного или оценочного компонента, часто вводимого после запятой или тире, например, “*A quien madruga, Instagram le notifica*” [@panamaviejaescuela // Instagram] («Кто рано встаёт, того Instagram первым обо всем уведомит»). Здесь исходная поговорка “*A quien madruga, Dios le ayuda*” («Кто рано встаёт, тому Бог даёт») подвергается как лексической, так и структурной трансформации: божественный субъект заменён социально-сетевым приложением, а глагол *ayudar* («помогать») – на более конкретный *notificar* («уведомлять»). В результате происходит ироничное смещение акцентов с религиозной мотивации к прагматике постоянного контроля уведомлений.

Ещё один пример “*El que mucho tuitea, poco duerme*” [@elmiscastillo // Instagram] («Кто много твитит, мало спит»). Исходная поговорка “*El que mucho abarca, poco aprieta*” («Тот, кто много берёт на себя, мало делает» / «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь») трансформируется путём замены глаголов и частичным сохранением синтаксической структуры. Инверсия причинно-следственных отношений (переусердствование → низкая эффективность) переносится в повседневную практику избыточной активности в сети и нехватки сна.

Вариант той же модели с иным глаголом во второй части (*lee* «читает») в модифицированной поговорке “*El que mucho tuitea, poco lee*” [@elmiscastillo // Instagram] («Кто много твитит, мало читает») акцентирует уже не физиологический, а когнитивный аспект – дефицит

вдумчивого чтения при избытке поверхностной сетевой коммуникации.

Интерес представляет контаминация пословичных моделей и современных клише: “*Camarón que se duerme, se queda sin data*” [artte_latam // Instagram] («Креветка, которая заснёт, останется без трафика»). Классическая пословица “*Camarón que se duerme se lo lleva la corriente*” («Рака, который спит, уносит течение») преобразована двояко: вместо метафоры течения появляется лишение мобильного трафика (*data*), что болезненно воспринимается активными пользователями, а глагол *llevar* («уносить») заменён более конкретным *quedar sin* («оставаться без»). Пословица превращается в предупреждение о необходимости вовремя пополнять баланс мобильной связи, чтобы не остаться без мобильного интернета.

Продуктивным оказывается и приём сокращения пословицы до ключевого, узнаваемого фрагмента, который затем иронично дополняется: “*En casa de herrero... wifi prestado*” [quientvpa // TikTok] («У сапожника без сапог... Wi-Fi одолженный»). Здесь пословица “*En casa de herrero, cuchillo de palo*” («В доме кузнеца деревянный нож») редуцируется до первой части “*En casa de herrero...*”, после чего следует неожиданное современное продолжение. Срабатывает ожидание традиционного конца пословицы, которое обыгрывается через актуальную проблему слабого или отсутствующего интернет-сигнала даже у тех, кто связан с технологиями.

Отдельно следует отметить случаи рамочной конструкции, когда пословица вводится как цитата, а затем комментируется: “*Dicen que “no hay mal que por bien no venga”, pero en redes todo mal se viraliza primero*” [quientvpa // TikTok] («Говорят, что “нет худа без добра”, но в сетях любое зло сперва становится вирусным»). Здесь исходная пословица помещается в кавычки, а затем подвергается критическому осмыслению: автор подчёркивает, что в логике социальных сетей негативный

контент имеет преимущество в распространении, что искажает традиционный оптимистический смысл пословицы.

3.3. Семантическое переосмысление и прагматика иронии

Многие модификации общеиспанских пословиц в панамском интернет-дискурсе строятся на семантическом переосмыслении, когда буквальный или переносный смысл пословицы подтягивается к новым реалиям, а итоговый эффект оказывается ироничным или даже саркастическим.

Так, пословица “*No hay mal que por bien no venga*” («Нет худа без добра») преобразуется в “*No hay error que no se pueda viralizar*” [melecioguzman // TikTok] («Нет такой ошибки, которая не смогла бы стать вирусной»). Семантический фокус смещается с позитивного исхода негативной ситуации на сам факт вирусного распространения ошибки. Здесь «добро» подменяется «вирусностью» как новой ценностью сетевой культуры, а общий тон пословицы становится иронично-критическим по отношению к логике соцсетей.

Ещё более явно критический потенциал проявляется в модификации пословицы “*El que siembra vientos, cosecha tempestades*” («Кто посеет ветер, пожнёт бурю») → “*El que tuitea trolls, recibe hate*” [influencer.panama // TikTok] («Кто твитит троллей, получает ненависть»). Семантическая схема «действие → усугублённое негативное последствие» сохраняется, но конкретизируется через практику взаимодействия с «троллями» и последующее получение «хейта». Пословица приобретает форму прямого предупреждения и в то же время иронично комментирует неизбежность негативных реакций при участии в конфликтных онлайн-дискуссиях. Также следует обратить внимание на то, что компонентом модифицированной пословицы является англицизм-варваризм *hate*, заменяющий исконно испанское слово *odio* (ненависть).

Показательно переосмысление пословицы “*Dios aprieta pero no ahoga*” («Бог

давит, но не топит») в модифицированный вариант “*Dios bloquea pero no cancela*” [@melecioguzman // TikTok] («Бог блокирует, но не удаляет»). Метонимическая подмена физических действий (наказание, но без уничтожения) цифровыми (блокировка, но не окончательное удаление аккаунта) выражает иронию по отношению к современным практикам «культуры отмены». Автор намекает, что абсолютное исключение из сообщества (полное «удаление») – превратная, «чрезмерная» форма наказания, тогда как «блокировка» оставляет возможность для пересмотра и прощения.

Часто ирония направлена на поведение самих пользователей. Трансформация “*Más vale estar solo que mal acompañado*” («Лучше быть одному, чем с кем попало») в “*Más vale ser influencer que tener seguidores tóxicos*” [@influencer.panama // TikTok] («Лучше быть инфлюенсером, чем иметь токсичных подписчиков») смещает фокус с физического окружения на цифровую аудиторию. Парадокс заключается в том, что именно инфлюенсеры в действительности чаще всего сталкиваются с токсичными комментариями, но пословица, напротив, утверждает идеальный, желаемый порядок вещей.

Семантическое переосмысление сопровождается частым использованием эмодзи, усиливающих иронический, шуточный или саркастический эффект модифицированных пословиц. Как показывают исследования [10; 14], в условиях цифрового общения графические элементы частично берут на себя функции просодии и невербальных сигналов, позволяя более тонко передавать отношение говорящего к высказыванию.

3.4. Национально-культурная специфика модификаций

Особый интерес представляют модификации пословиц, в которых проявляется национально-культурная специфика панамского варианта испанского языка. Здесь задействуются локализмы, реалии, связанные с Панамским каналом, город-

ской культурой, традиционной кухней и фольклором.

Так, пословица “*A cada cerdo le llega su San Martín*” («Каждой свинье наступают свой Сан-Мартин» – «не всё коту масленица») получает модификацию “*A cada trol le llega su karma*” [@influencer.panama // TikTok] («Каждому троллю придёт его карма»). Хотя данная трансформация может встречаться и в других испаноязычных вариантах, в панамском контексте она нередко сопровождается употреблением локальной лексики в последующем комментарии (*por sapo, por creerse la gran vaina* и т. п.), что придаёт ей специфическое «местное звучание».

Ещё ярче локальные реалии проявляются в примерах типа:

– “*En canal lleno, barco lento*” [@quientvra // TikTok] («При перегруженном канале – медленный корабль»).

Эта модификация отсылает к пословичной модели “*En río revuelto, ganancia de Pescadores*” («В мутной воде рыбакам прибыль»), но переосмысляет её через реалии Панамского канала, который регулярно становится предметом общественных обсуждений в связи с большим скоплением судов в очереди («пробками») на пересечение Панамского канала, а также ремонтными работами или засухой. Использование слова *canal* активирует панамскую идентичность и одновременно метафорически переносится на «загруженность» интернет-каналов, аккаунтов и чатов.

– “*Camarón que se duerme, se lo come el diablo rojo*” [@quientvra // TikTok] («Креветку, которая заснёт, съест “красный дьявол”»).

Здесь традиционное *se lo lleva la corriente* («унесёт течение») заменено на *se lo come el “diablo rojo”* – название ярко разукрашенных городских автобусов в Панаме. Пословица, как правило, сопровождается картинкой с переполненным автобусом и иронически комментирует риск остаться без места, если не быть достаточно расторопным.

– “*A falta de wifi, buenos son los raspados*” [@melecioguzman // TikTok] («При отсутствии Wi-Fi хороши и распados»).

Пословица “*A falta de pan, buenas son tortas*» («Без хлеба хороши и лепёшки») преобразуется за счёт замены *pan* на *wifi* и *tortas* на *raspados* – традиционное панамское лакомство из колотого льда с сиропом. Ситуация утраты привычного интернет-соединения компенсируется обращением к локальному гастрономическому удовольствию, что демонстрирует механизм культурной «подстраховки» в условиях цифровой зависимости.

Пословица “*A falta de playa, buen rooftop en la Cinta*” [@arte_latam // Instagram] переосмысляет общеиспанскую формулу “*A falta de pan, buenas son tortas*” через топоним *Cinta Costera* – знаковое городское пространство в г. Панама, где популярны вечеринки и прогулки, а “*rooftop*” – англицизм, связанный с урбанистической культурой досуга.

Представляется, что за подобной образностью стоит не только механическое внедрение англицизмов и локальных реалий, но и более глубокий пласт коллективных представлений, сформированных длительным и асимметричным контактом с английским языком США и особым статусом Панамского канала как символа включённости страны в глобальные потоки людей, товаров и информации. Опыт жизни в транзитном пространстве, где пересекаются различные языки и культуры, закрепляет в массовом сознании ценность мобильности, прагматизма и способности быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, что находит отражение в переосмыслении общеиспанских пословиц через метафоры движения, очереди, пропускной способности и контроля доступа, в том числе в цифровой среде. В силу этого, панамское интернет-паремиологическое творчество можно рассматривать как практику конструирования «пограничной» идентичности, в рамках которой испанская пословицная традиция посто-

янно соотносится с англо-американскими моделями поведения и ценностными установками, а глобальные цифровые реалии переосмысляются сквозь призму местного исторического опыта канала.

Таким образом, национально маркированные модификации демонстрируют сложное взаимодействие глобального (интернет-реалии, англицизмы) и локального (панамские реалии и локализмы). Они служат средством проявления панамской идентичности в цифровом пространстве и одновременно вписывают местный опыт в общую рамку испанского паремиологического фонда.

4. Функции трансформированных пословиц в интернет-общении панамцев

Анализ панамского интернет-дискурса показывает, что модифицированные пословицы выполняют целый ряд коммуникативных функций, которые нередко сочетаются в пределах одного высказывания.

Во-первых, это оценочно-экспрессивная функция. Пословицы традиционно используются как средство лаконичной, но социально «авторитетной» оценки ситуации или поведения. В модифицированном виде они сохраняют эту функцию, но придают оценке иронический или остросоциальный оттенок, как в примерах “*El que tuitea trolls, recibe hate*” и “*Dios bloquea pero no cancela*”. Таким образом, пословица становится инструментом критики цифровых практик (культ лайков, токсичные комментарии, удаление аккаунта), сохраняя при этом внешний вид народной мудрости.

Во-вторых, игровая, или развлекательная, функция. Модели “*A mal tiempo, memes al por mayor*”, “*A mal tiempo, mejor filtro*”, “*En cuentas privadas no hay haters*”, “*En boca cerrada entran likes*”, “*Camarón que se duerme, se queda sin data*”, “*En casa de herrero... wifi prestado*”, “*A falta de wifi, buenos son los raspados*” апеллируют к эффекту неожиданности и комического не-

соответствия между традиционной поговоркой и её современной реализацией. Пользователь демонстрирует языковую изобретательность, а аудитория получает удовольствие от узнавания и «расшифровки» аллюзии. Как отмечает ряд исследователей [10; 11; 14], именно игровой потенциал делает модифицированные поговорки востребованными в формате мемов и вирусных сообщений.

В-третьих, фатическая функция. В окказиональных диалогах в комментариях поговорка нередко используется как формула поддержания контакта, «вброса» шуток, реакции на чужой пост. Краткость и узнаваемость поговорочных моделей делают их удобным средством быстрого включения в коммуникацию, особенно в условиях ограниченности времени и внимания.

В-четвёртых, идентификационная функция. Употребление определённых поговорочных модификаций, особенно содержащих локализмы и панамские реалии, как в примерах *“Camarón que se duerme, se lo come el ‘diablo rojo’*”, *“A falta de wifi, buenos son los raspados”*, позволяет пользователю маркировать свою принадлежность к панамскому сообществу, дистанцироваться от других национальных вариантов испанского или, напротив, продемонстрировать свою «вовлечённость» в глобальную цифровую культуру. Подобные единицы могут выступать маркерами возрастной, субкультурной и профессиональной принадлежности [12; 13].

В-пятых, аргументативная функция. Поговорка, даже в модифицированном виде, сохраняет статус «коллективного знания», апелляция к которому может использоваться для подкрепления собственной позиции в дискуссии. В сетевых спорах по поводу политики, гендерных вопросов, цифровой этики панамские пользователи нередко прибегают к трансформированным поговоркам, чтобы лаконично резюмировать свою точку зрения или иронично отвергнуть аргументы оппонента.

Наконец, следует упомянуть и функцию метаязыкового комментария. Некоторые модификации напрямую отражают отношение пользователей к самому языку и к поговоркам как к жанру, высмеивая чрезмерную назидательность или устарелость традиционных формул. В этом отношении показателен пример *“Dicen que ‘no hay mal que por bien no venga’, pero en redes todo mal se viraliza primero”*, где классическая поговорка ставится под сомнение через призму современной медиареальности.

Отмеченные функции во многом совпадают с функциональными характеристиками модифицированных поговорок в других языках и культурах [5; 6; 7; 11; 16], однако панамский материал позволяет более отчётливо увидеть взаимодействие глобальных тенденций цифровой коммуникации с локальными социокультурными процессами, включая англо-испанский билингвизм, урбанизацию и специфический медиаландшафт страны.

Заключение

Проведённый анализ модификаций общеиспанских поговорок в интернет-дискурсе панамского национального варианта испанского языка позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, общеиспанский паремический фонд в цифровую эпоху остаётся важным ресурсом языкового и культурного творчества. Панамские интернет-пользователи не только воспроизводят традиционные поговорки, но и активно переосмысливают их, адаптируя к реалиям интернет-коммуникации, социальной сети, мемной культуры и локальных социокультурных практик.

Во-вторых, модификации поговорок в панамском интернет-дискурсе демонстрируют устойчивые типологические черты. Наиболее продуктивными оказываются лексические замены компонентов поговорок на интернет-реалии, структурно-синтаксические трансформации (дополнения, сокращения, контаминации),

семантическое переосмысление с ироническим или критическим эффектом, а также модификации с явной национально-культурной маркированностью.

В-третьих, трансформированные поговорки выполняют в панамском сегменте интернета широкий спектр коммуникативных функций: оценочно-экспрессивную, игровую, фатическую, идентификационную, аргументативную и метаязыковую. Они служат инструментом выражения отношения к цифровой реальности, средством самопрезентации и установления групповой солидарности, а также механизмом интеграции локального опыта в глобальное цифровое пространство.

В-четвёртых, национально-культурная специфика панамского варианта испанского языка проявляется в модификациях поговорок через включение англицизмов, локализмов и отсылок к панамским реалиям (Панамский канал, городские автобусы “diablos rojos”, элементы кухни, молодёжный сленг и др.). Это свидетельствует о том, что цифровой дискурс не нивелирует локальные особенности, а, напротив, способствует их творческому переосмыслению и экспорту в глобальное пространство.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Во-первых, представляется важным провести количественный анализ частотности различных типов модификаций поговорок в зависимости от платформы (Instagram, TikTok, Facebook, X и др.) и жанра (новостные заголовки, мемы, пользовательские комментарии). Во-вторых, требует отдельного изучения рецепция модифицированных поговорок различными группами пользователей (по возрасту, уровню образования, языковому опыту), а также механизмы их дальнейшей диффузии в офлайн-речь.

Наконец, сравнительный анализ модификаций общеиспанских поговорок в интернет-дискурсе разных национальных вариантов испанского языка (пиренейского, мексиканского, аргентинского, колумбийского, перуанского и др.) позволит уточнить соотношение универсальных и специфических черт в процессах цифровой трансформации паремиологического фонда и лучше понять роль поговорок в конструировании национальной и транснациональной идентичности в эпоху глобальной сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейчик В. М. Реальное и виртуальное в понятии «диалог культур» // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 3. С. 73–79.
2. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009. 476 с.
3. Crystal D. *Language and the Internet*; 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 316 p.
4. Ахренов А. В., Ахренова Н. А. Англицизмы как неотъемлемая часть панамского национального варианта испанского языка. Варваризация панамского национального варианта испанского языка как следствие исторического присутствия Соединенных Штатов Америки на территории Панамы // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2019. № 3 (27). С. 74–84.
5. Саушева Е. В., Чичерова Е. А. Модификации поговорок в заголовках современных англоязычных СМИ // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 12. С.41–45.
6. Дагбаева О. И. Лингвистические особенности франкоязычных блогов Франции, Канады и Северной Африки: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 154 с.
7. Абакумова О. Б. Пословица в медийном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 7–10.
8. Corpas Pastor G. *Manual de fraseología española*. Madrid: Gredos, 1996. 337 p.
9. Martínez Marín J. *Estudios de fraseología española*. Málaga: Librería Ágora, 1996. 107 p.
10. Elizondo Romero A. Análisis de los marcos de participación en la interacción en redes sociales virtuales // Anuario de Letras. Lingüística y Filología. 2020. Vol. VIII. Núm. 2. P. 5–37. DOI: 10.19130/iifl.adel.2020.2.24871.

11. Aladro Vico E., Jardón Clemente M. Los memes como jerga del lenguaje digital // *CIC. Cuadernos de Información y Comunicación*. 2022. No. 27. P. 143–157. DOI: 10.5209/ciyc.81695.
12. Hernández-Campoy J. M. *Sociolinguistic Styles*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2020. 288 p.
13. Córdoba Mendoza P. A., Pittí Montenegro Y. S. Generación digital en Panamá: Activismo, identidad y sentido de pertenencia // *Revista Contacto*. 2024. Vol. 3. Núm. 3. P. 35–54. DOI: 10.48204/contacto.v3n3.4815.
14. Tagliamonte S. A., Denis D. Linguistic ruin? LOL! Instant messaging and teenage language // *American Speech*. 2008. Vol. 83. No. 1. P. 3–34. DOI: 10.1215/00031283-2008-001.
15. Верещинская Ю. В. Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 182 с.
16. Абуханова А. Г., Зубкова Е. С. Модификации паремических единиц в интернет-дискурсе // *Современная филология: материалы III Международной научной конференции (г. Уфа, июнь 2014 г.)*. Уфа: Лето, 2014. С. 97–103.

REFERENCES

1. Leychik, V. M. (2001). Real and virtual in the concept of “dialogue of cultures”. In: *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 73–79 (in Russ.).
2. Lutovinova, O. V. (2009). *Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse*. Volgograd: Peremenna publ. (in Russ.).
3. Crystal, D. (2006). *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Akhrenov, A. V. & Akhrenova, N. A. (2019). Anglicisms as an integral part of the Panamanian national version of the Spanish language. Barbarization of the Panamanian national version of Spanish as a consequence of the historical presence of the united states of America in Panama. In: *Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics*, 3 (27), 74–84 (in Russ.).
5. Sausheva, E. V. & Chicherova, E. A. (2023). Modifications of proverbs in English media headlines. In: *Philological Sciences Bulletin*, 3 (12), 41–45 (in Russ.).
6. Dagbaeva, O. I. (2016). *Linguistic features of French-language blogs in France, Canada and North Africa* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
7. Abakumova, O. B. (2010). Proverbs in mass-media discourse. In: *Tomsk State University Journal*, 330, 7–10 (in Russ.).
8. Corpas Pastor, G. (1996). *Manual de fraseología española*. Madrid: Gredos.
9. Martínez Marín, J. (1996). *Estudios de fraseología española*. Málaga: Librería Ágora.
10. Elizondo Romero, A. (2020). Análisis de los marcos de participación en la interacción en redes sociales virtuales. In: *Anuario de Letras. Lingüística y Filología*, VIII (2). P. 5,–37. DOI: 10.19130/iifl.adel.2020.2.24871.
11. Aladro Vico, E. & Jardón Clemente, M. (2022). Los memes como jerga del lenguaje digital. In: *CIC. Cuadernos de Información y Comunicación*, 27, 143–157. DOI: 10.5209/ciyc.81695.
12. Hernández-Campoy, J. M. (2020). *Sociolinguistic Styles*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
13. Córdoba Mendoza, P. A. & Pittí Montenegro, Y. S. (2024). Generación digital en Panamá: Activismo, identidad y sentido de pertenencia. In: *Revista Contacto*, 3 (3), 35–54. DOI: 10.48204/contacto.v3n3.4815.
14. Tagliamonte, S. A. & Denis, D. (2008). Linguistic ruin? LOL! Instant messaging and teenage language. In: *American Speech*, 83(1), 3–34. DOI: 10.1215/00031283-2008-001.
15. Vereshchinskaya, Yu. V. (2013). *Spanish newspaper headline: linguopragmatic and national-cultural aspects* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
16. Abukhanova, A. G. & Zubkova, E. S. (2014). Modifications of paremic units in Internet discourse. In: *Modern Philology: Proceedings of the III International Scientific Conference (Ufa, June 2014)*. Ufa: Leto publ., pp. 97–103 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахренов Алексей Владимирович (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков лингвистического факультета Государственного университета просвещения; старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; <https://orcid.org/0009-0004-6759-5472>; e-mail: alexeiakhrenov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey V. Akhrenov (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Indo-European and Oriental Languages, Faculty of Linguistics, Federal State University of Education; Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
<https://orcid.org/0009-0004-6759-5472>; e-mail: alexeiakhrenov@mail.ru

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-6-20-31

НАТИВИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЫ НИГЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НИГЕРИЙСКИХ СМИ)

Волошина Т. Г.^{1,2}, Богданова М. Д.^{3*}

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация

² Московский международный университет, г. Москва, Российская Федерация

³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал), Белгородская обл., г. Старый Оскол, Российская Федерация

* Копирующий автор, bogdanova-marina.busy@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.09.2025

После доработки 26.09.2025

Принята к публикации 03.10.2025

Аннотация

Цель: проанализировать специфику явления нативизации английского языка в постколониальных странах и выявить ключевые нативизационные процессы в билингвальной среде на примере англоязычных нигерийских СМИ.

Процедура и методы. Представлены подходы отечественных и зарубежных лингвистов к определению явления «нативизация». Определена специфика билингвальной среды и механизмы языковой интерференции.

Результаты. По итогам исследования установлена специфика фонетической, грамматической, лексико-семантической нативизации английского языка.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении и расширении научных представлений о нативизации английского языка в билингвальной среде. **Практическая значимость** заключается в возможности использования полученных результатов при изучении и преподавании дисциплин, связанных с контактной лингвистикой и вариативностью английского языка, а также при подготовке научных и учебных работ в сфере социо- и медиалингвистики.

Ключевые слова: англоязычные нигерийские СМИ, билингвальная среда, билингвизм, двуязычие, медиадискурс, нативизация английского языка, языковая интерференция

Для цитирования:

Волошина Т. Г., Богданова М. Д. Нативизация английского языка в условиях билингвальной среды Нигерии (на примере англоязычных нигерийских СМИ) // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 6. С. 20–31. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-20-31>

Original research article

NATIVIZATION OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE BILINGUAL ENVIRONMENT OF NIGERIA (BASED ON ENGLISH-LANGUAGE NIGERIAN MEDIA)

T. Voloshina^{1,2}, *M. Bogdanova*^{3*}

¹ Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

² Moscow International University, Moscow, Russian Federation

³ Belgorod State National Research University (Stary Oskol branch), Stary Oskol, Belgorod Region, Russian Federation

* Corresponding author: bogdanova-marina.busy@yandex.ru

Received by the editorial office 17.09.2025

Revised by the author 26.09.2025

Accepted for publication 03.10.2025

Abstract

Aim is to analyze the specifics of English language nativization in post-colonial countries and to identify key nativization processes in a bilingual environment based on English-language Nigerian media.

Methodology. The study presents approaches of Russian and international linguists to defining the phenomenon of “nativization”. The linguistic characteristics of the bilingual environment and the mechanisms of language interference are identified.

Results. The research establishes the phonetic, grammatical, and lexico-semantic specifics of English language nativization.

Research implications. The study clarifies and expands scientific understanding of the nativization of English in a bilingual context. The results may be applied in the study and teaching of courses related to contact linguistics and English language variation, as well as in the preparation of academic and teaching materials in the fields of socio- and media linguistics.

Keywords: Nigerian English media, bilingual environment, bilingualism, media discourse, English nativization, language interference

For citation:

Voloshina, T. G. & Bogdanova, M. D. (2025). Nativization of the English language in the bilingual environment of Nigeria (based on English-language Nigerian media). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, 20–31. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-20-31>

Введение

Масштабное распространение английского языка в XX веке, а также становление сравнительно-сопоставительной лингвистики и развитие крупных социолингвистических исследований послужили важным толчком для переосмысления природы языка и его функционирования в обществе. Внимание исследователей стало фокусироваться не только на структурных характеристиках

языка, но и на его социокультурных, психологических и коммуникативных аспектах, отражающих взаимосвязь языка и общества.

Наиболее перспективными исследованиями выступили работы в области изучения языковых контактов в постколониальных странах Африки, когда, попадая в инородную среду, английский язык становится единственным адекватным инструментом межэтнического об-

щения, как на бытовом уровне, так и на уровне администрирования и политики. Однако высокая концентрация автохтонных языков в Африканских странах, в частности будет рассмотрена языковая ситуация в Федеративной Республике Нигерии, где насчитывается свыше 500 локальных языков, и неспособность английского языка выражать культурные реалии и самобытность нигерийцев, приводят к его нативизации. Явление «нативизация языка» в лингвистических науках рассматривается с точки зрения структурных изменений на фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом уровнях. Специфика данного явления осложняется билингвальной природой человеческих коллективов, где нативизация языка проходит по уникальному сценарию, создавая гибридные конструкции, механизмы порождения которых могут определяться рядом экстралингвистических факторов: возникновение иностранного языка в инородной среде, отношение говорящих к языку, их возраст, пол, социальный статус, социальный контекст осуществления коммуникации.

Изучение специфики нативизации английского языка в настоящей работе осуществляется в рамках англоязычного нигерийского медиадискурса, представляющего собой транснациональное цифровое пространство, объединяющее мультикультурное многоязычное сообщество, скрепляющим элементом которого выступает английский язык, находящийся под воздействием автохтонных языков и культур, что обеспечивает богатый материал для анализа механизмов нативизации.

Для полноценного исследования явления нативизации английского языка в билингвальной среде Нигерии целесообразно подробно изучить теоретические подходы освещаемой проблемы.

Теоретические предпосылки исследования

Глобальное распространение английского языка и возникновение множества его вариантов привело к формированию новой научной парадигмы в лингвистике – “World Englishes Paradigm”, фундаментальный вклад в которую внёс индийско-американский лингвист Б. Б. Качру (B. V. Kachru). Данная парадигма строится на концепции концентрических кругов, описывающих распространение английского языка в мире. На основании этой теории все сформировавшиеся варианты английского языка можно разместить, исходя из функциональных отличий в трёх кругах: внутренний (включает в себя такие страны, как Великобритания, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия), внешний (Индия, Нигерия, Кения, Гана, Сингапур, ЮАР, Филиппины) и расширяющийся (Россия, Китай, Япония). Согласно данной теории проявление нативизации английского языка детерминировано и зависит от функциональной необходимости в определённом социокультурном контексте [1].

В работе немецкого лингвиста Э. Шнайдера (E. Schneider) представлено, как варианты английского языка развиваются в диахронии. По утверждению Э. Шнайдера, «существует общий основополагающий процесс» эволюции языка на территориях стран внешнего круга, на основании этого процесса формируется независимый вариант языка отличный от “стандартного”. Процесс нативизации языка в концепции Э. Шнайдера – это один из этапов в цепочке эволюционирования иностранного языка в чужеродной среде, который начинается с фазы основания (Foundation), характеризующейся введением иностранного языка в новую среду. Затем идёт фаза экзонормативной стабилизации (Exonormative stabilization), то есть закрепление английского языка в социальных и административных институтах. Центральным звеном в концепции Э. Шнайдера выступает фаза

нативизации (Nativization), где происходит необратимая языковая трансформация, способная выражать национальную идентичность человеческого коллектива. В последствии наступает фаза эндономативной стабилизации (Endonormative Stabilization), характеризующаяся развитием внутренних эталонных норм языка, принятием данной нормы социумом и необходимостью её кодификации. На последнем этапе языковой ассимиляции (фаза дифференциации (Differentiation)) происходит становление самостоятельного варианта с усиленным лингвистическим разнообразием [2].

В отечественной лингвистической традиции концепты «нативизация» и «индигенизация» языка сформировались в рамках изучения языковых процессов в постколониальных обществах, где наблюдается институциональное закрепление новых языковых форм, возникающих на базе английского, французского или португальского языков. В своих работах Ж. Багана, Е. В. Хапилина подчёркивают, что процесс нативизации языка происходит ввиду «ситуативно ограниченных и несистематических контактов двух или нескольких разноязычных народов», то есть «пиджинизации», когда для обеспечения межэтнического общения формируется упрощённый язык – пиджин, лишённый устойчивой грамматической системы, с ограниченным словарным запасом и зачастую с заимствованной лексикой доминирующего языка. Однако в условиях длительного взаимодействия между этническими группами, особенно при передаче этого пиджина следующим поколениям, начинается процесс нативизации, в результате которого пиджин приобретает черты полноценного языка, развивается грамматика, расширяется лексика, формируются стилистические и социокультурные нормы [3].

Т. Г. Волошина в своих исследованиях подчёркивает, что «индигенизация» представляет собой не просто заимствования языковых структур, а глубокую

трансформацию языка в процессе его интеграции в новую языковую и культурную среду, сопровождающуюся перераспределением функциональных доменов, изменением фонетических, лексикограмматических норм, а также становлением новых дискурсивных практик [4].

В своих исследованиях Э. А. Бочарова рассматривает «нативизацию» языка как сложный адаптационный процесс, происходящий в условиях устойчивого межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Исследуя идиоматику южноафриканского варианта английского языка, автор акцентирует внимание на фразеологических единицах, как наиболее чувствительных к лингвосоциокультурным изменениям, на основании чего под «нативизацией» понимается трансформация языка, при которой заимствованные или адаптируемые элементы не просто включаются в систему языка-реципиента, но получают устойчивое функционирование в рамках местной языковой нормы [5].

Таким образом, под нативизацией английского языка понимается языковая адаптация, представляющая собой многоаспектный процесс в условиях длительного и устойчивого межъязыкового и межкультурного взаимодействия, при котором происходит глубокая трансформация языковых элементов. Наибольший интерес вызывают билингвальные сообщества, где происходит неоднозначное языковое взаимодействие, приводящее к формированию гибридных языковых конструкций.

В рамках данного исследования будет рассмотрена англо-нигерийская билингвальная среда как уникальная область взаимодействия автохтонных языков, пиджина английского языка, европейских и арабских языков, выражающаяся в формировании вариативных типов билингвизма.

В лингвистике билингвизм не имеет точного определения, его описывают как в широком смысле – попеременное

пользование двумя языками, так и в узком смысле – владение языками на одном уровне. Также научные споры связаны и с разграничением понятия «двуязычия» и «билингвизма», в настоящей работе эти понятия будут отождествлены. Под билингвизмом понимается индивидуальное овладение двумя языками, их массовое или коллективное использование в языковых сообществах, результатом которого будет не просто осуществление коммуникации, а формирование новых языковых систем и мыслительных процессов. Степень владения вторым языком может варьироваться от базового уровня до достаточно высокого владения языком¹.

В свою очередь «билингвальная среда» определяется как устойчивое социокультурное пространство, в котором взаимодействие языков выступает нормой повседневной коммуникации. В условиях англо-нигерийского билингвизма такая норма приводит к становлению различных форм билингвизма: подчинённое двуязычие, стремящееся к сбалансированному билингвизму в случае взаимодействия этнического языка и пиджин английского языка, под которым понимается относительно равное владение двумя языками во всех функциональных сферах. На практике достижение полной симметрии между языками крайне затруднено, что обусловлено объективными асимметриями в социокультурных и этнолингвистических условиях их функционирования. Зафиксирован координативный тип билингвизма (оба языка абсолютно автономны, каждому языку соответствует свой набор грамматических правил и понятий) в случае взаимодействия стандартного английского языка и этнических языков или пиджин английского языка, но ведущий к формированию субстративного билингвизма, когда происходит утрата родного языка

в случае с автохтонными языками. Концепт билингвизма в Нигерии выходит за рамки бинарного противопоставления «родной – неродной язык», приобретая форму динамичного и многомерного континуума, где один и тот же индивид может одновременно быть носителем нескольких первых языков, чередуя их в зависимости от контекста.

Постоянный языковой контакт способствует формированию механизмов языкового обмена, взаимопроникновению лингвистических систем и формированию гибридных языковых структур, под которым понимается языковая интерференция. Основным механизмом языковой интерференции выступает такое явление как “code-switching”. Механизм “code-switching” (от англ. *code-switching* – «переключение языкового кода») категоризируется на «смешение языкового кода», когда происходит вкрапление иностранного слова в структуру предложения, уподобляясь языковым правилам принимающего языка, и «переключение языкового кода» – полное соответствие фонетическим, грамматическим конструкциям другого языка [6].

Таким образом, нативизация английского языка в условиях билингвальной среды Нигерии может быть охарактеризована как сложный многоуровневый процесс адаптации и переосмысления исходной языковой системы под влиянием социокультурных, когнитивных и коммуникативных факторов, приводящий к формированию устойчивой функциональной разновидности языка, обладающей самобытными, структурными и прагматическими характеристиками. Подобная языковая модель отчётливо прослеживается в медиадискурсивных практиках англоязычных нигерийских СМИ, которые представляют собой многомерный языковой континуум, сосредотачивающий в себе как локальные, так и глобальные тенденции в области визуализации, рубрикации и языкового оформления.

¹ Вишневецкая Г. М. Билингвизм и его особенности: учебное пособие. Иваново: ИвГУ, 1997. 98 с.

Результаты исследования

Базой исследования послужили англоязычные нигерийские газетные издания The Punch, Daily Post, The Nation, The Guardian, видеоматериалы англоязычных нигерийских телеканалов на онлайн-платформах Arise News, AREWA24, NTA, OnTV Nigeria HQ, TVC и др, а также источники из социальных сетей: Instablog-9ja, Nairland и др. за 2020–2025 гг.

Фонетическая нативизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе представлена рядом артикуляционных и просодических манифестаций в рамках консонантизма и вокализма. Наблюдается систематическая субституция согласных звуков. Так, межзубные согласные звуки /θ/ и /ð/ практически полностью игнорируются нигерийцами и подлежат заменам на звуки /t/ и /d/, например в словах *think* – [tɪŋk] – думать и *this* – [dɪs] – это [7, с. 21]. Звук /w/ в нигерийском варианте английского языка заменяется на звонкий /v/: *wine* – [vɑɪn] – вино и *witch* – [vɪtʃ] – ведьма. Отмечена палатализация звука /l/, проявляющаяся в её артикуляции с дополнительным подъёмом средней части языка к твёрдому нёбу, что приводит к более мягкому звучанию данного согласного. Этот процесс особенно заметен в позициях перед передними гласными и полугласными, например, в словах типа *leave* – [lɪv] – покидать, *light* – [lɑɪt] – свет, где звук приобретает оттенок, близкий к палатализованному /lʲ/.

В рамках вокализма установлена монофтонгизация дифтонгов /eə/ - /e/, /əʊ/ - /ɔ/, /ɪə/ - /i/, /ʊə/ - /ɔ/: *care* – забота – [ke], *home* – дом – [hɔm], *fear* – страх – [fi], *tour* – тур – [tɔ]. Наряду с данной фонетической особенностью, прослеживается редукция долготы гласных звуков /i:/ - /i/, /u:/ - /u/, /ɑ:/ - /ɑ/. Фонетической особенностью нативизации английского языка в англоязычных нигерийских СМИ выступает систематическая замена центрального гласного звука

/ʌ/ на ближайший по артикуляционным характеристикам гласный /ʊ/, что отмечается в таких словах, как: *bus* – автобус – [bʊs], *cut* – резать – [kʊt], *luck* – удача – [lʊk] [7].

Фонетическая нативизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе обусловлена интерференцией со стороны автохтонных языков, в которой отсутствуют артикуляционно привычные звуки для местных нигерийских языков. Существенную роль звукопроизносительной системы нигерийского варианта английского языка играет тональная природа автохтонных языков, которая характеризуется относительно ровным тоном по сравнению с британской интонационной системой, тенденцией к силлабическому ритму, при котором слоги произносятся с почти равной степенью ударности. Указанные особенности обуславливают ограниченную редукцию гласных и более чёткую артикуляцию.

Грамматическая нативизация английского языка в англоязычных нигерийских СМИ определяется как адаптация морфологических и синтаксических структур, отражающих как интерференцию автохтонных языков, так и формирование уникальных грамматических моделей, определяющих специфику нигерийского варианта английского языка. Грамматическая нативизация проявляется в симплификации грамматических времён, модальных глаголов, инфинитивных и герундальных конструкций, опущении артиклей и предлогов, или их замене [8].

Рассмотрим пример новостной сводки англоязычных нигерийских СМИ, где наблюдаем симплификацию категории прошедшего времени Past Perfect в случае: ... *he perpetrated during his time as governor...* (... он осуществлял во время своего пребывания на посту губернатора¹), когда по правилам британского английского языка необходимо использовать граммати-

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи – Т. В. и М. Б.

ческое время, которое указывает на осуществление действия или его завершение до начала другого действия в прошлом, то есть – *had perpetrated* – осуществлял грамматического времени Past Perfect:

*The agency accused Mr Bello in the 19 charges of diverting over N80 billion in Kogi State funds through a money laundering scheme he perpetrated during his time as governor.*¹ – Агентство обвинило господина Белло по 19 пунктам в присвоении более 80 миллиардов найр из средств штата Когги через схему отмывания денег, которую он осуществлял во время своего пребывания на посту губернатора.

В следующем высказывании грамматическая нативизация английского языка англоязычного нигерийского медиадискурса устного высказывания проявляется сразу в нескольких местах, поскольку для устной речи типична большая степень отклонения от норм британского английского языка. Во-первых, в условной части предложения *...if Pascal refused to do what is necessary, he should not bother* (... если Паскаль откажется сделать то, что необходимо, ему не стоит даже пытаться) при согласовании времён необходимо вместо модального глагола *should* использоваться *would*, в соответствии с правилами британского английского языка. Во-вторых, грамматическая форма глагола *to be* – *быть* в этом же примере должна иметь форму прошедшего времени *was* в соответствии с правилами согласования времён британского английского языка. Рассмотрим пример:

*Hellen also once said that if Pascal refused to do what is necessary, he should not bother. She, however, noted that anywhere she sees Cubana Chief Priest in the world, she would hold his neck.*² – Хеллен также однажды

¹ Ndidiana Ede. Yahaya Bello's Trial: EFCC seeks to re-examine prosecution witness, defence objects [Электронный ресурс] // Premium Times : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Rm4Hc> (дата обращения: 31.10.2025).

² Eniola Lasaki, Cubana CP Finally Replies to Hellen Ati During Holiday in France: "Which kind Baby Daddy be Dis?" [Электронный ресурс] // Legit : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Rm4Jy> (дата обращения: 01.11.2025).

сказала, что если Паскаль откажется сделать то, что необходимо, ему не стоит даже пытаться. Однако она отметила, что где бы в мире она ни увидела Кубану Чиф Приста, она схватит его за шею.

В следующей реплике англоязычного нигерийского медиадискурса наблюдается некорректное использование модального глагола *can* – *могу*, который по согласованию времён британского английского языка должен приобрести форму *could* – *могу*:

*While it primarily affects women, she noted that new fathers can also suffer from postpartum depression – an often-overlooked reality.*³ – Хотя это в первую очередь касается женщин, она отметила, что молодые отцы также могут страдать от послеродовой депрессии – реальности, которую часто упускают из виду.

В следующем примере англоязычного нигерийского медиадискурса необходимо использование определённого артикля *the* перед выражением *political season* – *политический сезон* для конкретизации данного явления, поскольку речь идёт об определённом политическом избирательном сезоне 2027 г. в Нигерии:

*As political season begins in Nigeria ahead of the 2027 elections, we are beginning to see another round of promises, slogans, and declarations of vision.*⁴ – По мере того как в Нигерии начинается политический сезон в преддверии выборов 2027 года, мы начинаем наблюдать очередную волну обещаний, лозунгов и деклараций о видении будущего.

³ Zainab Adewale. PT Health Watch: Why postpartum depression needs urgent attention in Nigeria [Электронный ресурс] // Premium Times : [сайт]. URL: <https://www.premiumtimesng.com/news/top-news/793254-pt-health-watch-why-postpartum-depression-needs-urgent-attention-in-nigeria-experts.html> (дата обращения: 24.09.2025).

⁴ Dakuku Peterside. New wave of malnutrition and the road to 2027 [Электронный ресурс] // Vanguard : [сайт]. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/07/new-wave-of-malnutrition-and-the-road-to-2027-by-dakuku-peterside/> (дата обращения: 01.11.2025).

Рассмотрим высказывание из англоязычных нигерийских социальных сетей:

*"Please send **the** description of where I can do DNA" – Lady recounts how a man doubted his own mother after she got him arrested for b3ating his wife¹. – Пожалуйста, отправьте информацию о месте, где я могу сделать ДНК» – девушка рассказывает, как мужчина усомнился в собственной матери после того, как она добилась его ареста за избиение жены.*

Помимо того, что в приведённом примере происходит семантический сдвиг лексемы *description* – описание, когда автором подразумевается получение информации о месте, соответственно, целесообразнее использовать лексику *information* – информация, то использование определённого артикля *the* не совсем корректно, так как определённый артикль употребляется при условии, если объект или предмет известны слушающему и говорящему, что не соответствует контексту высказывания.

Отличительной особенностью грамматической нативизации английского языка в рамках синтаксиса является открытые кавычки в прямой речи (см. рис. 1).

Практика открытых кавычек часто фиксируется в медиадискурсе Нигерии, что отражает тенденцию к упрощению графико-пунктуационных норм и адап-

тации письменной формы английского языка к локальным стандартам письменной коммуникации.

Таким образом, грамматическая нативизация английского языка в англоязычных нигерийских СМИ выражает глубокие трансформационные процессы данного языкового кода, проявляющиеся в формировании уникальных конструкций, что обеспечивает функциональную эффективность английского языка в биллингвальных сообществах Нигерии.

Лексико-семантическая нативизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе определяется преобразованием исконно английской лексики, в данной работе рассматриваются такие процессы, как: расширение и сужение значения лексической единицы; смещение значения, метафорический перенос значения лексической единицы.

Под расширением значения лексической единицы понимается процесс увеличения её семантического поля, при котором к исходному значению добавляются новые смысловые оттенки или функционально-прагматические интерпретации, не присущие ей в стандартной языковой норме. Рассмотрим пример в англоязычном нигерийском медиадискурсе, где наблюдаем семантическое расширение лексической единицы:

"We wish to state unequivocally that the NMA remains united, functional, and guided by its constitution in all actions and decisions.

"While the NMA leadership recognises and respects the right of members to express opinions, it must be emphasised that only communications and decisions emanating from constitutionally recognised organs of the association represent its official position. No informal group or ad hoc platform has the authority to speak or act on behalf of the NMA.

"Importantly, the NMA constitution empowers members to request an Emergency Delegates Meeting (EDM) to deliberate on pressing issues. This right remains fully acknowledged and protected.

Рис. 1 / Fig. 1. Отрывок из статьи англоязычной нигерийской газеты The Punch / An excerpt from an article in the English-language Nigerian newspaper The Punch.

Источник: Advocacy group applauds court verdict in Bamise's murder case [Электронный ресурс] // Premium Times : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Rm4e6> (дата обращения: 24.09.2025).

Cater to – угождать.

В британском английском языке глагол *to cater to* определяется как “*to provide the things that a particular type of person wants, especially things that you do not approve of*”.¹ – предоставлять то, что нужно определённому типу людей, особенно то, что вы не одобряете. Однако в контексте представленного высказывания глагол *to cater to* – это не про угождение желанию какого-либо человека, а обслуживание клиентов с включением различного рода функций.

Под сужением значения лексической единицы понимается процесс уменьшения её семантического поля, при котором слово утрачивает часть исходных значений или контекстов употребления и закрепляется за более узкой, специализированной сферой.

Plight – бедственное положение дел.

В связи с регулярными социополитическими проблемами внутри страны лексическая единица *plight* в британском английском языке означает бедственное положение дел. В англоязычных нигерийских СМИ лексема *plight* претерпевает семантическое сужение: вместо того чтобы однозначно обозначать кризис или тяжёлое положение, данная лексема часто используется как нейтральный синоним к лексическим единицам *ситуация, положение дел* даже в описаниях, которые не несут выраженной эмоциональной окраски, например:

*Also, the absence of medical facilities worsens our plight.*² – Кроме того, отсутствие медицинских учреждений ухудшает наше положение.

¹ См.: Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/cater-to?q=cater+to> (дата обращения: 01.11.2025).

² Abdullateef Fowew. Sokoto communities where villagers spend 10 hours hunting for water in Niger Republic [Электронный ресурс] // The Punch : [сайт]. URL: <https://punchng.com/sokoto-communities-where-villagers-spend-10-hours-hunting-for-water-in-niger-republic/> (дата обращения: 01.11.2025).

*He spoke on the plight of students during the strike.*³ – Он обсудил ситуацию студентов во время забастовки.

Под смещением значения лексической единицы понимается изменение её семантического содержания, при котором исходное значение трансформируется и замещается новым, не совпадающим с первоначальным смыслом. В отличие от расширения или сужения, смещение предполагает качественное переосмысление лексемы, когда слово приобретает принципиально иной смысл, обусловленный культурными, коммуникативными и когнитивными особенностями речевой среды.

В стандартном английском языке *bullet* обозначает пуля, однако в рассматриваемом высказывании оно смещает значение и обозначает *шпаргалку* для списывания в учебном контексте:

*If you no get bullet, e go hard to pass that exam.*⁴ – Если у тебя нет шпаргалки, будет трудно сдать этот экзамен.

В следующем примере выражение *long leg* представляет собой метафорический перенос, под которым понимается стилистический троп, основанный на переносе значения слова или выражения с одного понятия на другое на основе их сходства и ассоциативной связи. В стандартном английском языке *long leg* буквально означает *длинная нога*, однако в нигерийском англоязычном медиадискурсе оно используется метафорически для обозначения влияния, власти или возможностей человека, которые позволяют ему решать вопросы быстро и эффективно:

*She use her long leg to settle the matter quickly.*⁵ – Она использовала своё влияние, чтобы быстро уладить вопрос.

³ Instablog9ja : telegram-канал. URL: t.me/Instablog9jaofficial (дата обращения: 24.09.2025). Далее – Instablog9ja : telegram-канал.

⁴ Re: Bride's Mother In Tears As Guests Leave Wedding Before Food Arrives [Электронный ресурс] // Nairaland Forum : [сайт]. URL: <https://www.nairaland.com/search?q=Werey+&search=Search> (дата обращения: 26.09.2025).

⁵ Instablog9ja : telegram-канал.

Лексико-семантическая нативизация фразеологизмов английского языка в англоязычных нигерийских СМИ представляет собой процесс адаптации и переосмысления устойчивых выражений в контексте местной культуры и социолингвистических реалий. Под фразеологическими единицами понимаются устойчивые словосочетания и выражения с переносным, образным значением, выражающие особенности лингвосоциокультурной картины мира носителей языка.

To take the wind out of your sails – to take the sun out of one's life – разочаровать кого-то.

В приведённом примере функционирует фразеологизм нигерийского варианта английского языка *to take the sun out of one's life – разочаровать кого-то*, который произошёл от фразеологизма американского варианта английского языка *to take the wind out of your sails – буквально «убрать ветер из парусов»*, то есть разочароваться. Во фразеологизме нигерийского варианта английского языка происходят лексические трансформации: 1) лексема *wind – ветер* меняется на лексему *sun – солнце*, что обусловлено спецификой солёного климата; 2) лексема *sails – паруса* трансформируется в лексему *life – жизнь*, так как для нигерийцев (в отличие от британцев) море и океан воспринимаются как желанные, но не первоначально значимые условия для проживания. Рассмотрим пример:

*You took the sun out of my life.*¹ – Ты меня разочаровал.

Рассматриваемый далее фразеологизм британского английского языка *a bold journey* претерпевает аффиксальное изменение в англоязычном нигерийском медиадискурсе: прибавление суффикса существительного *-ness* к прилагательному *bold – отважный*, что придаёт лексической единице концептуальную

завершённость и семантическую самостоятельность, тем самым подчёркивается конкретика данного фразеологизма:

*Personal clarity precedes an entrepreneurial journey because a confused owner is a confused business. I also help them embark on the 'boldness' journey. Boldness is not shouting; boldness is the process of knowing what to do, how to do it, and when to carry it out. I also call this the power of precision.*² – Личная ясность предшествует предпринимательскому пути, потому что запутавшийся владелец – это запутанный бизнес. Я также помогаю им начать путь «смелости». Смелость – это не крик, а процесс понимания, что нужно делать, как это делать и когда выполнять. Я называю это силой точности.

‘Yíyọ̀ èkùn; tojo kọ́ – в буквальном смысле «Стирай слёзы, день ещё не закончился», происходит из языка йоруба.

Этот фразеологизм обозначает «не спеши оплакивать или сдаваться, время ещё есть», перевод которой дословно будет весьма непонятен, так как в рассматриваемом примере заложен глубинный культурный смысл. Рассмотрим пример:

*This poignant moment reminds us that the gentleness of a lion is not a sign of weakness, but rather a testament to its wisdom and strength, as embodied in the proverb ‘Yíyọ̀ èkùn; tojo kọ́’.*³ – Этот проникновенный момент напоминает нам, что мягкость льва – не признак слабости, а, напротив, свидетельство его мудрости и силы, как выражено в пословице *‘Yíyọ̀ èkùn; tojo kọ́* («Не спеши оплакивать или сдаваться, время ещё есть»).

² Oluwakemi Adelagun. Women in STEAM: How women can build online presence, showcase their expertise [Электронный ресурс] // Premium Times : [сайт]. URL: <https://www.premiumtimesng.com/gender/793335-women-in-steam-how-women-can-build-online-presence-showcase-their-expertise-brand-expert.html> (дата обращения: 01.11.2025).

³ Awujale: Council for Ifa Religion to sue Ogun govt, monarch's family for violation of burial rites [Электронный ресурс] // The Nation : [сайт]. URL: <https://thenationonline.ng/awujale-council-for-ifa-religion-to-sue-ogun-govt-monarchs-family-for-violation-of-burial-rites/> (дата обращения: 24.09.2025).

¹ O. Uj. Gabriel. Uj Idiom Dictionary with English interpretations. Published via Amazon's Kindle Direct Publishing platform, 2023. 281 p.

Таким образом, лексико-семантическая нативизация английского языка наиболее выражена в англоязычном нигерийском медиадискурсе. Она отражает глубокие трансформационные процессы переосмысления и функциональной адаптации английского языка к локальному лингвосоциокультурному контексту.

Заключение

Исходя из проведённого анализа явления нативизации английского языка в билингвальном сообществе англоязычного нигерийского медиадискурса очевидно, что данный процесс представляет собой комплексную языковую трансформацию, затрагивающую все языковые уровни. Фонетическая нативизация английского языка в англоязычных нигерийских СМИ представлена качественными изменениями в системе вокализма и консонантизма. Грамматическая нативизация выражена в симплификации грамматических времён, модальных глаголов, иных грамматических конструкций, опущении артиклей,

предлогов или их замене. В рамках синтаксиса выявляются пунктуационные упрощения, что обусловлено влиянием автохтонных языков. Лексико-семантическая нативизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе выражается такими процессами, как расширение, сужение и смещения значения лексической единицы. Обнаружены метафорические переносы и формирование новых фразеологизмов под влиянием уникальных культурных контекстов.

Наблюдаемые изменения свидетельствуют не только об интерференции со стороны автохтонных языков, но и о глубинной адаптации английского языка к лингвосоциокультурным и прагматическим реалиям нигерийского общества. Нативизация английского языка в англоязычных нигерийских СМИ является проявлением национальной идентичности, отражающей стремление речевого сообщества к выражению культурной самобытности посредством глобального языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kachru V. B. *The alchemy of English: the Spread, Functions, and Models of Non-Native Englishes*. Oxford: Pergamon Press, 1986. 200 p.
2. Schneider E. W. *Postcolonial English: varieties around the world*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 367 p.
3. Багана Ж., Хапилина Е. А. Роль смешения языков в формировании глобальной культуры // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. № 14 (69). С. 18–23.
4. Глебова Я. А. Основные характеристики языкового кода нуши // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2021. Т. 7. № 2. С. 21–30. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-3.
5. Бочарова Э. А. Южноафриканский вариант английского языка: социолингвистический аспект // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2024. Т. 14. № 3. С. 17–26. DOI: 10.21869/2223-151x-2024-14-3-17-26.
6. Волошина Т. Г., Богданова М. Д. Билингвальная среда как особая область формирования нативизации (на примере языковой ситуации в Нигерии) // *Филология будущего, которое мы создаем: тенденции, смыслы, приоритеты: материалы I Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2025 г.)* / отв. ред. Л. М. Бузинова. М.: Московский международный университет, 2025. С. 18–25.
7. Волошина Т. Г., Богданова М. Д. Специфика нативизации английского языка в Нигерии // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2025. № 3 (239). С. 16–24. DOI: 10.23951/1609-624X-2025-3-16-24.
8. Богданова М. Д., Зуева Е. А., Пересыпкин А. П. Грамматическая нативизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе // *Казанская наука*. 2025. № 8. С. 233–235.

REFERENCES

1. Kachru, B. B. (1986). *The alchemy of English: the Spread, Functions, and Models of Non-Native Englishes*. Oxford: Pergamon Press.
2. Schneider, E. W. (2007). *Postcolonial English: varieties around the world*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Baghana, J. & Khapilina, E. V. (2009). The Role of Language Mixing in the Formation of Global Culture. In: *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series*, 14 (69), 18–23 (in Russ.).
4. Glebova, Ya. A. (2021). The main characteristics of the Nouchi language code. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 7 (2), 21–30 (in Russ.).
5. Bocharova, E. A. (2024). South African English: social and linguistic aspects. In: *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 14 (3), 17–26. DOI: 10.21869/2223-151x-2024-14-3-17-26 (in Russ.).
6. Bogdanova, M. D. & Voloshina, T. G. (2025). The bilingual environment as a distinct domain of nativization formation (a case study of the language situation in Nigeria). In: *Philology of the Future We Are Creating: Trends, Meanings, Priorities: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference (Moscow, March 21, 2025)*. Moscow: Moscow International University publ., pp. 18–25 (in Russ.).
7. Voloshina, T. G. & Bogdanova, M. D. (2025). Nigerian English nativization process. In: *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3 (239), 16–24. DOI: 10.23951/1609-624X-2025-3-16-24 (in Russ.).
8. Bogdanova, M. D., Zueva, E. A. & Peresipkin, A. P. (2025). Grammar Nativization of English in Nigerian English media discourse. In: *Kazan Science*, 8, 233–235 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волошина Татьяна Геннадьевна (г. Белгород) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного национального исследовательского университета; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета;
<https://orcid.org/0000-0002-6839-9631>; e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

Богданова Марина Дмитриевна (г. Старый Оскол, Белгородская обл.) – преподаватель иностранного языка факультета среднего профессионального образования Белгородского государственного национального исследовательского университета (Старооскольского филиала);
<https://orcid.org/0009-0009-0324-2164>; e-mail: bogdanova-marina.busy@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana G. Voloshina (Belgorod) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of the Second Foreign Language, Belgorod State National Research University; Prof., Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow International University;
<https://orcid.org/0000-0002-6839-9631>; e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

Marina D. Bogdanova (Sary Oskol, Belgorod Region) – Foreign Language Lecturer, Faculty of Secondary Vocational Education, Belgorod National Research University (Sary Oskol Branch);
<https://orcid.org/0009-0009-0324-2164>; e-mail: bogdanova-marina.busy@yandex.ru

Научная статья
УДК 81-23
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-6-32-43

РАЗЛИЧИЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА КАК ПРИЧИНА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКО-ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА)

Гнатюк О. А.

*Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ),
г. Москва, Российская Федерация*

Поступила в редакцию 29.05.2025

После доработки 08.07.2025

Принята к публикации 10.07.2025

Аннотация

Цель работы заключается в выявлении психолингвистической основы интерференции, вызванной различиями в категории числа имён существительных в испанском и русском языках.

Процедура и методы. В работе применён комплексный подход, основные методы, используемые в исследовании, следующие: метод сплошной выборки, сопоставительный анализ, качественный анализ.

Результаты. В результате проведённого исследования установлено, что интерферентные ошибки, вызванные существенными различиями в категории числа, могут быть сгруппированы следующим образом: некорректная форма сопутствующего зависимого слова (имя прилагательное, неопределённое местоимение); некорректная форма глагола (знаменательного, глагола-связки). Достаточно высокий уровень языковой компетенции обучающихся, соответствующий С1, свидетельствует о психолингвистическом характере интерферентных ошибок, выявленных и проанализированных в ходе исследования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию перевода, а также являются подтверждением гипотезы влияния языковой картины мира родного языка на язык изучаемый. Полученные данные могут найти применение при составлении двуязычных словарей и грамматических пособий.

Ключевые слова: русско-испанский языковой контакт, интерференция, ошибки, грамматическая категория, число

Для цитирования:

Гнатюк О. А. Различия в репрезентации категории числа как причина интерференции (на примере русско-испанского языкового контакта) // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 6. С. 32–43. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-32-43>

Original research article

SOME DIFFERENCES OF THE NUMBER REPRESENTATION AS THE ORIGIN OF THE INTERFERENCE (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN-SPANISH LANGUAGE CONTACT)

O. Gnatyuk

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Received by the editorial office 29.05.2025

Revised by the author 08.07.2025

Accepted for publication 10.07.2025

Abstract

Aim. The aim of this study is to identify the psycholinguistic basis for interference caused by differences in the number category of nouns in Spanish and Russian.

Methodology. The complex approach is applied in the research. The main methods used in the work are continuous sampling, comparative analysis, and qualitative analysis.

Results. The study revealed that interference errors caused by significant differences in the category of number can be grouped as follows: incorrect form of the accompanying dependent word (adjective, indefinite pronoun); incorrect form of the verb (notional, linking verb). The students' relatively high level of linguistic competence, corresponding to C1, indicates the psycholinguistic nature of the interference errors identified and analyzed during the study.

Research implications. The results of the study contribute to translation theory and also support the hypothesis that the linguistic worldview of the native language influences the target language. The data obtained can be used in compiling bilingual dictionaries and grammar manuals.

Keywords: Russian-Spanish language contact, interference, mistake, grammatical category, number

For citation:

Gnatyuk, O. A. (2025). Some differences of the number representation as the origin of the interference (on the example of russian-spanish language contact). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 32–43. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-32-43>

Введение

Язык представляет собой упорядоченную систему, чёткое структурирование и функционирование которой обеспечивается наличием категорий.

Термин *категория* (от греч. *kategoría* (*κατηγορία*) – обозначает «наиболее общие понятия и принципы, описывающие структурную организацию природы, общества и рассудочной деятельности»¹.

Изучение категорий как явлений действительности изначально началось в

области философии. Так, Аристотелем впервые было выделено десять категорий: «сущность, количество, качество, отношение, место, время, действие, страдание, обладание, самонахождение (положение)»².

В течение тысячелетий в рамках различных философских течений содержание и количество категорий менялось, однако принцип отношения к категориям как к опорным точкам структуры картины мира оставался неизменным. Как отмечено Н. В. Зененко, «категория –

¹ См.: Категория // *Словарь философских терминов* / научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2010. XVI. С. 247.

² См.: Категория // *Философский энциклопедический словарь*. М.: ИНФРА-М. 2009. С. 204.

это способ осмысления и систематизации «познаваемого» нашим сознанием и мышлением» [1, с. 35]. Действительно, категории позволяют упорядочить поток восприятия и структурировать содержание картины мира.

Одни и те же категории имеют различную репрезентацию в разных областях знаний. *Языковая категория* – это «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства»¹.

В области языкознания под категориями понимаются, прежде всего, грамматические категории. *Грамматическая категория* определяется как «категория, имеющая обязательное формально-языковое выражение и проявляющаяся на основе сопоставления грамматических форм»². При этом грамматическая категория «выступает как замкнутая система взаимоотноисключающих грамматических значений, задающая разбиение обширной совокупности словоформ на непересекающиеся классы»³. Во всём многообразии грамматических категорий можно выделить две основные группы, а именно: морфологические (род, число, падеж и др.) и синтаксические (синтаксических конструкции).

Число – это «грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли»⁴. Цель работы заключается в рассмотрении ключевых особенностей репрезентации категории *числа* в испанском и русском языках как потенциальной причины возникновения интерференции.

Для достижения цели были поставлены следующие *задачи*: рассмотреть сущность *категории числа* в лингвистике, проанализировать особенности выражения *категории числа* в испанском и русском языках, выявить типичные интерферентные ошибки, возникающие в области *категории числа* при русско-испанском языковом контакте.

Теоретическую базу исследования составили работы, рассматривающие категорию числа в философском и лингвистическом аспектах [1–5], исследования, затрагивающие вопросы функционирования категории числа в испанском языке [1; 2; 6–9], а также ряд специальных словарей⁵ и грамматических пособий⁶, в том числе электронные ресурсы⁷.

Исследование проведено на практическом материале устной речи русскоязычных обучающихся испанскому языку в рамках Института Сервантеса (*Instituto Cervantes*), образовательной организации, занимающейся развитием и преподаванием испанского языка, а также популяризацией испанской культуры⁸. Уровень владения испанским языком обучающихся соответствует C1, согласно

¹ См.: Булыгина Т. В., Крылов С. А. Категория // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 215. Далее – Булыгина Т. В., Крылов С. А. Категория.

² См.: Грамматическая категория // Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. С. 77–78.

³ См.: Булыгина Т. В., Крылов С. А. Категория.

⁴ См.: Виноградов В. А. Число // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 583. Далее – Виноградов В. А. Число.

⁵ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.; Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.

⁶ Minova M. V. Gramática teórica de Español como Lengua Extranjera. Morfología: учебное пособие. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2022. 112 с. (Далее – Minova M. V. Gramática teórica de Español como Lengua Extranjera); Las 500 dudas más frecuentes del español. Barcelona: Instituto Cervantes, Espasa Libros, 2013. 366 p.; Gramática para todos: Proyecto pedagógico con modalidad a distancia para terminalidad de estudios de EGB 3 y Educación Polimodal ED-ITEP / María Victoria Gómez de Erice. 1ª. ed. Mendoza: EDIUNC, 2005. 134 p.

Здесь и далее перевод текста иностранных источников наш – О. Г.

⁷ Diccionario de la lengua española [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения: 10.03.2025). Далее – Diccionario de la lengua española.

⁸ Институт Сервантеса в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://moscu.cervantes.es/ru/default.shtm> (дата обращения: 01.04.2025).

Общеввропейской шкале владения иностранными языками (*Common European Framework of References / CEFR*)¹, что подтверждается самим фактом обучения в группах соответствующего уровня, предполагающим входное тестирование².

Материал исследования составили фрагменты устных высказываний (монологи, диалоги), записанные как в ходе занятий групп (*C1. Nivel Dominio, Lectura, Conversación*), так и в перерывах между ними, трансформированные в письменную форму для удобства анализа и оформленные автором статьи в «Корпус устной речи на испанском языке русскоязычных обучающихся», длительность которого составляет более 10 часов звучащей речи.

Данный корпус является источником информации о фактах интерференции, возникающей при русско-испанском языковом контакте на различных языковых уровнях. Для целей данного исследования в корпусе были отобраны случаи использования лексемы *gente* (люди), как характерного примера имени существительного, имеющего несоответствия в *категории числа* в испанском и русском языках.

Особенности грамматической категории числа

Концептуальные особенности категории *числа*, изначально осмысленные в философии (прежде всего в рамках учения Пифагора), и, безусловно, доведённые до логического совершенства в математике³, с течением хода истории получили репрезентацию и в других областях знаний.

В лингвистике *число* является не просто самостоятельным и самодостаточным понятием, но и одной из ключевых категорий. При этом, как отмечено А. А. Реформатским, «грамматическая категория числа преломляется в грамматической системе различных языков по-разному, и, подобно тому, как категория рода – не одно и то же, что различия пола, и грамматическое число – не копия математического числа» [5, с. 68].

Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, *число* (*англ. number, фр. nombre, нем. Numerals, Zahl, исп. número*)⁴ кроме всего прочего служит для обозначения «количества путём противопоставления раздельной множественности (с вариантами – два, три, больше трёх и т. п.) единичности предметов»⁵.

Согласно Н. В. Зененко, «грамматическая категория числа коррелируется с понятийно-семантической категорией единичности/множественности и является ядром ЛГК числительного» [1, с. 39].

Совершенно очевидно, что *число* является непрременной характеристикой числительного, тем не менее важно отметить, что она присуща и другим частям речи. Так, по отношению к имени существительному число выражает: «количественные характеристики предметов (независимая функция) и синтаксическое согласование с другими существительными (синтаксическая функция)»⁶.

Мы согласны с тем, что «семантические и грамматические особенности существительных отражаются в категории числа и представляют сложный предметно-смысловой узел» [2, с. 178].

¹ См.: The CEFR Levels [Электронный ресурс] // Common European Framework of References for Languages (CEFR) : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Rm7g2> (дата обращения: 01.04.2025).

² См.: Тестирование уровня владения испанским языком [Электронный ресурс] // Институт Сервантеса в Москве : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Rm7in> (дата обращения: 01.04.2025).

³ См.: Number // Webster's encyclopedic unabridged dictionary of the English language. New York/ Avenel, New Jersey: Random house, Gramercy books, 1989. P. 989.

⁴ См.: Число // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 516.

⁵ Там же.

⁶ См.: Число // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов; 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 628. Далее – Число // Русский язык. Энциклопедия (гл. ред. Ю. Н. Караулов).

В различных языках категория *числа* может охватывать целый спектр параметров: «от определения грамматической категории числа (более одного), разграничения между исчисляемыми и неисчисляемыми (существительными), определения признаков коллективности и/или совокупности предметов одиночных и идентичных, до свойств, присущих предметам» [10, p. 619].

Грамматическая категория *числа* сопряжена с философской категорией *количества*, но не является абсолютно синонимичной ей. Категория *числа* – это «одно из проявлений более общей языковой категории количества»¹.

Так как грамматическое выражение категории *числа* не всегда совпадает с понятийным содержанием категории *количества*, определённый диссонанс семантического восприятия *количества* и грамматического выражения *числа* возникает при использовании ряда существительных, имеющих форму только единственного (*singularia tantum*) или множественного числа (*pluralia tantum*).

Как отмечено М. А. Кумаховым, «значение мн. числа далеко не всегда выражается грамматической формой мн. числа. < ... > способность имен существительных в форме ед. числа обозначать множественность объектов – обычное явление в языках различных типов» [4, с. 65].

Мы полностью согласны с тем, что «грамматическая категория числа относится к разряду имманентных категорий, поскольку концепт «число», или «количество» относится к базовым концептам, составляющим концептуальную структурирующую систему языка» [11, с. 151].

Число является постоянной категорией, которая прочно входит в структуру языковой картины мира (ЯКМ) наряду с категорией рода. Категория *числа* усваивается неосознанно в процессе постижения родного языка с раннего детства и встраивается в грамматическую струк-

туру ЯКМ. Категория числа и категория рода, способствуя «предметному восприятию действительности носителей языка», являются характерным отражением языковой картины мира [12, с. 35].

Как отмечено О. Есперсоном, категория числа только «на первый взгляд кажется очень простой, ... при более тщательном рассмотрении мы наталкиваемся на многие трудности как логического, так и лингвистического порядка» [3, с.175]. Очевидно, именно смысловые несоответствия *числа* и *количества* приводят к семантическому диссонансу, что в конечном итоге может стать причиной появления интерферентных ошибок в рамках различных языковых контактов.

В рамках русско-испанского языкового контакта морфологические особенности выражения категории *числа* указанных языков, а также их несоответствия подробно описаны в фундаментальном исследовании В. С. Виноградова и И. Г. Милославского «Сопоставительная морфология русского и испанского языков» [6]. Грамматический и лексический аспекты категории *числа* имён существительных испанского языка отражены в исследованиях Н. В. Зененко [1; 2], О. В. Лазаревой [7], А. А. Викторовой, Л. В. Буренко [13], Р. Аламилло (R. Alamillo) [8]; Р. Закариас Понсе де Леон (R. Zacarías Ponce de León) [9]; Л. Герреро (L. Guerrero) [10] и др.

В настоящей работе предпринята попытка, помимо описания несоответствий ряда проявлений категории числа в рамках русско-испанского языкового контакта, выявления и анализа конкретных проявлений ошибок интерферентного характера в результате использования в речи лексем, отличающихся в категории *числа* в указанных языках.

Грамматическая категория числа имени существительного в испанском и русском языках

Грамматическая составляющая категории *числа* заключается во внешнем

¹ См.: Виноградов В. А. Число.

выражении множественности определённым образом. В испанском и русском языках образование множественного числа имён существительных в основном осуществляется флективным способом.

В русском языке формы единственного и множественного числа «различаются системой флексий»¹. При этом «в формах ед.ч. выбор флексии зависит от типа склонения, во мн.ч. различие типов склонения проявляется лишь в части падежей»². Важно отметить также, что в русском языке «словоформы единственного и множественного числа иногда отличаются друг от друга не только окончаниями, но различного рода «наращениями» (сын – сыновья, брат – братья), чередованиями (око – очи, ухо – уши), усечениями (цветок – цветы, судно – суда), а также комбинациями этих изменений (сук-сучья, ребёнок-ребята) [6, с. 27].

В испанском языке формы множественного числа имён существительных также образуются с помощью флексий. Множественное число большинства имён существительных испанского языка образуется с помощью окончаний *-s* или *-es* в зависимости от конечной буквы (гласной или согласной)³. Например, *la mesa – las mesas, el papel – los papeles*⁴. Также следует отметить некоторые орфографические особенности образования формы множественного числа некоторых лексем (*la voz – las voces*) и наличие ряда имён существительных, имеющих одну форму для единственного и множественного числа, семантические различия которых определяются артиклем (*el lunes – los lunes*)⁵.

¹ См.: Число // Русский язык. Энциклопедия (гл. ред. Ю. Н. Караулов).

² Там же.

³ См.: La formación del plural. Plurales en *-s* y plurales en *-es*. Reglas generales [Электронный ресурс] // Real Academia Española : [сайт]. URL: <https://www.rae.es> (дата обращения: 10.03.2025); Minova M. V. Gramática teórica de Español como Lengua Extranjera. С. 10–12.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Мы согласны с тем, что в испанском языке, как отмечено В. С. Виноградовым и И. Г. Милославским, «категория числа морфологически оформлена более лаконично и единообразно» [6, с. 27].

Тот факт, что испанскому и русскому языкам в основном присущ флективный способ образования множественного числа имён существительных, обеспечивает ясность понимания для обучающихся, минимизируя появление грамматических ошибок. Однако наличие ряда испанских и русских имён существительных, имеющих семантические различия в понятии единичности/множественности, способствует возникновению когнитивного диссонанса, формирующего потенциальную базу появления интерферентных ошибок неосознанного характера. Речь идёт об именах существительных, имеющих только форму единственного (*singularia tantum*) или множественного (*pluralia tantum*) числа, не совпадающих в категории числа в испанском и русском языках.

Особенности репрезентации категории числа лексемы *gente* (люди) в испанском и русском языках

В испанском и русском языках выделяется целый ряд существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum*. Особый интерес представляют имена существительные указанных типов, имеющие семантические несоответствия в репрезентации категории числа. Например: *el dinero* (ед.ч.) – деньги (мн.ч.), *la gente* (ед.ч.) – деньги (мн.ч.); *las creces* (мн.ч.) – рост, прибыль (ед.ч.)⁶ и др.

В рамках данной работы рассмотрим интерферентные ошибки, возникающие при использовании лексемы *gente* (люди) в речи на испанском языке русскоязычными обучающимися.

⁶ См.: Марцишевская К. А., Сордо-Пенья Б. Х., Маринеро С. Карманный испанско-русский и русско-испанский словарь; 7-е изд. М.: Русский язык, 1985. С. 58, 69, 83, 111; Diccionario de la lengua Española.

Имя существительное *gente* имеет форму женского рода и единственного числа в испанском языке, но при этом соответствует имени существительного *люди* множественного числа в русском языке¹.

Следует отметить одну важную особенность употребления данной лексемы в испанском языке. Согласно Королевской академии испанского языка (RAE), «имя существительное *gente* – неисчисляемое собирательное существительное, обозначающее «люди», ... которое формально стоит в единственном числе, уже относится к группе людей, поэтому оно уже не употребляется во множественном числе»².

В то же время в испанском языке может наблюдаться использование лексемы *gente* и во множественном числе, которое «может быть оправдано по следующим двум причинам: либо это стилистическое множественное число (используемое как авторский приём в литературном языке), либо это американское употребление (в основном в Мексике, а также некоторых странах Центральной Америки), типичное для регионов, где *gente* является исчисляемым, а не собирательным существительным, синонимом слову *persona*»³. Тем не менее данные факты являются частными исключениями (стилистическими и территориальными) из общего правила, согласно которому *gente* используется в единственном числе.

Ввиду того, что описываемое исследование выполнено на материале устной речи русскоязычных обучающихся испанскому языку в рамках Института Сервантеса, формирование языковой компетенции респондентов происходит согласно общепринятым нормам и правилам испанского языка, принятым RAE, согласно которым, в рамках кастиль-

ского варианта испанского языка имя существительное *gente* употребляется в ед.ч. ж.р., и согласование с ним осуществляется соответственно этому. Например: “*Cada año va más gente a las rebajas*”, “*mucha gente*”, “*poca gente*”⁴.

В контексте подробного рассмотрения особенностей согласования лексемы *gente* следует также упомянуть один факт. Согласно правилам грамматики испанского языка, лексема *gente* согласуется с другими частями речи как имя существительное ж.р. ед.ч. кроме случаев, когда является подлежащим и согласуется со сказуемым, выраженным также именем существительным с помощью глагольсвязки *ser* (в этом случае используется форма *son*: *esta gente son asesinos*)⁵.

При согласовании с другими частями речи (именем прилагательным и др.) используется форма *es* глагола *ser*, а сопутствующее значимое зависимое слово употребляется в форме ж.р. ед.ч. Например: *La gente aquí es desordenada*⁶.

Рассмотрим интерферентные ошибки, возникающие при использовании данной лексемы в речи русскоязычных обучающихся испанскому языку.

Интерферентные ошибки, возникающие по причине несоответствия категории числа

С помощью метода сплошной выборки в «Корпусе устной речи на испанском языке русскоязычных обучающихся» отобраны примеры (словосочетания) с лексемой *gente*, сгруппированы и проанализированы.

Количественная характеристика

В результате проведённого анализа всего было выявлено 289 примеров ис-

¹ См.: Diccionario de la lengua Española.

² См. ¿Es correcto el plural «gentes»? [Электронный ресурс] // Real Academia Española : [сайт]. URL: <https://www.rae.es/espanol-al-dia/es-correcto-el-plural-gentes> (дата обращения: 07.03.2025).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. Diccionario panhispánico de dudas: Concordancia [Электронный ресурс] / Real Academia Española : [сайт]. URL: <https://www.rae.es/dpd/concordancia> (дата обращения: 07.03.2025). Далее – Concordancia // Diccionario panhispánico de dudas.

⁶ Там же.

пользования имени существительного *gente* в устной речи, что свидетельствует о высокой доли частотности данной лексемы. Среди отобранных словосочетаний зафиксирован целый ряд примеров некорректного выбора форм слов. Ошибки относятся как к области грамматической категории *рода*, так и *числа*.

Ошибки в области категории *числа* насчитывают 30 примеров и составляют 10,38% от общего количества словосочетаний.

По значимому компоненту в словосочетании все выявленные примеры могут быть сгруппированы следующим образом:

1. Некорректная форма сопутствующего значимого зависимого слова:

– имя прилагательное;

– неопределенное местоимение.

2. Некорректная форма глагола:

– знаменательный глагол;

– глагол-связка.

Наглядное распределение словосочетаний с интерферентными ошибками представлено на рис. 1.

Как видно на рис. 1, самыми частотными ошибками являются ошибки при постановке формы знаменательного глагола (33%), а также формы глагола-связки (30%) и формы прилагательного (30%). Также можно отметить, что ошибки в области категории числа именно при использовании глагола (как знаменательного, так и глагола-связки) составили большинство всех некорректных употреблений (63%).

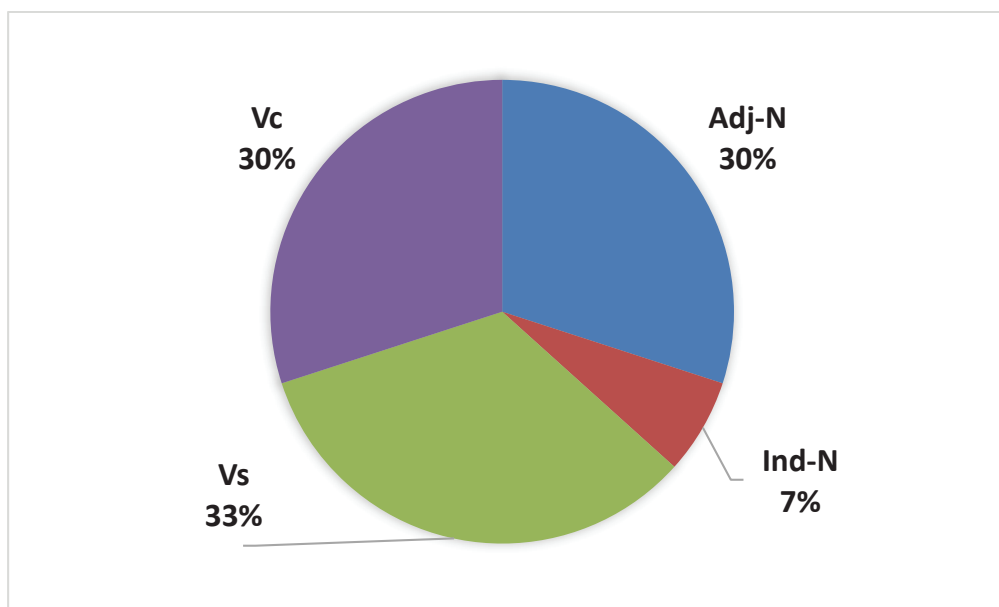

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение интерферентных ошибок по значимому компоненту в словосочетании / Interference Mistakes Distribution according to the Significant Component of the Word Collocation

Условные обозначения / Legend

Adj (*Adjetivo*) – некорректная форма имени прилагательного / incorrect form of an adjective

Ind (*Indefinido*) – некорректная форма неопределенного местоимения / incorrect form of an indefinite pronoun

Vs (*Verbo significado*) – некорректная форма знаменательного глагола / incorrect form of a notional verb

Vc (*Verbo - copula*) – некорректная форма глагола-связки / incorrect form of a copular verb

Качественная характеристика

Рассмотрим наглядные примеры интерферентных ошибок в рамках каждой из указанных групп.

1. Некорректная форма сопутствующего значимого зависимого слова

Имя прилагательное

Siempre es mejor tener la gente educados / Всегда лучше, когда люди образованные¹.

В указанном примере наблюдается некорректный выбор формы прилагательного *educados* во мн.ч. м.р., правильный вариант в данном случае – *educada* (ед.ч., ж.р.).

Неопределённое местоимение

Ciertos gente tiene alergia a los gatos y los perros / у некоторых людей (есть) аллергия на кошек и собак.

В предложении содержится пример некорректной формы неопределённого местоимения *ciertos* (мн.ч., м.р.), правильный вариант которого должен быть – *cierta* (ед.ч., ж.р.).

2. Некорректная форма глагола.

Знаменательный глагол

Gente que no pueden / Люди, которые не могут ...

В данном предложении наблюдается неправильная постановка глагола *pueden* в форме мн.ч., что соответствует русскому слову «люди». Правильный вариант данной лексики – *puede*.

La gente no entienden / Люди не понимают ..

В указанном примере наблюдается некорректная постановка отрицательной формы глагола *no entienden* в форме мн.ч., правильный вариант в данном случае – *no entiende*.

La gente ve los rascacielos del vidrio y cristal y piensan que es algo feo / Люди видят небоскрёбы из стекла и думают, что это некрасиво.

¹ См. Здесь и далее иллюстративный материал приводится из собранного автором статьи «Корпуса устной речи на испанском языке русскоязычных обучающихся».

В данном предложении наблюдается пример выбора некорректной формы одного из однородных членов предложения (сказуемого), а именно глагола *piensan* в форме мн.ч. Факт постановки другого однородного члена (глагола *ve* в корректной форме *ve*) может свидетельствовать о машинном характере выше описанной интерферентной ошибки.

Глагол-связка

В испанском языке роль глагола-связки могут выполнять глаголы *ser* и *estar*. Определённые грамматические несоответствия в области использования глагола-связки как в количественном проявлении, так и в качественном в испанском и русском языках потенциально являются причиной ряда интерферентных проявлений в речи [14, с. 50].

В рамках данной работы были зафиксированы случаи интерферентных ошибок как с глаголом *ser*, так и с *estar*.

La gente están saliendo / Люди уезжают.

В данном предложении некорректно выбрана форма *están* (во мн.ч. 3 л.) глагола *estar*, вместо правильного – *está* (ед.ч., 3 л.).

La gente son libre / Люди свободные.

В данном предложении наблюдается некорректный выбор глагола *ser* в форме *son* (мн.ч., 3 л.), что соответствует русскому слову «люди». Правильный вариант в данном случае – *es* (ед.ч., 3 л.).

В то же время в исследовании были зафиксированы случаи корректного согласования глагола *ser* с лексемой *gente* во мн.ч., что, как было указано выше, является одним из исключений, а именно:

En MD hay mucha gente que son estudiantes / В МК много людей, которые являются студентами.

В данном предложении использование глагола *ser* в форме *son* оправдано, т. к. подлежащее и сказуемое выражены существительными².

² См. Concordancia // Diccionario panhispánico de dudas.

Множественные ошибки (двойные и тройные)

В ходе работы были зафиксированы не только единичные, но и множественные ошибки. При этом сочетания ошибок встречаются довольно разнообразными. Рассмотрим примеры.

Во-первых, отметим сочетания прилагательного и неопределённого местоимения.

Hay muchas gente pobres / Есть много **бедных людей**.

В примере наблюдается двойная ошибка, а именно: неверный выбор формы неопределённого местоимения *muchas* (мн.ч., ж.р.), корректный вариант которого в данном случае – *mucha* (ед.ч., ж.р.) а также некорректная форма прилагательного *pobres* (мн.ч.). Правильный вариант данного предложения следующий: *Hay mucha gente pobre*.

Во-вторых, зафиксированы многочисленные случаи некорректного использования нескольких глаголов.

...la mayoría de la gente que emigraron de Cuba a Florida viven y trabajan ... sin ninguna verdad o oportunidad ascender en la escalera social / Большинство **людей**, которые **иммигрировали** из Кубы во Флориду, **живут** и **работают** ... без реальной возможности подняться по социальной лестнице...

В данном примере наблюдается тройная типовая ошибка, а именно: глаголы *emigraron*, *viven*, *trabajan* стоят в форме 3 л. мн.ч., что соответствует существительному «люди» русского языка, но является некорректным в испанском. Правильные формы указанных глаголов следующие: *emigró*, *vive*, *trabaja*.

Кроме того, были отмечены случаи некорректного использования глагола-связки с другими частями речи.

Y hay gente que son muy buenas / ... И есть **люди хорошие**.

В данном предложении наблюдается некорректный выбор глагола-связки *ser* в форме *son*, а также прилагательного *buenas* во мн.ч., что соответствует слову

«люди». Согласно правилам испанского языка корректный вариант следующий: *Y hay gente que es muy buena*.

Para mí es un chiste, porque la gente son muy sensibles / Для меня это шутка, так как **люди** очень **впечатлительны**.

В указанном примере аналогично предыдущему наблюдается некорректная постановка глагола-связки *ser* в форме *son* и прилагательного *sensibles* во мн.ч. Правильный вариант: *Para mí es un chiste, porque la gente es muy sensible*.

Также можно отметить примеры более комплексных ошибок, а именно: сочетание некорректных форм знаменательного глагола, глагола-связки, а также прилагательного.

... y la gente no están hambrientan, tienen la comida / и **люди не голодные**, у **них есть** еда.

В указанном предложении наблюдаются некорректные формы глагола-связки *estar* (*están*), прилагательного *hambrientan*, а также знаменательного глагола *tienen* в соответствии с лексемой «люди». Правильный вариант данного предложения следующий: *... y la gente no está hambrienta, tiene la comida*.

Заключение

В результате проведённого исследования выявлены многочисленные примеры интерферентных ошибок, возникающих у русскоязычных обучающихся испанскому языку при использовании ими в речи имени существительного *gente* (люди). Интерферентные проявления с указанной лексемой зафиксированы как при сочетании с зависимым словом (прилагательным, неопределённым местоимением), так и при согласовании с глаголом (знаменательным, глаголом-связкой).

Языковая компетенция респондентов, соответствующая уровню C1, а также их принадлежность Институту Сервантеса в процессе обучения свидетельствуют о формировании языковых навыков согласно официальным нормам испанского

языка. Соответственно, наличие интерферентных ошибок в их речи говорит о машинальности.

Практический материал исследования, взятый из «Корпуса устной речи на испанском языке русскоязычных обучающихся», представляющий собой устную речь, также показывает наличие элемента неосознанности при спонтанности речи.

Таким образом, в результате проведённого исследования можно сделать вывод о психолингвистическом (машинальном и неосознанном) характере интерферентных ошибок, выявленных в устной речи при использовании лексемы *gente* (люди), имеющей несовпадения в категории *числа* в испанском и русском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зененко Н. В. Категориальная вариативность и частеречная классификация в языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-2. С. 34–41. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-34-41.
2. Zenenko N. V. Категория числа существительных: обзор мнений (Concepto de Número de los nombres sustantivos: panorama de las opiniones) // Ибероамериканские тетради (Iberoamerican Papers). 2014. № 2 (4). P. 178–183.
3. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 400 с.
4. Кумахов М. А. Число и грамматика // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 65–74.
5. Реформатский А. А. Число и грамматика // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 68–79. (Серия: Антология мысли).
6. Виноградов В. С., Милославский И. Г. Сопоставительная морфология русского и испанского языков. М.: Русский язык, 1986. 160 с.
7. Лазарева О. В. Грамматические концепции числа в русской и испанской лингвистической традиции // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2-1. С. 125–127.
8. Alamillo R. (No)genericidad en sustantivos plurales en hablantes de español como lengua de herencia: ¿Qué revela la traducción sobre las diferencias interlingüísticas entre el español y el inglés? // RASAL Lingüística. 2023. No.º1. P. 29–57. DOI: 10.56683/rs231160.
9. Zacarías Ponce de León R. Flexión de número en la composición nominal del español: estructura morfológica y rutinización // Anuario de Letras. Lingüística y Filología. 2014. Vol. 2. No. 2. P. 101–131. DOI: 10.19130/iifl.adel.2.2.2014.79.
10. Guerrero L. Sustantivos plurales, pluralia tantum o clases nominales: la marcación de pluralidad en lenguas yutoaztecas // Lenguas, estructuras y hablantes. Estudios en Homenaje a Thomas C. Smith Stark. México: El Colegio de México, 2014. P. 619–642.
11. Ягумова Н. Ш., Берестнева А. В., Мироненко С. А. Грамматическая категория числа в английском и адыгейском языках // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 10-3 (112). С. 151–155. DOI: 10.23670/IRJ.2021.112.10.097.
12. Гнатюк О. А. Различия в категории рода имён существительных как основа появления интерференции на примере русско-испанского языкового контакта (психолингвистический аспект) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 27–37. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-27-37.
13. Викторова А. А., Буренко Л. В. Синхронический анализ категории числа в русском, английском и испанском языках // Филологический аспект. 2023. № 5 (97). С. 133–140.
14. Гнатюк О. А. Глагол-связка как один из аспектов грамматической интерференции при русско-испанском двуязычии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 48–53.

REFERENCES

1. Zenenko, N. V. (2022). Varieties of the categories and classification of parts of speech in a language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3-2, 34–41. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-34-41 (in Russ.).
2. Zenenko, N. V. (2014). Concepto de Número de los nombres sustantivos: panorama de las opiniones. In: *Iberoamerican Papers*, 2 (4), 178–183.

3. Jespersen, O. (1958). *The Philosophy of grammar*. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury (in Russ.).
4. Kumakhov, M. A. (1969). Number and grammar. In: *Topics in the Study of Language*, 4, 65–74 (in Russ.).
5. Reformatsky, A. A. (2018). Number and Grammar. In: Reformatsky, A. A. *Linguistics and Poetics*. Moscow: Yurait publ., pp. 68–79. (in Russ.).
6. Vinogradov, V. S. & Miloslavsky, I. G. (1986). *Comparative morphology of Russian and Spanish languages*. Moscow: Russkiy yazyk publ. (in Russ.).
7. Lazareva, O. V. (2008). Grammatical concepts of number in Russian and Spanish linguistic traditions. In: *Almanac of Modern Science and Education*, 2-1, 125–127 (in Russ.).
8. Alamillo, R. (2023). (No)genericidad en sustantivos plurales en hablantes de español como lengua de herencia: ¿Qué revela la traducción sobre las diferencias interlingüísticas entre el español y el inglés? In: *RASAL Lingüística*, 1, 29–57. DOI: 10.56683/rs231160.
9. Zacarías Ponce de León, R. (2014). Flexión de número en la composición nominal del español: estructura morfológica y rutinización. In: *Anuario de Letras. Lingüística y Filología*, 2 (2), 101–131. DOI: 10.19130/iifl.adel.2.2.2014.79.
10. Guerrero, L. (2014). Sustantivos plurales, pluralia tantum o clases nominales: la marcación de pluralidad en lenguas yutoaztecas. In: *Lenguas, estructuras y hablantes. Estudios en Homenaje a Thomas C. Smith Stark*. México: El Colegio de México, pp. 619–642.
11. Yagumova, N. Sh., Berestneva, A. V. & Mironenko, S. A. (2021). Grammatical category of number in the English and Adyghe languages. In: *International Research Journal*, 10-3 (112), 151–155. DOI: 10.23670/IRJ.2021.112.10.097 (in Russ.).
12. Gnatyuk, O. A. (2024). Differences of the gender category of nouns as the basis of the interference on the example of Russian-Spanish language contact (the psycholinguistic aspect). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 27–37. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-27-37 (in Russ.).
13. Viktorova, A. A. & Burenko, L. V. (2023). Synchronic analysis of the category of number in Russian, English and Spanish. In: *Philological aspect*, 5 (97), 133–140 (in Russ.).
14. Gnatyuk, O. A. (2015). Link-verb as an aspect of grammatical interference in Russian-Spanish bilingualism. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 48–53 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гнатюк Ольга Александровна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ);
<https://orcid.org/0009-0007-6680-756X>; e-mail: go7605848@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Gnatyuk – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI);
<https://orcid.org/0009-0007-6680-756X>; e-mail: go7605848@mail.ru

Научная статья
УДК 81.42
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-6-44-59

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ДУАЛИСТИЧНОСТИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Максимюк Е. В.

*Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, г. Омск,
Российская Федерация
e-mail: Grechko_EV@mail.ru*

Поступила в редакцию 15.09.2025

После доработки 23.09.2025

Принята к публикации 30.09.2025

Аннотация

Цель. Исследование языковых средств и способов выражения двойственности оценок общечеловеческого эмоционально-маркированного концепта «любовь».

Процедура и методы. В ходе исследования было проанализировано 200 речевых актов из англоязычного дискурса и 200 речевых актов из русскоязычного. Источником англоязычного материала стали высказывания из раздела “The Learning Network. What Teenagers Are Saying About Love” («Что подростки говорят про любовь») на сайте The New York Times и комментарии к ним. Источником русскоязычного материала выступили мини-эссе, написанные студентами первого курса «Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета». При анализе языкового материала применялись методы: когнитивно-семантического анализа, прагмасемантического анализа, сопоставления и описания, дискурсивного, лингвистического и лингвокультурологического анализа.

Результаты. Установлено, что ценностные категории в обоих языках конституируются схожим образом посредством введения в описательный дискурс отрицательных примеров, метафоризации, аналогичных морфологических и синтаксических средств и приёмов. Были выявлены самые частотные для каждого из языков ценностные категории в рамках концепта «любовь», языковые средства и способы интенсификации с целью эмоциональной суггестии.

Теоретическая и/или практическая значимость Данное исследование даёт информацию о языковых возможностях представления неязыкового материала (эмотивного концепта) с учётом исторического контекста, национального колорита, стереотипов и оценок, что позволит глубже понять национальную специфику мировидения молодёжи и особенности их языковой рефлексии на данном этапе исторического развития общества.

Ключевые слова: картина мира, концепт, культура, рецепция, ценности, язык, языковые средства

Для цитирования:

Максимюк Е. В. Компаративный анализ языковых способов выражения дуалистичности концепта «любовь» (на примере английского и русского языков) // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 6. С. 44–59. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-44-59>

Original research article

COMPARATIVE ANALYSIS OF LINGUISTIC WAYS OF EXPRESSING THE DUALISM OF THE CONCEPT “LOVE” (BASED ON THE EXAMPLE OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

E. Maksimyuk

Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation

e-mail: Grechko_EV@mail.ru

Received by the editorial office 15.09.2025

Revised by the author 23.09.2025

Accepted for publication 30.09.2025

Abstract

Aim is to study linguistic means and ways of expressing the duality of assessments of the universal human emotionally marked concept “Love”.

Methodology. During the study, 200 speech acts from English-language discourse and 200 speech acts from Russian-language discourse were analyzed. The English-language material is based on quotes and commentary from the section “The Learning Network: What Teenagers Are Saying About Love” on The New York Times website. The source of the Russian material was mini-essays written by first-year students of the Siberian State Automobile and Highway University. Methods of cognitive and semantic analysis, pragmasemantic analysis, comparison and description, discursive, linguistic, and linguacultural analysis have been used in the research work.

Results. It was established that value categories in both languages are constituted similarly through the introduction into descriptive discourse of negative examples, metaphorization, and relative morphological and syntactic procedures and techniques. The most frequent value categories within the concept of “love” for each language, as well as linguistic means and methods of intensification for the purpose of emotional suggestion, were identified.

Research implications. This study provides information on the linguistic possibilities of presenting non-linguistic material (emotive concept) taking into account the historical context, national color, stereotypes and assessments, which will allow us to gain a deeper understanding of the national specifics of the worldview of young people and the peculiarities of their linguistic reflection at the current stage of the historical development of society.

Keywords: worldview, concept, culture, reception, values, language, linguistic means

For citation:

Maksimyuk, E. V. (2025). Comparative analysis of linguistic ways of expressing the dualism of the concept “Love” (based on the example of English and Russian languages). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 44–59. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-44-59>

Введение

Современные лингвистические исследования носят антропоцентрический характер и во многом направлены на изучение таких аспектов, как: языковая картина мира, языковая личность, языковое сознание. Начало XXI в. стало пе-

риодом межнациональной интеграции и дезинтеграции одновременно. Поэтому всё более актуальным становится изучение «ключевых концептов» культуры, присущих всем нациям. Сравнительное языкознание способствует раскрытию особенностей мировосприятия разными

народами, что в дальнейшем может помочь прийти к межкультурному взаимопониманию.

«Любовь» как яркий эмоциональный концепт, присущий в разной мере каждому человеку, привлёк наше внимание тем, что изучение эмоций помогает приблизиться к пониманию работы сознания человека, так как эмоции сопровождают все когнитивные процессы. Сопоставительный анализ данного концепта позволяет получить новые знания о разных менталитетах, моральных приоритетах и средствах их выражения. Все понятия в рамках нашего сознания в процессе восприятия действительности и осознания её проходят упорядочивание через такие когнитивные операции, как категоризация и систематизация, в результате чего концепт получает определённые психоэмоциональные маркеры значимости или релевантности для говорящего в его картине мира в зависимости от личного опыта.

Дуалистичность содержания выбранного концепта ярко маркирована в эмоциональном плане и положительно, и отрицательно, что детерминирует разные рецептивные установки говорящих, актуализируя не только смысловые компоненты понятия «любовь», но собственный опыт говорящих, пережитые эмоции, сформированные под их воздействием ценности, отражающие языковое сознание индивида и частично целого этноса, характерные для него способы и средства передачи абстрактных понятий, присущих национальному менталитету.

Связь языка и мышления

Повышенный интерес к изучению языка и мышления возник ещё в XX в. как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике: Выготский Л. С., Гак В. Г., Ван Дейк Т. А., Жинкин Н. И., Залевская А. А., Леонтьев А. Н., Лакофф Дж., Уорф Б. Л. (Whorf B. L.) [1–8]. Языковая картина мира предопределяет мироощущение и самовосприятие. Язык влияет на

формирование как индивидуального, так и коллективного сознания, так как представляет собой разноуровневую систему, отображающую национальный лингвокультурный опыт [9]. Для языковой картины мира характерна национальная маркированность, но при этом она динамична, меняется под воздействием экономических и социокультурных факторов, отражает общие черты мировосприятия определённой общностью культурных и исторических событий, ценностей, формируя коллективное видение мира. Внешний мир и сознание – это два фактора, которые порождают языковую картину мира любого национального языка [10, с. 8–12]. Связь культурно значимых концептов со средствами их вербализации изучается с учётом понятийных, образных и оценочных компонентов [11, с. 70]. В содержательное ядро концепта кроме понятийного содержания входит исторический контекст и характерные для него ассоциации, стереотипы, оценки, прагматические установки.

Связь эмоций с когнитивными процессами

Эмоции сопровождают все аспекты человеческой жизни. Соответственно, изучая эмоциональные концепты, мы получаем языковой материал, в котором эксплицитно (сознательно) и латентно (подсознательно) выражены значимые для индивида фреймы и аксиологические установки. Эмоции всегда притягивали внимание исследователей своей неоднородностью и непоследовательностью. Установленная взаимосвязь [1–8] между мышлением, интеллектом и эмоциями послужила базой для формирования и развития научной парадигмы по изучению эмоций в языковом аспекте. Эмоция может быть заложена в значении слова, а может привноситься в дискурс самим говорящим в зависимости от обстоятельств речи, отношения говорящего к предмету высказывания и адресату. В. И. Шаховский отмечал связь эмоций с когнитив-

ными процессами человека, так как они являются неотъемлемой частью сознания [12]. Тактики и стратегии выражения эмоций языковыми средствами предопределяются множеством факторов: объектом высказывания, характером адресата, психоэмоциональным состоянием говорящего, уровнем его знаний, возрастом и воспитанностью. Все эти факторы влияют на речевую компетенцию и уровень сдержанности, социальную толерантность. Учёный утверждал, что базовые эмоции присущи всем этнокультурам, но могут быть репрезентированы разными языковыми формами, что послужило толчком для сопоставительного анализа «эмоциональных концептов» в разных языках. Категория эмотивности отражается в различных культурах и на всех уровнях языка [12].

Социокультурные трансформации

В современной отечественной и зарубежной когнитологии пристально следят за социокультурными трансформациями через язык. Так Иштван Кечкеш анализирует взаимодействие общих культурных и личностных когнитивных баз [13]. Культурные и личностные концепты сменяют друг друга в диалоге, они по-разному могут способствовать процессу формирования смысла и его восприятия, в разной степени и на разных фазах коммуникативного процесса. Джон Дж. Гамперц и Дженни Кук-Гамперц акцентируют внимание на взаимодействии языка, культуры и общества [14]. В. И. Карасик рассматривает концепт как единицу лингвокультурного кода, поскольку он несёт в себе частицу переживаемого знания, в котором сгруппированы согласно личной и национальной картинам мира индивидуально и социально значимые компоненты [15]. Концепты рассматриваются в лингвокогнитивном и культурологическом ключе с целью описания способов языковой передачи психоэмоционального опыта и национально маркированных особенностей восприятия.

Концептуализация протекает с опорой на ориентиры. Если ориентиры с течением времени меняются, то меняется и мировосприятие в понятийном, образно-перцептивном или ценностном аспекте [16]. В настоящее время актуальной является потребность рассмотрения специфики лингвистического представления эмоциональной сферы как отдельной личности, так и всей нации [17]. Также подчёркивается присутствие в каждом социуме системы общечеловеческих ценностей, носящих вневременной характер [18].

Цели и методы исследования

В работе проводился сравнительный анализ языковых средств и способов выражения положительно и отрицательно окрашенных семантических компонентов концепта «любовь». Сравнение осуществлялось на материале русскоязычного и англоязычного дискурса. Англоязычную респондентную группу составили подростки в возрасте 16-18 лет, учащиеся старших классов, выразившие своё отношение к концепту «любовь» на сайте The New York Times в рубрике “What teenagers are thinking about love” в форме мини-эссе и комментариев к ним, также имеющих формат рассуждения¹. В качестве источника русскоязычного материала использовались письменные ответы студентов, только что поступивших на первый курс Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета г. Омска, на вопрос: «Что вы думаете про любовь?». Данная возрастная группа представляет интерес в силу того, что от неё будет в дальнейшем зависеть будущее как института семьи, так и общества. Картина мира молодых людей ещё находится в процессе становления, и очень важным, особенно в настоящий момент, является мониторинг ценностных ориентиров и

¹ The Learning Network. What Teenagers Are Saying About Love [Электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2024/11/07/learning/what-teenagers-are-saying-about-love.html> (дата обращения: 28.11.2025).

базовых аксиологических категорий. Поскольку ответы раскрывали разные ценностные аспекты картины мира, и при этом использовались разноуровневые языковые средства выражения взаимоотношения ценностных координат внутри концепта «любовь», в качестве единицы исследования был взят речевой акт – законченное лексико-грамматические суждение, имеющее функциональное назначение, определяемое контекстом, личным опытом и прагматическими установками говорящего, в котором языковые единицы отсылают к конкретным фактам, явлениям или событиям. Согласно теории Дж. Остина в речевом акте устанавливается референция к конкретному отрезку событий на основании общих знаний [19]. Всего было проанализировано 400 речевых актов (200 речевых актов из англоязычного дискурса и 200 речевых актов из русскоязычного). Каждый речевой акт был рассмотрен с точки зрения прагматики, когнитивно-семантического наполнения и лексико-грамматического оформления. Затем полученный корпус информации был сопоставлен и описан с применением дискурсивного, лингвистического и лингвокультурологического анализа для выявления специфики использования языковых средств разных уровней для раскрытия и передачи содержания концепта «любовь», неоднородного по своему психоэмоциональному наполнению, но очень значимого в аксиологической картине мира любого народа.

Средства и способы представления дуалистичности концепта «любовь» в англоязычном дискурсе

В англоязычном дискурсе [14] находит своё отражение оппозиция культурных ценностей прошлого и настоящего: *today,compared to how it was in the past*. Аксиологическая ценность прошлого подчеркнута усиленной формой сравнения: *today, it is much harder to find a genuine guy*. Негативное отношение к смене вектора ценностей отражено и лек-

сически: *this generation is very different and honestly messed up*.

В качестве отрицательной ценностной категории вводится феномен неуважения со стороны молодых людей и алчность со стороны девушек: *many people think that love is romantic and is difficult to find these days due to young boys not respecting and showing appreciation to their spouses and young girls having expectations to the roof*. Временной вектор выражен указательным местоимением (*these days*). Выход из «эмоциональной ловушки» невозможности на данном этапе обрести «романтическую любовь» для респондентов состоит в необходимости обернуться и понять, что они уже любимы друзьями и родителями. Нереализованность данного фрейма отражена предикативно через глагол «забывать» (*but they always seem to forget their friends who were there for them at every moment and their family*). Средством интенсификации при этом является наречие времени: «всегда» (*but they always seem to forget*); «уже» (*appreciating the love that is already*). Положительные эмоции ценятся говорящим больше отрицательных (*there is far better than any boyfriend or girlfriend*).

Для подростков с ещё недоформированной ценностной картиной мира (*for immature teens*) негативный эмоциональный опыт может оказать влияние на всю дальнейшую жизнь, так как не все способны делать адекватные выводы (*it is just complicated*). Когнитивная незрелость партнёра может стать серьёзным препятствием любви. Так утверждает качественная характеристика любви, ориентированность не только на физическую привлекательность партнёра, но и на нравственно-духовные качества, сформированность ценностной картины мира: *never be with anyone less mature than you. It's ok to be fun and not serious, but you also need to be able to have serious and mature conversations*.

В проанализированном англоязычном дискурсе постоянно наблюдается со-

пряжение с общим мнением: говорящие либо отрицают его, противопоставляя себя общему мнению (*many people think... but I disagree*), либо примыкают (*A lot of people think that love can't be one sided and I agree*). Почти каждое высказывание сопровождается ментальным глаголом: *I do believe; I agree; I also understand; I do not deny; I feel; I argue; I do not think; I feel*.

Амбивалентность любви также связана с тем, что желание и чувства должны быть обоюдными: *love can't be one-sided because if both people aren't willing to put in equal effort into the relationship then it won't work out*. Языковыми средствами передачи является лексика с числительной семантикой: *one-sided, both, equal*.

Динамичность и качественные характеристики этих чувств должны постоянно поддерживаться путём выработки умения слышать и слушать, а также идти на компромисс: *... there will be times where you and your partner disagree and argue, but that's when you learn the hard way and how to handle the issue*.

Ещё один аспект дуалистичности любви заключается в том, что несмотря на все твои усилия, не ты управляешь чувствами, а чувства управляют тобой. Одним из языковых средств передачи является порядок слов, когда активный действующий субъект ставится на место объекта: *love makes you blind, it makes you ignore*. Неизбежность событий конституируется утверждением, чаще в будущем времени: *everyone ... will fall in love; there will be times; you will forget; you will forgive*.

Противоположность и противоречивость содержания концепта «любовь» может передаваться и посредством антонимов, например *great* и *horrible*. Усиление контрастности при этом достигается за счёт рефрена *sometimes: sure sometimes it can be great, sometimes you will end up in horrible situations*. Антонимические пары могут быть не только адъективного, но и деятельностного характера, как *having* и *losing*: *love is not always about having someone, but it is also about losing someone*. На-

речие времени *always* маркирует наличие положительных эмоций, союз со значением противопоставления *but* и наречие *also* с семантикой присоединения вводят в контекст понятия отрицательные эмоции, выраженные в коннотативном поле глагола *losing*. *Teenage love can be something so wonderful, but it also has its downsides*. Модальный глагол «*can*» передаёт степень вероятности, а это значит, что в остальных случаях аксиологический полюс меняется с положительного на отрицательный. Остроту положительных эмоций говорящий передаёт посредством выделительной частицы *so*, которая делает повествование более эмоциональным и личным.

К затруднениям, которые молодые люди испытывают в отношениях, относятся: умение договариваться (*how to handle the issue*); завоевание доверия и корректное проявление чувств (*gaining trust, sharing feelings, having time for another*); готовность пойти на жертвы ради любви (*sometimes love takes away the closest things from you, whether you like it or not*). Любовь не всегда преобразует человека, иногда она делает его слепым и глухим к нуждам близких: *love blinds people not just any people, but the people you value*. В рамках данных примеров дуализм выражается через синтаксические средства, противительные конструкции союзного типа с *but*. Ту же прагматическую функцию выполняет и разделительный союз «*either ... or*»: *love is that it's either a lesson or everything you've ever wanted*. Лексема *lesson* несёт отрицательные коннотации, анафоричные по звучанию слова (*everything, ever*) выполняют суггестивную функцию, усиливая значение слова *wanted*.

Дуалистичность любви в том, что это не только светлые чувства, которые ты испытываешь к партнёру или близкому, но и постоянно сопряжённые с ними чувства беспокойства и переживания за его здоровье и дела: *love is when you feel upset when something bad happens, and you want to find a solution to fix it, or comfort them*.

Любовь – это не только получать положительные эмоции, но и транслировать их: *I think it's about giving them your time, your appreciation, affection, your advice and so much more*. Языковыми средствами передачи комплексности переживания являются союзные и бессоюзные перечислительные синтаксические выражения предикативного и номинативного типа. Семантика «опасности» может вводиться в дискурс и посредством выбора жанра, например, предупреждения: *love is something that you should be careful and exclusive with, especially when it's romantic*. Помимо модальности говорящему расставить акценты помогает выбор лексических средств с семантикой достижения пиковых значений: *exclusive, especially*.

Причиной негативных эмоций может стать и желание подростков соответствовать социальным представлениям о нормальности или востребованности: *a lot of teenagers – who are still growing mentally – like to rush falling in love with someone or on some occasions date people just so they could say they're dating someone which could lead to a lot of "situationships" and drama*. Здесь подчеркнуть приоритеты помогает морфология. Present Continuous (*are still growing mentally*) передаёт незаконченность действия, а через него незрелость решения. Предикат *like to rush* выбран также не случайно, он свидетельствует о доминировании эмотивной установки над когнитивной. Эти спонтанные решения могут являться причиной эмоциональных травм. Использованная форма неологизма “*situationships*” обыгрывает распространённость и частотность через морфему *ship* с семантикой обобщения и представления события как повсеместного явления. Островком эмоциональной безопасности является в глазах автора доверие: *being able to act vulnerable around someone you love is a huge responsibility because it's a big part of trust – like you're trusting them not to hurt you in any way*. Степень ответственности перед человеком передаётся через визуализацию образа

посредством пространственных образов (семантики большого размера): *a huge responsibility, a big part*.

Для передачи степени остроты эмоции могут использоваться метафоры или гиперболы: *I think love is a killer, above all else. I think that love – romantic love, ... can be fairly considered, a wicked murderer. This is true in metaphor and in reality*. Олицетворение помогает говорящему представить любовь в виде живого действующего субъекта, оказывающего влияние на жизнь и психоэмоциональное состояние в негативном ключе: *Love throws your heart at people who don't want it, breaks it into a million pieces, leaves you crying in your bedroom cradling a tub of ice cream*. Действия стремительные, образы острые, как и те эмоции, которые человек испытывает в указанный момент. Образ банки мороженого (*tub of ice cream*) маркирует присутствие депрессии и попытки уйти от неё путём сублимации.

Любовь как самоотречение и самоотдачу помогает передать лексический повтор, служащий передаче как длительности действия, так и интенсивности: “*Love without expectation*” – *it is the hardest thing to do and it is a lifelong exercise – giving, giving, giving and not expecting anything in return*. Есть и полярная точка зрения: когда ты не получаешь ничего взамен, надо уйти: *They don't like you; leave. If your partner never compliments you, leave. If you feel like you can't talk about things ... leave*. Категоричность мнения передаётся через выбор императивной формы глагола. Многоступенчатость высказывания стилизует его под инструкцию – руководство по самосохранению в любви.

Прописывается установка, что начинать любить надо с себя: *love is not only about other people, it's also about loving yourself. Giving yourself time, affection, appreciation, and taking care of yourself. You cannot love anyone else correctly if you do not love yourself first, because then you do not know how to love other people*. Только создав зону комфорта для себя, вы сможете

обеспечить всем необходимым другого. Вводная конструкция задаёт аксиологические акценты: *it is crucial*. Предлоги помогают выстроить рецептивные алгоритмы: *before you can love someone else*.

Средства и способы представления дуалистичности концепта «любовь» в русскоязычном дискурсе

В русскоязычном дискурсе дуалистичность выражается через приём персонификации. Респонденты используют приём визуализации, реализуя его через адъективы (*яркое чувство; прекрасное чувство*) и предикативы рецептивного характера (*греет душу; освещает путь*), метафоры движения (*окрыляет человека; для тебя открывается новый мир*).

Любовь представлена действующим субъектом, выполняющим действия и заполняющим жизнь субъекта: *она даёт причины жить и трудиться; даёт силы, мотивацию, вдохновение начинать что-либо делать; появляется цель, стимул; она окрыляет людей*. Суперлятивы, помогают выразить интенсивность чувства, остроту путём визуализации достижения предела: *самое прекрасное чувство на земле*. Локализатор «на земле» помогает передать всеобъемлющий масштаб оценки. Некоторые респонденты персонифицируют любовь в виде учителя, который преподносит жизненные уроки и формирует ценные навыки: *умение доверять, делиться, находить компромисс*.

Положительные характеристики любви идут от позитивной эмоциональной реакции молодых людей на те, или иные действия партнёра: *ощущаешь поддержку дорогого тебе партнёра*. Эгоцентричность отражена многократно: морфологически через префикс «под-» со значением «присоединения» (ощущаешь поддержку), лексически через аксиологически маркированный определитель «дорогого», указательное местоимение «тебе» помогает реализовать стратегию персонификации чувства говорящего. Зафиксированы примеры, когда любовь

представлена как иллюзия и самообман: *дорогой человек, опора и поддержка может оказаться не таким уж хорошим, как казалось в конфетно-букетный период*. Именно посредством негативного опыта приходит аналитичность к восприятию мира, перестраивается ценная картина мира: *через плохой опыт начинаешь учиться на своих ошибках и больше ценить себя*.

Решительное подтверждение, уверенность в дуалистичности любви выражается путём эмоциональной суггестии, посредством включения лексемы «именно»: *именно любовь является причиной многих негативных явлений; становится причиной саморазрушения*. Расширение поля реализуется за счёт количественной оценочной семантики в слове «многих», аксиологическая оценка выражена эксплицитно в лексическом значении определения «негативных». Метафора «саморазрушение» помогает передать психоэмоциональные и физические ощущения говорящего. Любовь может подталкивать как к великому, так и к страшному: *убийства и прочие негативные явления происходят именно из-за любви*.

Ряд респондентов отмечают влияние средств массовой информации на картину мира современной молодёжи: *песни, книги и фильмы буквально пропагандируют образ идеальной любви, из-за него многие молодые люди обманываются и думают, что в жизни также просто, как и в фильме*. Так реализуется дуалистичность в плане «любовь реальная – любовь идеальная».

Ещё одним понятийным разрезом стало выявленное противопоставление любви, влюблённости и влечения. Последние два трактуются как мимолётные и кратковременные, по остроте ощущений не уступающие настоящей любви, но «летучие» по своей сути: *большинство принимают за любовь простую влюблённость и влечение, а потом мучают себя и партнёра за измены или недостаток внимания*. Антагонистами любви становятся:

ссоры; недопонимания; бытовые конфликты; разные взгляды на жизнь; неразделённость чувства. В большинстве случаев это – когнитивный или личностный диссонанс: *когда партнёр не замечает свои минусы, а только твои; когда выбирает себя и друзей, а ты отдаёшь ему всю себя; когда не хочет развивать отношения и ему просто удобно с тобой; когда говорит только о себе, а про тебя и не спросит.* Антитеза строится синтаксически посредством придаточного условия «когда», лексически за счёт противопоставления местоимений «он – она», «я – ты». Эгоцентричность партнёра тоже в основном реализована за счёт форм возвратных местоимений «себя», «о себе», отрицательных конструкций предикативного типа «не замечает», «не хочет», «не спросит». Эмоциональные и аксиологические акценты расставлены синтаксически посредством противительной конструкции с союзом «а», усилены рефреном: *а только твои; а ты отдаёшь; а про тебя ... просто удобно; только твои; только о себе..., а просто использовать и всё.* В нашем обществе такие отношения не редкость, и это очень печально, так как один другому может разбить сердце. Потребительская позиция партнёра оценивается негативно. Лексически это выражено через категорию состояния «печально» и классическую метафору прецедентного характера «разбить сердце».

В русскоязычном дискурсе встречались реакции, в которых отражена позиция защитника и «снабженца». Восприятие данной установки как неотъемлемого условия успешных отношений предопределило появление в ответах мужского пола таких негативных черт любви, как: *стресс (в опасных ситуациях) и удвоение расходов; повышенные траты со стороны мужчины; ответственность не только за себя, но и за партнёра; разделение личного времени ещё на одного человека; переживание не только за себя, но и за партнёра.* Мужчине сложнее поступить своим личным пространством, чем

женщине, их «напрягает необходимость» *согласования поездок, получения разрешений, запреты со стороны девушек (даже её не касающиеся).* Любовь делает мужчину сильнее, так как за ним двойная ответственность, и слабее одновременно: *влюблённый волк уже не хищник.*

Помимо стрессообразующих факторов (*ты волнуешься за любимых намного больше, чем за себя, ты постоянно обеспокоен их состоянием*) любовь привносит в жизнь и терапевтический эффект (*многие проблемы кажутся тебе больше не важными, когда с тобой любимый человек; печаль не так сильна*). Интенсивность переживания передаётся лексически с помощью количественных определений описательного типа (*намного больше*), наречия времени (*постоянно*), союзного слова (*так*) со значением выделения качества. Любовь может нивелировать негативные волнения, а может и интенсифицировать переживания, которые могут наносить психологический вред как самому любящему, так и его возлюбленному: *можешь сломать себя или другого человека. Любовь бывает токсичной, когда страдают оба человека; измены, ревность и так далее приводят к расколу.* Русское языковое сознание негативные переживания в рамках концепта «любовь» трансформирует в образы битого стекла с острыми краями, о которые легко пораниться: *разбитое сердце, сломать себя, приводят к расколу.* Деструктивность чувств может также передаваться через «военные» метафоры *может подорвать отношения; может быть разрушительна; партнёры могут взрывать мозг друг друга; мир начинает рушиться.*

Любовь представляется как цель существования человека, путь к счастью: *любовь хотел бы каждый человек; в состоянии любви человек доволен жизнью; испытывает умиротворение, но ... чтобы достичь такой любви, надо пройти через страдания, мучения, разочарования. Найти ту самую родственную душу ... получится не сразу.* Доверие и надёж-

ность трактуются как признаки интегрирующего характера, пролонгирующие отношения, недоверие и сомнения – как признаки деструктивного характера.

Любовь может трактоваться как ирреальная модальность, разделяющая время и пространство, меняющая реальность. Лексически это передаётся через лексику с корневой морфемой «*чар*»: *чарующее чувство; под действием любовных чар; зачарованный; очарованный*.

Положительный опыт рождает желание экстраполировать его на всех людей: *прекрасное чувство, которое желаю испытать всем*. Негативный опыт транслируется посредством модального глагола «*может*» или его форм и производных, вводящих пресуппозицию условия, при котором «*любовь* ущербна»: *может не замечать; могут быть не взаимными; может не испытывать чувств; можешь быть просто удобен; возможны ссоры и споры*. Адвербиальные конструкции используются как средства интенсификации: *отнюдь не; вовсе не; просто не*. Категория состояния может выступать средством выражения аксиологической оценки события говорящим: *больно, печально, горько*. Стремление к трансформации реальности выражено в форме императивных конструкций: *любите искренне; не делайте больно, тем кого любите; будьте честны с самим собой*.

Словообразовательные гнёзда «*пропажа*» и «*потеря*» могут привлекаться как для передачи положительно опыта (*пропадает чувство одиночества, страх, проблемы*), так и отрицательного (*потеря времени; потеря интереса*).

Чужой отрицательный психоэмоциональный опыт может оказывать негативное действие на реципиентов, которые экстраполируют его на себя и на свой будущий опыт, что рождает страх и неуверенность. Данная семантика передаётся лексически через наречие образа действия «*часто*» (*часто бывает; часто возникают; часто происходит*) и морфемно через выбор глагольной формы

несовершенного вида и множественного числа (*расходятся; разводятся; ссорятся; конфликтуют; страдают; преследуют; наносят вред*). Было зафиксировано, что для передачи причин страдания русские респонденты используют приёмы фреймирования или кадрирования через номинативные ряды, где за каждым членом парадигмы стоит целый образ, окутанный коннотациями негативного характера: *бытовуха, конфликты; ссоры, недопонимания; измены, ревность*.

Разные ценностные картины мира могут стать преградой для любви: *разные взгляды; разные интересы; разное воспитание; что может быть нормой для одного, для другого будет дикость*. Залогом успеха в любовных отношениях конституируется наличие общего психоэмоционального пространства, которое нуждается в постоянной организации и реорганизации: *многие считают, что обсуждать проблемы свои и в отношениях, – это что-то странное*. Здесь маркируется некая эмоциональная закрытость. Трансляция чувств у мужчин в русской картине мира может трактоваться как слабость. Привязка к аксиологической оценке осуществлена путём включения в дискурс вводной конструкции (*многие считают*). Психоэмоциональные и когнитивные векторы выражены предложениями и указательными местоимениями (*из-за этого, но для этого, то для этого, об этом*) со значением причины, противопоставления, уступки: *из-за этого происходит большинство конфликтов; но для этого человек должен дать эту подушку доверия*. Ценность некоторых дифференциальных признаков любви утверждают посредством семантики долженствования, внесения изменений в собственную парадигму приоритетов: *обе стороны должны интересоваться друг другом; поддерживать увлечения, даже если ты их не разделяешь; обе стороны должны вкладываться, если нужно меняться*. Адъективные определители с физическими характеристиками помогают выразить

степень усилий: *это тяжёлая работа друг с другом; большая выдержка и ответственность*. Речевая тактика отрицания помогает выделить константность необходимости работы над отношениями: *не бывает идеальных отношений; любовь – это никогда не легко*.

С одной стороны, любовь трактуется как безвозмездная помощь, поддержка, с другой стороны, респондентов пугает угроза раствориться в другом. Во втором случае в дискурс включаются пространственные образы с семантикой присутствия чего-то негативного или

отсутствия чего-то важного: *страх одиночества; потеря себя как личности; проблемы со здоровьем; неустойчивое состояние психики; отсутствие собственных интересов; ощущение зависимости; страх потери; страх перед неопределённостью; боязнь предательства или обмана*.

Выводы

Было установлено, что на разных языковых уровнях были использованы схожие языковые средства и способы выражения дуалистичности концепта «любовь» (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Общие языковые средства выражения дуалистичности концепта «любовь» / Common linguistic means of expressing dualism of the concept "Love"

Словообразовательные средства		
Приставки со значением отсутствия качества или действия	недоверие; невозможность; необратимость; невообразимое; безнадежность; безвыходность	misunderstanding; disconnection; indirectly; insecure
Возвратные суффиксы и постфиксы	ссорятся; мирятся; разводятся; влюбляется; увлекается	myself; yourself; oneself
Степени сравнения прилагательных, образованные суффиксальным, приставочно-суффиксальным способом и с привлечением супплетивизма.	прекраснейшее; наилучший; труднее всего; самое страшное	the hardest; the best; the most complicated; most incredible; the biggest; the happiest; most evident; most important
Лексические средства		
Категория состояния	сложно; трудно; достаточно	difficult; complicated; easy; completely
Количественные определения	гораздо; более; важнее	much more; beyond, greater, even more
Прилагательные масштабно-категоризирующего характера	огромное чувство; глубокая привязанность	huge; big
Обобщающие местоимения	оба должны	both people; we both
Наречия времени	иногда; порой; временами	sometimes
Модальные глаголы	можешь; должен; следует	you just have to let love take; love can change; I would say; you can learn; can cause; should feel
Синтаксические средства		
Отрицание	не разделяет; не уделяет; не думает	can't figure, wasn't meant, wasn't good; don't see
Условные конструкции (сослагательное наклонение)	если думает только о себе; если вдруг ты встретишь; если случится; если нагрянет; если столкнёшься	if you think the person is not for you; if you love someone; if both people aren't willing

Синтаксический повтор	когда любишь, когда ждёшь;	how much you change yourself or how much you try; who will love you ... who will make you; my humor, my ideals ..., and my interests.
Утверждение в форме дефиниции	Любовь – это ...	Love is...
Придаточные изъяснительные	когда он все время проводит с тобой; когда она не зациклена на себе	when all you see is that person; when you hug someone after they've had a long day

Доминирование общих языковых механизмов свидетельствует об общечеловеческой значимости концепта «любовь», а множество описанных аспектов о детальной категориальной и психоэмоциональной проработке концепта молодыми людьми, независимо от национальности, так как он отражает фундаментальные ценности и потребности людей. Дифференцирующие языковые средства показывают рецептивные особенности каждой нации, её этнокультурную специфику (см. табл. 2; табл. 3).

В англоязычном дискурсе была зафиксирована большая склонность к определённым речевым шаблонам. Обобщение присутствовало в 41 высказывании; модальный глагол (*should*) в 20; безличные местоимения в 28; противительные конструкции в 47; придаточное изъяснительное в 39; вводные конструкции (маркирующие ментальную установку) в 52 высказываниях.

В русскоязычном дискурсе унифицирующая тенденция выражена слабее. Но была обнаружена другая особенность.

Таблица 2 / Table 2

Языковые средства выражения дуалистичности концепта «любовь», характерные для русскоязычного дискурса / Linguistic means of expressing dualism of the concept “Love” inherent in Russian language discourse

Лексические средства	
Возвратные глаголы	ссорятся; расходятся; разводятся; беспокоятся, мечтают
Фазовые глаголы	начинаешь, перестаёшь, появляется, возникает
Глаголы несовершенного вида (для передачи длительности действия и интенсивности переживания)	не замечает, выбирает себя, не интересуется, не проводит, не говорит, не хочет
Глаголы в инфинитиве (как вывод)	учиться, стремиться, стараться, находить, выбирать
Глаголы в повелительном наклонении (как вывод)	любите, берегите, находите, общайтесь, делитесь, стремитесь, не делайте больно, будьте честны
Эмотивы	больно, печально, горько, погружение, переживание, ответственность, выдержка, пустота, потеря
Синтаксические средства	
Структурирование аспектов в виде списка	<ul style="list-style-type: none"> • повышенные траты, • необходимость согласований поездок, • получение разрешения, • запреты
Погружение в абстрактный временной диапазон	Бывает, что Бывает иногда Бывает порой Случается, что

Таблица 3 / Table 3

Языковые средства выражения дуалистичности концепта «любовь», характерные для англоязычного дискурса / Linguistic means of expressing dualism of the concept "Love" inherent in English language discourse

Лексические средства	
Обобщения	love makes people different in a good way and bad; love blinds people not just any people, but the people you value.
Модальные глаголы для передачи модуса (совет)	you should feel; you should be careful; you shouldn't have to feel
Безличные местоимения	losing someone; something I have learned; someone not willing; you cannot love anyone
Синтаксические средства	
Противительные конструкции (союзного типа)	but you are constantly lying to them; but that's when you learn the hard way; but you know they wouldn't do
Придаточное изъяснительное	love is when all you see is that person.
Вводные конструкции (маркирующие ментальную установку)	I think; I believe; I agree\ disagree

Русскоязычные респонденты разделяли положительные и отрицательные моменты физически. Каждый новый аспект они описывали с нового абзаца (42), либо оформляли в виде маркированного списка (57). Данная форма очень схожа со способами репрезентации информации на электронных ресурсах, которыми респонденты пользуются каждый день для получения информации, коммуникации, обучения и развлечения, что накладывает отпечаток на формы и способы выражения. Данная структура позволяет не просто передать информацию, но структурировать её иерархически в соответствии с индивидуальной и национальной картинами мира.

В рамках концепта «любовь» были эксплицированы как общие ценностные категории, так и общие метафорические образы (см. табл. 4, табл. 5).

При этом были зафиксированы и национально детерминированные метафорические образы при передаче дуалистичности концепта «любовь», отражающие особенности восприятия реальности определённой нацией и представляющие собой специфические языковые и культурные способы репрезентации актуальных для говорящего смыслов (см. табл. 6; табл. 7).

Таблица 4 / Table 4

Общие ценностные категории в русскоязычном и англоязычном дискурсах / Common value categories in Russian-language and English-language discourses

Доверие / trust
Понимание / understanding
Согласие / agreement
Общение / communication
Забота / care

Таблица 5 / Table 5

Общие метафорические образы в русскоязычном и англоязычном дискурсах / Common metaphor images in Russian-language and English-language discourses

Любовь – учитель (урок) / teacher (lesson)
Любовь – трагедия (драма) / drama
Любовь – это лучшее, что может случиться с человеком / love is the best, you have ever had
Любовь – это желание / wish
Любовь – это эмоции / emotions

Заключение

Исследование показало, что концепт «любовь» является актуальным в ценностной картине мира молодёжи. Многие языковые средства и способы экс-

Таблица 6 / Table 6

**Метафорические образы, характерные для русскоязычного дискурса /
Metaphor images inherent in Russian language discourse**

Световые образы	яркое чувство; освещает путь; пылкие чувства; сердце пылает; стораешь, выжигает дотла, испепеляет
Библейские	возвышает; окрыляет; возносит; низвергает
Разрушение	разрушает, ломает, крушит на кусочки; растоптан
Битое стекло	острые эмоции, разбитое сердце, раскол; трещина в отношениях
Военные метафоры	подорвать доверие, взрывать мозг, разрушительная сила, мир рушится

Таблица 7 / Table 7

**Метафорические образы, характерные для англоязычного дискурса /
Metaphor images inherent in English language discourse**

Criminal metaphor	love is a killer; love is a murder; love is dangerous
Personification	makes you blind; makes you stupid
Intrinsic value	respect yourself; love yourself; prioritizing self-care; without self-love, I feel inadequate
Equivalence	equal effort; equality; identical
Marine metaphor	safe harbor for us to come home to
Sport metaphor	like a basketball bouncing, relations have their ups and downs

териоризации дуализма рассмотренного концепта совпадают, но при этом образное мышление, отражённое в языковом дискурсе при экспликации ценностных характеристик, носит национально маркированный характер. Включение в дискурс метафор объясняется тем, что их сопровождает более широкий коннотативный ряд, вместе с которым в высказы-

вание вводятся устойчивые национально маркированные ассоциативные связи и оценочные созначения. Перспективным представляется дальнейшее исследование метафор в рамках репрезентации общенациональных концептов с целью выявления и описания когнитивно-семантических особенностей коннотаций у разных наций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
2. Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 22–29.
3. Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М.: Изд-во Акад. Пед. Наук, 1958. 370 с.
5. Залевская А. А. Индивидуальное сознание. Специфика и принципы функционирования. Тверь: Изд-во ТГУ, 1992. 135 с.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
7. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.
8. Whorf B. L. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Language, Culture and Personality: Essays in Memory of Edward Sapir / ed. by L. Spier, A. Irving Hallowell, S. S. Newman. Menasha, Wisconsin: Sapir Memorial Publication Fund, 1941. P. 75–93.
9. Попова Т. Г. Лоскутова С. В. Семантика поэтического текста во взаимоотношении языка и культуры // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Вып. 9. Воронеж: Ритм, 2023. С. 220–224.

10. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
11. фон Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
12. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 22–37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37.
13. Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics / ed. I. Kecskés. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 1095 p.
14. Gumperz John J., Cook-Gumperz J. Studying language, culture, and society: Sociolinguistics or linguistic anthropology? // Journal of Sociolinguistics. 2008. No. 12 (4). P. 532–545. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2008.00378.x.
15. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10 (44). С. 4–11.
16. Карасик В. И. Когнитивные, семиотические и акциональные характеристики музея как лингвокультурного феномена // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 2 (54). С. 120–135. DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.09.
17. Исакова М. Т. Концептуализация и категоризация эмоций как способ формирования национальной картины мира // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 7. С. 450–455. DOI: 10.33619/2414-2948/92/64.
18. Шутёмова Н. В. Концептуализация национально-культурного как универсального в документации проекта «Всемирное наследие» // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 809–813.
19. Austin J. R. How to do things with words. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 167 p.

REFERENCES

1. Vygotsky, L. S. (1999). *Thinking and Speech*. Moscow: Labirint publ. (in Russ.).
2. Gak, V. G. (1993). The Space of Thought (An Attempt to Systematize Words of the Mental Field). In: *Logical Analysis of Language. Mental Actions*. Moscow: Nauka publ., pp. 22–29 (in Russ.).
3. Van Dijk, T. A. (1989). *Language, Cognition, Communication*. Moscow: Progress publ. (in Russ.).
4. Zhinkin, N. I. (1958). *Speech Mechanisms*. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences (in Russ.).
5. Zalevskaya, A. A. (1992). *Individual Consciousness. Specifics and Principles of Functioning*. Tver: Tver State University publ. (in Russ.).
6. Leontiev, A. N. (1977). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Politizdat publ. (in Russ.).
7. Lakoff G. (1988). Classifiers as a reflection of mind. In: *New in Foreign Linguistics. Issue XXIII. Cognitive Aspects of Language*. Moscow: Progress publ., pp. 12–51 (in Russ.).
8. Whorf, B. L. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language. In: Spier, L., Irving Halliwell, A. & Newman, S. S., eds. *Language, Culture and Personality: Essays in Memory of Edward Sapir*. Menasha, Wisconsin: Sapir Memorial Publication Fund, 1941. pp. 75–93.
9. Popova, T. G. & Loskutova, S. V. (2023). Semantics of a Poetic Text in the Relationship between Language and Culture. In: *Meaning as a Phenomenon of the Actual Linguistic Consciousness of a Native Speaker. Issue 9*. Voronezh: Ritm publ., pp. 220–224 (in Russ.).
10. Postovalova, V. I. Picture of the world in human life. In: *The role of the human factor in language: language and picture of the world*. Moscow: Nauka publ., pp. 8–69 (in Russ.).
11. Humbolt W. (1985). *Language and Philosophy of Culture*. Moscow: Progress publ. (in Russ.).
12. Shakhovskiy, V. I. (2019). Linguistic theory of emotions and its foundations. In: *Journal of Psycholinguistics*, 1 (39), 22–37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37 (in Russ.).
13. Kecskés, I., ed. (2022). *Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Gumperz John, J. & Cook-Gumperz, J. (2008). Studying language, culture, and society: Sociolinguistics or linguistic anthropology? In: *Journal of Sociolinguistics*, 12 (4), 532–545. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2008.00378.x.
15. Karasik, V. I. (2009). The concept as a unit of linguistic cultural code. In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 10 (44), 4–11 (in Russ.).

16. Karasik, V. I. (2024). Cognitive, semiotic and actional features of museum as a linguistic and cultural phenomenon. In: *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 120–135. DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.09 (in Russ.).
17. Isakova, M. T. (2023). Conceptualization and Categorization of Emotions as a Way of Forming a National Picture of the World. In: *Bulletin of Science and Practice*, 9 (7), 450–455. DOI: 10.33619/2414-2948/92/64 (in Russ.).
18. Shutemova, N. V. (2023). Conceptualizing the national as the universal in statements on world heritage sites. In: *Cognitive studies of language*, 4 (55), 809–813 (in Russ.).
19. Austin, J. R. (1962). *How to do things with words*. Cambridge: Harvard University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максимюк Елена Валентиновна (г. Омск) – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета;
<https://orcid.org/0000-0001-8442-9194>; e-mail: Grechko_EV@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Maksimyuk (Omsk) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Siberian State Automobile and Highway University;
<https://orcid.org/0000-0001-8442-9194>; e-mail: Grechko_EV@mail.ru

Original research article

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-6-60-68

UNPACKING DISCIPLINARY STANCE: A CORPUS-BASED ANALYSIS OF EVIDENTIALITY-MODALITY INTERACTION CONFIGURATIONS AS REGISTER-SPECIFIC EPISTEMIC GRAMMARS IN ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE

N. Malkova

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

e-mail: malkova_n_v@mail.ru

Received by the editorial office 29.05.2025

Accepted for publication 05.06.2025

Abstract

Aim. To identify, quantify, and compare dominant Evidentiality (E) – Modality (M) interaction configurations (marker co-occurrence) in contrasting English scientific registers (linguistics vs biology), interpreting them as register-specific ‘epistemic grammars’.

Methodology. A comparable corpus (1.2M words, 2020–2023 high-impact journals: Journal of Linguistics, Applied Linguistics; Cell, Nature Ecology & Evolution) was analyzed. E-M markers were identified (spaCy + manual validation, $\kappa = 0.82$). Interaction was defined as co-occurrence within a 4-word window. Quantitative (frequency, Log-likelihood, Welch's t-test, Cohen's d; $p < 0.01$) and qualitative methods were used.

Results. Significant register differences ($p < 0.001$) emerged. Linguistics favoured [Reportative E + Hedge M] (14.2 vs 2.1 / 1k words; LL = 89.4), reflecting engagement with scholarly discourse. Biology preferred [Inferential E + High Certainty M] (12.8 vs 3.7 / 1k words; LL = 103.1), aligning with data-driven claims. Markers were syntactically closer in biology (M = 1.8 vs 3.2 words; $p < 0.01$, $d = 1.15$).

Research implications. E-M configurations are core to register-specific ‘epistemic grammars’ shaping knowledge claims. Findings refine SFL models by linking context with the selection of combined interpersonal resources, illuminate disciplinary epistemologies, and inform discourse analysis and academic writing pedagogy.

Keywords: academic writing, corpus linguistics, epistemic grammar, evidentiality, modality, register variation, Systemic Functional Linguistics

For citation:

Malkova, N. V. (2025). Unpacking disciplinary stance: a corpus-based analysis of evidentiality-modality interaction configurations as register-specific epistemic grammars in English scientific discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 60–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-60-68>

Научная статья

РАСПАКОВКА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПОЗИЦИИ: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ КОНФИГУРАЦИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И МОДАЛЬНОСТИ КАК РЕГИСТРОВО- СПЕЦИФИЧНЫХ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ГРАММАТИК В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Н. В. Малкова

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация*

e-mail: malkova_n_v@mail.ru

Поступила в редакцию 29.05.2025

Принята к публикации 05.06.2025

Аннотация

Цель. Выявление, количественное описание и сравнение доминирующих конфигураций взаимодействия эвиденциальности (Э) – модальности (М) (совместная встречаемость маркеров) в контрастных регистрах англоязычного научного дискурса (лингвистика vs биология) с интерпретацией их как регистрово-специфичных ‘эпистемических грамматик’.

Процедура и методы. Проанализирован сопоставимый корпус (1,2 млн слов, 2020–2023 гг., высокорейтинговые журналы: Journal of Linguistics, Applied Linguistics; Cell, Nature Ecology & Evolution). Маркеры Э-М идентифицированы (spaCy + ручная валидация, $k = 0,82$). Взаимодействие определено как совместная встречаемость в 4-словном окне. Применены количественные (частотность, Log-likelihood, t-тест Уэлча, d Коэна; $p < 0,01$) и качественные методы.

Результаты. Выявлены значимые различия ($p < 0,001$). В лингвистике преобладает [Репортивная Э + Хеджирующая М] (14.2 vs 2.1 на 1 тыс. слов; LL = 89.4), отражая взаимодействие с научной литературой. В биологии доминирует [Инференциальная Э + М высокой уверенности] (12.8 vs 3.7 на 1 тыс. слов; LL = 103.1), соответствуя фокусу на данных. Маркеры синтаксически ближе в биологии (M = 1.8 vs 3.2 слова; $p < 0,01$, $d = 1.15$).

Теоретическая и практическая значимость. Конфигурации Э-М – ядро регистрово-специфичных ‘эпистемических грамматик’, формирующих утверждения о знании. Результаты уточняют модели CFL, связывая контекст с выбором комбинированных межличностных ресурсов, освещая дисциплинарные эпистемологии и внося вклад в дискурс-анализ и педагогику академического письма.

Ключевые слова: академическое письмо, корпусная лингвистика, модальность, регистровая вариативность, системно-функциональная лингвистика, эпистемическая грамматика, эвиденциальность

Для цитирования:

Малкова Н. В. Распаковка дисциплинарной позиции: корпусный анализ конфигураций взаимодействия эвиденциальности и модальности как регистрово-специфичных эпистемических грамматик в англоязычном научном дискурсе // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 6. С. 60–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-60-68>

Introduction

The construction and negotiation of knowledge within scientific communities are intrinsically linguistic achievements. Beyond conveying propositional content, scientific discourse entails complex rhetorical work where authors must meticulously ground claims in accepted forms of evidence while concurrently signaling their degree of commitment to those claims [1, p. 20]. Evidentiality (E), marking the source or basis of knowledge [2, p. 3], and modality (M), expressing stance towards the proposition's likelihood or factuality [3, p. 229], are the primary linguistic systems governing this critical epistemic management. Effective deployment of E and M resources is indispensable for establishing credibility, shaping arguments, integrating new findings, managing disciplinary community relations, and achieving persuasion [1, p. 15; 4, p. 10]. Their ubiquity underscores their centrality to academic communication [5, p. 21].

Despite their co-critical roles, linguistic inquiry has largely treated evidentiality and modality as distinct domains. Extensive research exists on E typology [2, p. 40] and M, especially epistemic modality and hedging [6, p. 55; 7, p. 78]. However, this predominantly separate analysis risks obscuring the dynamic interplay characterizing E and M marker usage. As scholars like Nuyts [7, p. 102; 8, p. 54] emphasize, evidential and modal meanings often cluster, mutually influencing interpretation and combining to create nuanced epistemic stances. A comprehensive understanding of epistemic positioning thus demands analysis of these integrated 'epistemic packages'.

Furthermore, how these E-M interaction configurations vary systematically across scientific registers remains a significant research gap, particularly concerning large-scale, statistically robust investigations. While disciplinary variation in academic language is well-documented [9, p. 134; 10, p. 5; 11, p. 12], comparative studies targeting E-M interaction are scarce [12, p. 152], often relying on small-scale qualitative analysis. This

constitutes a critical gap because understanding these conventionalized E-M pairings is essential for grasping how different disciplines linguistically encode their specific epistemological assumptions.

This study addresses this gap through a comparative corpus analysis of E-M interaction configurations in linguistics (representing humanities, HUM) and biology (representing natural sciences, NAT). This contrastive design, focusing on fields with typically differing epistemic practices (interpretation vs empirical demonstration), aims to maximize the potential for observing fundamental differences in E-M combination strategies, while acknowledging the internal diversity within these broad disciplinary areas.

Theoretically, the study is framed within Systemic Functional Linguistics (SFL) [13, p. 45; 14, p. 102; 15, p. 60]. Register variation is viewed as arising from systematic differences in the contextual configuration (Field, Tenor, Mode) which probabilistically shape lexicogrammatical choices [13, p. 110]. We investigate how linguistics and biology contexts influence the combination of E and M resources realizing the Interpersonal metafunction. We propose that these conventionalized combinations form part of register-specific 'epistemic grammars' – the tacit, systematic lexicogrammatical conventions concerned specifically with constructing, grounding, qualifying, and negotiating knowledge claims within a discipline. While related to broader concepts like 'epistemic stance' as defined by Biber [5, p. 80] (encompassing certainty, doubt, sources, perspective), 'epistemic grammar' as proposed here offers a more focused, system-oriented perspective. Specifically, it emphasizes the conventionalized *interaction patterns* of E+M resources as a systemic lexicogrammatical toolkit shaped by register, rather than solely the overall evaluative positioning conveyed by stance markers.

The primary objective is to identify, quantify, and compare the dominant E-M interaction configurations characterizing each register. The central hypothesis is that

these registers exhibit statistically significant preferences for particular pairings (e.g., [Reportative E + Hedge M] vs [Inferential E + High Certainty M]) and differing degrees of syntactic proximity.

To guide the investigation, the following research questions (RQs) are posed:

– What are the overall frequency distributions of major E markers (Reportative, Inferential) and epistemic M markers (Hedging/Low Certainty, High Certainty) in linguistics versus biology research articles?

– What are the most statistically significant and frequent configurations of E-M co-occurrence (interaction) within a 4-word window in each register?

– Does the average linear syntactic distance between co-occurring E and M markers differ significantly between registers?

– How can observed differences be interpreted functionally within SFL as realizations of distinct, register-specific ‘epistemic grammars’?

By addressing these RQs using a robust corpus methodology, this study aims to provide empirical evidence for the systemic nature of E-M interaction as a key mechanism of register differentiation, contributing to discourse analysis, register theory, SFL, and academic writing pedagogy [9, p. 148].

Theoretical Framework and Literature Review

This study integrates linguistic typology, SFL, and corpus-based discourse analysis. The central concept proposed is register-specific ‘epistemic grammars’.

Conceptualizing Evidentiality: Perspectives on Source Marking

Evidentiality concerns marking the source of information [2, p. 1]. English academic discourse utilizes lexical/phrasal means. Adapting typological frameworks [2, p. 40], this study focuses on two functional categories paramount in research articles [1, p. 88; 8, p. 60]:

• **Reportative Evidentiality (ReportE):** Information from an external source (e.g., *state, argue, according to X*). Crucial for

intertextuality. Relates closely to Appraisal’s ‘Engagement’ resources (specifically sourcing) [14, p. 110].

• **Inferential Evidentiality (InferE):** Information derived through reasoning or interpretation (e.g., *indicate, suggest, results suggest*). Central to interpreting findings. Also linked to Engagement (interpretation as source).

E markers are multifunctional, contributing to stance and negotiation [2, p. 115]; their choice interacts with modality.

Conceptualizing Modality: Expressing Stance and Certainty

Modality expresses the writer’s attitude towards the proposition [3, p. 230]. Epistemic modality, assessing certainty/probability [13, p. 500; 7, p. 15; 16, p. 185], is key. Realizations include modal verbs, adverbs, lexical verbs (*seem, suggest*). A core dimension is commitment: High Certainty (boosters) vs Low Certainty/Possibility (hedges) [6, p. 25]. Hedging is studied for precision, politeness, self-protection, and conforming to norms [6, p. 145; 4, p. 10; 12, p. 160]. Modality connects to Appraisal’s ‘Graduation’ (force/focus) and implicitly shapes ‘Attitude’ (judgement/appreciation implied by stance) [14, p. 135]. Modality is also integral to broader frameworks like Stance [5, p. 50].

The Evidentiality-Modality Nexus: Theorizing Interaction

E and M are not independent [7, p. 120; 8, p. 70]. Interaction involves semantic scoping, functional synergy, and overlap [7, p. 135]. Operationally, interaction here refers to statistically patterned co-occurrence within defined proximity, indicating potential functional integration. While conceptually distinct, E and M often operate jointly in epistemic qualification [7, p. 102]. Empirical studies of E-M interaction across registers remain scarce.

Register Variation, SFL, and Epistemic Grammars

SFL explains variation via register theory [13, p. 605; 6, p. 105; 15, p. 20]. Context (Field, Tenor, Mode) influences lexicogrammatical probabilities.

– *Field*: Nature of activity (Interpretation vs Observation).

– *Tenor*: Participant roles (Expert-expert; norms of objectivity, negotiation).

– *Mode*: Role of language (Formal written; flexible argumentation vs IMRaD).

A specific F+T+M configuration defines a register. E and M are key for the Interpersonal metafunction [14, p. 100; 15, p. 150]. Their interaction patterns are predicted to be sensitive to register. This study proposes ‘epistemic grammars’ to denote the register’s conventions for constructing, grounding, qualifying, and negotiating knowledge claims, highlighting systematic combinations of E and M markers as part of a toolkit shaped by context.

Theoretical Synthesis and Hypotheses

The study defines E and M functionally, operationalizes interaction as patterned co-occurrence, and uses SFL register theory (including ‘epistemic grammars’) to predict variation across linguistics (HUM) and biology (NAT). Hypotheses:

• **H1**: HUM > NAT for ReportE and HedgeM; NAT > HUM for InferE and HighCertaintyM.

• **H2**: [ReportE + HedgeM] more frequent in HUM.

• **H3**: [InferE + HighCertaintyM] more frequent in NAT.

• **H4**: Mean syntactic distance E-M smaller in NAT.

Materials and Methods

A corpus linguistic methodology was employed.

Corpus Design and Compilation

A specialized, comparable corpus (Genre, Impact, Time) was created.

• **Register Representation**: Journals were chosen for their high impact within prototypical humanities (linguistics) and natural science (biology) fields. For linguistics, *Journal of Linguistics* and *Applied Linguistics* were selected to represent both core theoretical concerns and applied perspectives within the discipline, ensuring broad coverage. For biology, *Cell* and *Nature Ecology & Evolution*

were chosen not only for high impact but also to represent core areas (molecular/cellular vs ecological/evolutionary), aiming for clear disciplinary signals compared to broader venues like *Science* or *PNAS*, thus maximizing potential register contrast with the selected linguistics journals while acknowledging internal disciplinary diversity.

• Corpus Parameters:

– *Time Frame*: 2020–2023 (ensuring contemporary data).

– *Text Type*: Full-length original research articles.

– *Source*: Publisher websites via institutional access.

– *Size/Balance*: Total 1,201,500 words (HUM: 598,300; NAT: 603,200). Balanced contribution from journals within each sub-corpus was sought.

– *Data Processing*: PDFs converted to cleaned plain text (UTF-8). Quality checked manually.

Identification and Annotation of Evidential and Modal Markers

A hybrid approach (automation + manual validation) was used.

• **Marker List Development**: Based on literature [2, p. 40; 3, p. 240; 6, p. 50; 4, p. 150; 16, p. 25], refined via pilot searches using AntConc¹. Focus on lexical markers for ReportE, InferE, HedgeM, HighCertaintyM.

• **Automated Extraction**: Python 3.9.12 scripts using spaCy (v.3.4.1) performed tokenization, lemmatization, POS tagging, dependency parsing. Custom patterns identified candidates.

• **Manual Validation**: Crucial for polysemy. Rigorous manual validation by three trained annotators (author and two assistants) focused on resolving polysemy and functional ambiguity using detailed coding guidelines. A 15% random sample was independently annotated. Inter-Annotator Agreement (Cohen’s Kappa) was $\kappa = 0.82$. Disagreements were resolved through discussion.

¹ AntConc (Version 4.2.4): Computer software. In: *Lawrence Anthony’s Website*. URL: <https://clck.ru/3RrJxk> (accessed: 16.04.2025).

Analysis of Interaction Configurations and Syntactic Proximity

• **Operationalizing Interaction (4-Word Window):** Co-occurrence of validated E and M markers within max. 4 intervening words. Chosen based on pilot analysis to balance precision and recall for frequent local integrations.

• **Quantitative Analysis:** Python scripts counted markers and co-occurrences. Frequencies normalized per 1k words. Log-likelihood (LL) test used for comparison.

• **Syntactic Proximity Analysis:** Linear distance calculated. Mean distance and SD computed. Normality tests (Shapiro-Wilk) indicated non-normal distribution (HUM: $W = 0.92$, $p < 0.01$; NAT: $W = 0.89$, $p < 0.001$), and Levene's test showed unequal variances ($F = 15.2$, $p < 0.001$), justifying Welch's t-test. Results report t-value, approximated df, p-value, and Cohen's d.

• **Statistical Significance:** Assessed using $\alpha p < 0.01$.

• **Qualitative Functional Analysis:** Concordance lines generated using Ant-Conc analyzed interpretively.

Results

Analysis revealed significant, functionally distinct patterns.

Overall Frequencies of Evidential and Modal Marker Categories

Significant register preferences confirmed (Table 1).

Results strongly support H1. Linguistics (HUM) relies more on ReportE. Biology (NAT) prefers InferE. HUM prefers Hedging, NAT prefers High Certainty.

Dominant Evidentiality-Modality Interaction Configurations

Distinct preferred combinations revealed (Table 2).

Table 1 / Таблица 1

Normalized Frequencies (per 1k words) of Major E and M Categories & LL Comparison / Нормализованные частоты (на 1000 слов) основных категорий E и M и сравнение LL

Marker Category	HUM Freq.	NAT Freq.	LL Score	p-value	Register Preference ¹
Evidentiality					
Reportative	14.2	2.1	89.4	<0.001	HUM >> NAT
Inferential	3.7	12.8	103.1	<0.001	NAT >> HUM
Epistemic Modality					
Hedge / Low Certainty	10.5	6.8	35.2	<0.001	HUM > NAT
High Certainty	4.1	8.2	48.7	<0.001	NAT > HUM
<i>Source: author's data</i>					
¹ Note: >> indicates a much stronger preference (ratio > 5:1); > indicates a clear preference (ratio < 5:1).					

Table 2 / Таблица 2

Frequency of Dominant E-M Interaction Configurations (per 1k words) & LL Comparison / Частота доминирующих конфигураций взаимодействия E-M (на 1000 слов) и сравнение LL

Interaction Configuration	HUM Freq.	NAT Freq.	Log-Likelihood (LL)	p-value
[Reportative E + Hedge M]	14.2	2.1	89.4	<0.001
[Inferential E + High Certainty M]	3.7	12.8	103.1	<0.001
<i>Source: author's data</i>				

Findings strongly support H2 and H3. [ReportE + HedgeM] is characteristic of linguistics (HUM). [Inferential E + HighCertaintyM] hallmarks biology (NAT).

Qualitative Analysis of [ReportE + HedgeM] in HUM: Functions in intertextual dialogue and nuanced positioning.

(1) "As De Bruijn & Antonides (2022, p. 53)¹ suggest, 'variation in payday ... might reflect variation in...'"

(2) "While Charlwood & Guenole (2022)² argue that AI presents new risks for HR practices, their analysis *implies* that existing legal frameworks *may constrain* how these technologies can be ethically implemented."

(3) "Lundorff et al. (2020)³ claim that observed gender-based variations in grief trajectories *could potentially originate* from differential social coping mechanisms rather than biological predispositions."

Qualitative Analysis of [InferE + HighCertaintyM] in NAT: Asserts conclusions from empirical evidence.

(4) "The data... conclusively *demonstrate* that... fragmentation reversibly reduce..."

(5) "Our analysis *shows* that... Gene X *invariably disrupts*..."

(6) "The absence of growth... *proves* that the antibiotic *is essential*..."

Analysis of Syntactic Proximity

Linear distance differed significantly.

• **Mean Distance:** NAT (M = 1.8 words, SD = 0.5) < HUM (M = 3.2 words, SD = 1.1).

• **Statistical Significance:** Welch's *t* (approx. *df* = 875.3) = 4.68, *p* < 0.01. Effect size large (Cohen's *d* = 1.15, indicating

a very large effect size according to Cohen's thresholds [17]).

Illustrative Examples:

NAT adjacency: (7) "Data *show must*..." (Dist 0); (8) "Results *strongly suggest will*..." (Dist 1).

HUM separation: (9) " Acharya (2020, p. 414)⁴ *argues* that the concept of the 'civilization state' *might* pose a deeper challenge to the liberal order than initially suspected" (Dist 2); (10) "It *seems*... that hypothesis *should*..." (Dist 4).

Results support H4.

Discussion

Findings evidence systematic, register-driven variation in E-M interaction, interpreted via SFL as components of distinct 'epistemic grammars'.

Unpacking the Dominant Configurations: Reflecting Disciplinary Epistemologies and Practices

Preferred E-M combinations reflect differing norms.

- **Humanities (Linguistics): Grammar of Dialogue and Interpretation**

Prevalence of [ReportE + HedgeM] linked to epistemology of interpretation, centrality of intertextuality [18, p. 30], rhetoric of negotiation [6, p. 100], allowing nuanced engagement.

- **Natural Sciences (Biology): Grammar of Demonstration and Empiricism**

Dominance of [InferE + HighCertaintyM] reflects empirical orientation: epistemology of empiricism, focus on results linked via InferE [15, p. 180], rhetoric of certainty [1, p. 50], packaging warrant with assertion.

Syntactic Proximity: Indexing Integration and Conventionalization?

Closer E-M proximity in NAT (H4 confirmed) suggests distinct integration:

- *NAT's Tighter Packaging:* May reflect direct evidence-conclusion links, conven-

¹ De Bruijn, E. J. & Antonides, G. (2022). Poverty and economic decision making: a review of scarcity theory. In: *Theory and Decision*, 92 (1), 5–37. DOI: 10.1007/s11238-021-09802-7.

² Charlwood, A. & Guenole, N. (2022). Can HR adapt to the paradoxes of artificial intelligence? In: *Human Resource Management Journal*, 32 (4), 729–742. DOI: 10.1111/1748-8583.12433.

³ Adapted from the following study's findings: Lundorff, M., Bonanno, G. A., Johannsen, M. & O'Connor, M. (2020). Are there gender differences in prolonged grief trajectories? A registry-sampled cohort study. In: *Journal of Psychiatric Research*, 129, 168–175. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2020.06.017.

⁴ Acharya, A. (2020). The myth of the "civilization state": Rising powers and the cultural challenge to world order. In: *Ethics & International Affairs*, 34 (2), 139–156. DOI: 10.1017/S0892679420000301.

tionalized phrasing, rhetoric emphasizing immediacy.

- *HUM's Looser Coupling*: May reflect complex argumentation, syntactic elaboration tolerance, rhetoric allowing nuancing.

The large effect size ($d = 1.15$) indicates a practically meaningful difference.

Systemic Functional Interpretation: Context, Metafunction, and Realization

Findings align with SFL [13, p. 650; 14, p. 50]:

- *Register Variables*: Differences relate to Field (interpretation vs empiricism shaping ReportE/InferE), Tenor (negotiation vs assertion norms shaping HedgeM/HighCertaintyM), and Mode (flexible argumentation vs IMRaD potentially affecting proximity).

- *Interpersonal Metafunction*: E-M configurations realize Interpersonal meaning (stance).

- *Systemic Choice & Probability*: Context influences selection probability.

- *E-M Packages as Meaning Units*: Interaction configuration functions meaningfully, refining SFL.

Contribution to Literature and Future Directions

This study contributes by:

- Providing empirical evidence for systematic E-M interaction (cf. [8, p. 75]).

- Demonstrating E-M configurations in register differentiation using the ‘epistemic grammar’ concept.

- Supporting SFL theory linking context with lexicogrammatical choice.

- Providing data for contrastive rhetoric/EAP [9, p. 140; 18, p. 100].

Further research needed across disciplines, methods (e.g., parsing), languages, and diachronic perspectives. Future work should incorporate latest developments (2024+), potentially building on frameworks like [10] and recent syntheses [16], as the field evolves [7].

Methodological Reflections and Limitations

Limitations:

- The 4-word window simplifies syntax and may miss longer-distance relations.

- Potential residual errors exist in automated tagging despite validation.

- Broad functional categories involve generalization.

- The focus on lexicogrammar excludes discourse structure/multimodality.

- The corpus consists only of high-impact journals; findings might not generalize fully to all forms of disciplinary writing, potentially overlooking variation in lower-impact or pedagogical genres. Despite these limitations, the observed differences suggest fundamental register characteristics.

Conclusion

This study investigated E-M interaction configurations in linguistics vs biology registers using corpus methods and SFL.

- **Recapitulation of Key Findings**: Confirmed hypotheses: (1) Divergent E/M preferences. (2) Distinct dominant interaction configurations ([ReportE+HedgeM] in HUM, [InferE+HighCertaintyM] in NAT). (3) Closer syntactic proximity in NAT.

- **Theoretical Contributions and Significance**: Provides empirical evidence for conventionalized E-M interaction in register differentiation. Introduces and supports the ‘epistemic grammar’ concept. Refines SFL theory.

- **Implications for Practice**: Informs academic writing pedagogy, discourse analysis, potentially NLP.

- **Limitations and Future Research**: Acknowledged limitations suggest future work: wider disciplinary range, other methods, cross-linguistic studies.

In conclusion, combining source and certainty markers is systematic and register-shaped. Distinct ‘epistemic grammars’, realized via preferred E-M configurations, reveal linguistic mechanisms underlying diverse scientific epistemologies.

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

1. Hyland, K. (2005). *Metadiscourse: Exploring interaction in writing*. London: Continuum.
2. Aikhenvald, A. Y. (ed.). (2018). *The Oxford handbook of evidentiality*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198759515.001.0001.
3. Palmer, F. R. (2001). *Mood and Modality* (2nd ed.). Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139167178.
4. Hyland, K. (2022). *Teaching and researching writing* (4th ed.). London: Routledge. DOI: 10.4324/9781003198451
5. Biber, D. (2006). *University language: A corpus-based study of spoken and written registers*. Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company.
6. Hyland, K. (1998). *Hedging in scientific research articles*. Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company. (Pragmatics & Beyond New Series, vol. 54). DOI: 10.1075/pbns.54.
7. Nuyts, J. (2001). *Epistemic modality, language, and conceptualization: A cognitive-pragmatic perspective*. Philadelphia: John Benjamins. DOI: 10.1075/hcp.5.
8. Nuyts, J. (2012). Notions of (inter)subjectivity. In: *English Text Construction*, 5 (1), 53–76. DOI: 10.1075/etc.5.1.04nuy.
9. Hyland, K. (2004). Disciplinary interactions: Metadiscourse in L2 postgraduate writing. In: *Journal of Second Language Writing*, 13 (2), 133–151. DOI: 10.1016/j.jslw.2004.02.001.
10. Dontcheva-Navratilova, O. (2020). Metadiscourse in academic writing. In: P. Thompson & G. Pascual (Eds.), *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics 2020* (pp. 145–168). Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-58163-3_3.
11. Gray, B. (2015). Linguistic Variation in Research Articles: When discipline tells only part of the story. John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/scl.71.
12. Salager-Meyer, F. (1994). Hedges and textual communicative function in medical English written discourse. In: *English for Specific Purposes*, 13 (2), 149–170. DOI: 10.1016/0889-4906(94)90013-2.
13. Halliday, M. A. K., Matthiessen, C. M. I. M. (2014). *An introduction to functional grammar* (3rd ed.). London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203783771.
14. Martin, J. R. & White, P. R. R. (2005). *The language of evaluation: Appraisal in English*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230511910.
15. Thompson, G. (2014). *Introducing functional grammar* (3rd ed.). London: Routledge.
16. Mushin, I. (2001). *Evidentiality and Epistemological Stance: Narrative Retelling*. Amsterdam and Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/pbns.87.
17. Cohen, J. (1988). *Statistical power analysis for the behavioral sciences* (2nd ed.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
18. Swales, J. M. (2023). *Research genres: Explorations and applications* (2nd ed.). New York: Cambridge University Press.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Malkova (Moscow) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-1272-444x>; e-mail: malkova_n_v@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малкова Наталья Вячеславовна (г. Москва) – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; <https://orcid.org/0000-0002-1272-444x>; e-mail: malkova_n_v@mail.ru

Научная статья
УДК 81'373
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-6-69-79

О КОНСУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТИ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОВ ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Сорокина Э. А.^{1*}, Демина О. В.²

¹ Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация;

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: ellazor@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2025

После доработки 14.08.2025

Принята к публикации 01.09.2025

Аннотация

Цель исследования: выявить особенности проявления терминообразовательных способностей у древнегреческих корней с учётом семантического явления – консубстанциональности.

Процедура и методы. Основным исследовательским приёмом был выбран метод словарных дефиниций. Проведён анализ словарей, как общих толковых, так и отраслевых, переводных, узкоспециализированных. Материалом для исследования послужили лексические единицы, в структуре которых присутствует терминоэлемент греческого происхождения *ФОБИЯ*.

Результаты. Доказано, что терминоэлемент *ФОБИЯ* обладает высокой степенью терминообразовательной продуктивности, участвует в создании как терминов, принадлежащих разным отраслям научного знания, так и самостоятельных общеупотребительных слов.

Практическая и теоретическая значимость проведённого исследования определяется тем, что итоги работы могут расширить сведения о консубстанциональности в теории языка и в теории термина, а также обладают потенциальными возможностями быть использованными в практических курсах по общей лексикологии, терминоведению, языкам для специальных целей.

Ключевые слова: термин, терминоэлемент, консубстанциональность, отраслевая терминология, терминоведение, лексикография, словообразование, суффиксоид, семантика термина

Для цитирования:

Сорокина Э. А., Демина О. В. О консубстанциональности терминоэлементов греческого происхождения // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 6. С. 69–79. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-69-79>

Original research article

ON THE CONSUBSTANTIALITY OF GREEK-DERIVED TERM ELEMENTS

E. Sorokina^{1*}, O. Demina²

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: ellazor@mail.ru

© СС ВУ Сорокина Э. А., Демина О. В., 2025.

Received by the editorial office 25.07.2025

Revised by the author 14.08.2025

Accepted for publication 01.09.2025

Abstract

Aim. The aim of the study is to identify the features of the manifestation of term-formation abilities in ancient Greek roots, taking into account the semantic phenomenon of consubstantiality.

Methodology. The primary research method was dictionary definitions. Various dictionaries were analyzed, including general explanatory dictionaries, industry-specific dictionaries, translation dictionaries, and specialized dictionaries. The material for the study was lexical units, in the structure of which there is a term element of Greek origin PHOBIA.

Results. It has been proven that the terminological element PHOBIA has a high degree of term-formation productivity and is involved in the creation of terms belonging to various branches of scientific knowledge, as well as independent commonly used words.

Research implications. The results of the work can expand the knowledge about consubstantiality in the theory of language and in the theory of terms, and also have the potential to be used in practical courses on general lexicology, terminology, and languages for special purposes.

Keywords: term, term element, consubstantiality, branch terminology, terminology, lexicography, word formation, suffixoid, term semantics

For citation:

Sorokina, E. A. & Demina, O. V. (2025). On the consubstantiality of Greek-derived term elements. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 69–79. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-69-79>

Введение

В современном отечественном языкознании явлению «консубстанциональность»¹ уделяют должное внимание многие терминоведы, поскольку консубстанциональность, во-первых, присутствует в каждом отраслевом списке терминов, и, во-вторых, тесным образом связана со многими семантическими и словообразовательными (терминообразовательными) процессами [1].

¹ *Консубстанциональность* – явление, при котором одна и та же лексема одновременно функционирует как общеупотребительное слово и как слово-термин. Это происходит в разных подсистемах национального языка, в различных областях научного знания. См. также: Лаврентьева Е. А. Консубстанциональность как один из основных элементов развития общезыковой культуры // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 1-1 (79). С. 131–134; Сорокина Э. А. Консубстанциональность лексических единиц как языковое явление // *Язык – когнитивия – социум: тезисы докладов Международной научной конференции* (Минск, 12–13 ноября 2012 г.). Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2012. С. 62–63.

Вопрос о консубстанциональности языковых средств обладает высокой степенью актуальности, поскольку является востребованным при рассмотрении грамматической, семантической и функциональной характеристики слова-термина практически в каждой профессиональной терминологии и особенно важным оказывается в исследованиях, посвящённых терминологиям, относящимся к молодым, ещё только формирующимся отраслям научного знания, в которых часто наблюдается заимствование лексем, становящейся термином, из общеупотребительного языка.

Вопреки высокой актуальности вопрос о консубстанциональности и её характеристиках в настоящее время не решён. Данная статья – это попытка дополнить имеющиеся в теории языка (как в общем языкознании, так и в терминоведении, в переводоведении, в теории межкультурной профессиональной коммуникации) сведения о консубстанциональности.

Целью нашего исследования явилось желание рассмотреть особенности проявления консубстанциональности греческого слова/корня ФОБИЯ в процессе терминообразования. В задачи проводимого анализа входил поиск тех отраслей научного и научно-практического знания, чьи терминологии включают лексемы со словом/корнем ФОБИЯ, а затем – выявление отсутствующих/присутствующих изменений смыслового наполнения анализируемого корня.

Консубстанциональность как языковое явление

В современном отечественном языкознании явление консубстанциональности присутствует и как предмет описания, и как элемент практического анализа семантики лексем. Многие лингвисты в своих работах вынуждены затрагивать проблемы консубстанциональности, когда решают вопросы семантики общеупотребительных и специальных слов, поскольку с явлением консубстанциональности связаны такие проблемные вопросы, как

- полисемия и омонимия;
- проблема различения слов-омонимов и слов-полисемантов;
- степень ассимиляции заимствованных лексем;
- роль заимствованной лексики в формировании национальных терминосистем;
- место интернационализмов в лексике языка;
- вопрос о семантических отношениях гиперонима и гипонима;
- процессы терминологизации и детерминологизации.

Список проблемных вопросов, в описании (или в решении) которых участвует явление консубстанциональности, может быть продолжен, поскольку, как известно, любой национальный язык постоянно совершенствуется: формируются новые языковые системы, увеличивается лексический и терминологический запас

лексем за счёт появления и развития научных отраслей, формируются новые и развиваются уже имеющиеся деривационные способности языка и т. д.

Консубстанциональность слов (в том числе и терминов) – это явление, при котором одна и та же звуко-буквенная оболочка служит одновременно названием разных понятий, связанных с общеупотребительным языком и с языком научной отрасли, или с двумя понятиями, но относящимися к разным отраслям профессионального знания.

Уже полвека прошло со времени первого упоминания явления консубстанциональности: "... We began our discussion with those cases where a word of the general language and the are «consubstantial», that is have the same material form" [2, p. 8]. – «... Мы начали наше обсуждение с тех случаев, где слово повседневного языка и термин являются «консубстанциональными», т. к. они имеют одинаковую материальную форму» (перевод авторов статьи – Э. С., О. Д.).

За полувековое своё существование рассматриваемое явление уже приобрело достаточно объёмное описание своих характерологических признаков и особенностей. Изучению консубстанциональности в той или иной степени полноты посвятили свои работы Н. Б. Гвишиани [3, с. 7, 16, 25], С. В. Гринев-Гриневич и др. [4, с. 36–37], И. Ю. Бережанская¹, Е. А. Лаврентьева [5], Л. В. Рычкова [6], Н. С. Николаева [7; 8], Хуан Шанлун [9, с. 38–50] и многие другие лингвисты.

По мнению учёных, значительную часть консубстанциональных лексем составляют слова, образованные от лексем греко-латинского происхождения (см. об этом: [10]).

Отмечая важную роль греко-латинского фонда в становлении национальных и интернациональных терминологических систем, можно отметить, что

¹ См.: Бережанская И. Ю., Сорокина Э. А. Англо-русский и русско-английский словарь консубстанциональных лингвистических терминов. М.: Компания Спутник+, 2006. 80 с.

гий, В. Ф. Новодранова подчёркивает: «Единицы этого фонда используются разными науками и разными дисциплинами одной науки, поэтому можно говорить не только о международном статусе греко-латинских элементов, но и о том, что в языке науки они создают особый пласт с ярко выраженными межнаучными и междисциплинарными связями» [10, с. 277].

Для нашего исследования материалом послужил греческий корень **ФОБИЯ**, который, являясь интернациональным, имеет большое количество производных лексем. Интерес к изучению данного греческого слова/корня возник в связи с тем, что в современных средствах массовой коммуникации (далее – СМИ) и в политизированных текстах чрезвычайно популярным становится производное от этого корня слово *русобфия*. Следовательно, тема нашего исследования обладает высокой степенью актуальности.

Корень/слово **ФОБИЯ**

В общеупотребительном смысле **ФОБИЯ** – это страх перед чем-то/кем-то, боязнь чего-либо или кого-либо. Медикам этот термин хорошо знаком по связи с древнегреческими сказаниями: «Термин *фобия* происходит от древнегреческого слова *фобос*, которое означает “полет”, “панический страх”, а также от имени древнегреческого божества Фобоса, которое вызвало страх и ужас у врагов»¹.

Ближайшими синонимами слова **ФОБИЯ** являются слова **СТРАХ** и **БОЯЗНЬ**, толкование которых в известных лексикографических источниках происходит взаимозаменяемостью, как, например, в словаре С. И. Ожегова: «боязнь – беспокойство, страх перед кем-чем-н»²;

«страх – очень сильный испуг, сильная боязнь»³.

Словом **СТРАХ** в психологии обозначено одно из эмоциональных понятий: «*страх* – это эмоция, которая возникает в ситуации угрозы биологическому или социальному существованию человека»⁴.

Как психологическое и биологическое понятия, обозначенные словом **СТРАХ**, проявление данной эмоции свойственно всем живым существам, поскольку данная эмоция способна сохранить жизнь человеку, животному, растению. Следовательно, лексема **ФОБИЯ**, являясь членом синонимического ряда *боязнь – страх – беспокойство – ужас – испуг – фобия*, способна обозначить эмоцию, свойственную каждому живому существу.

В медицинском смысле **ФОБИЯ** – это беспричинное продолжительное чувство страха, которое возникает как интенсивная реакция на воображаемый раздражитель, или неадекватная реакция на реальное, но не представляющее объективную опасность явление.

По происхождению лексема **ФОБИЯ** является греческой. В самом известном русско-греческом словаре И. Ф. Синайского указано более десятка слов, в морфемной структуре которых присутствует данный корень. Приведём в качестве иллюстративных примеров лишь некоторые: *φοβέρα* – угроза; *запугивание*; *φοβέρισμα* – угроза; *запугивание*; *φοβία* – мед. фобия; боязнь; *φόβος* – страх; боязнь; *испуг...* и т. д.⁵

В словаре иностранных слов Л. П. Крысина данная лексическая единица представлена дважды: в качестве само-

¹ Цит. по: Бек А. Т., Эмери Г. Тревожные расстройства и фобии. Когнитивный подход / пер. с англ. СПб.: Изд-во «Диалектика», 2020. С. 160. Далее – Бек А. Т., Эмери Г. Тревожные расстройства и фобии. Когнитивный подход.

² См.: Боязнь // Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 54.

³ См.: Страх // Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 687.

⁴ Сабурова О. Что такое страх: откуда берется и как от него избавиться [Электронный ресурс] // РБК: [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6242b31a9a794746d4d79053?from=copy> (дата обращения: 20.06.2025).

⁵ См.: Русско-греческий словарь / сост. Иваном Синайским; изд. 2-ое, испр. и доп. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1869. С. 49, 232, 619.

стоятельного слова и как составная часть сложных слов. Автор названного словаря описывает слово *фобия* таким образом: «ФОБИЯ, ж. [*< греч. phobos* страх]. *мед.* Навязчивое состояние страха, развивающееся при некоторых психозах»¹.

Отдельной словарной статьёй Л. П. Крысин даёт описание суффиксоида: «... ФОБИЯ [*< греч. phobos* страх]. Конечная составная часть сложных слов, обозначающая: «нетерпимость, неприязнь к чему-либо или боязнь чего-либо», напр.: ксенофобия (неприязнь ко всему иностранному), гидрофобия (боязнь воды)»².

Следовательно, обозначенный словарь Л. П. Крысина своим способом описания данной анализируемой лексемы указывает, во-первых, на отраслевую принадлежность слова (медицина) и, во-вторых, на словообразовательные потенции данного корня как суффиксоида.

Производные с суффиксоидом -ФОБИЯ

Известно, что важным условием исследования любого термина и терминологии в целом, является анализ морфемной структуры специальной лексической единицы, при проведении которого обязательно присутствует выделение суффиксов и изучение их семантики и функционирования. Суффиксы, наиболее яркие по семантике и имеющие большие словообразовательные потенции, выделяются практически в каждой отраслевой терминологии. Например, широкими возможностями обладают в медицинской терминологии суффиксы *-ОМ-А* (*аденома, миома*), *-ИТ-* (*ринит, синусит*); в лингвистической терминологии *-ЕМ-А* (*фонема, морфема*); в химической терминологии *-ИСТ-* (*водянистый, углеродистый*).

Как в общем языкознании, так и в терминоведении, отмечается то, что роль

суффикса могут играть корни или полные самостоятельные слова (*биология, психология, громopodobный*). Такие корни/слова получили своё определение и название – суффиксоиды. Лингвистами отмечается и то, что достаточно часто функции суффиксоидов выполняют терминологические элементы греко-латинского происхождения.

Важным для нашего исследования является следующее высказывание В. Ф. Новодрановой: «В терминологическом словосложении основополагающими единицами становятся терминологические элементы греческого происхождения» [10, с. 285].

Потенциальные деривационные возможности корня/слова ФОБИЯ, реализованные в лексике современного русского языка поражают своим количеством: в собранном нами языковом материале насчитывается более 300 лексем, в структуре которых присутствует названный корень. При этом следует указать на то, что нет такого лексикографического пособия, в котором можно было бы увидеть описание всех лексем с корнем ФОБИЯ. Так, в словаре А. А. Зализняка³ упоминаются 11 слов фобия: *агорафобия, англофобия, галлофобия, германофобия, антропофобия, гидрофобия, андрофобия, некрофобия, клаустрофобия, русофобия, фотофобия*. В толковых словарях русского языка само слово ФОБИЯ и его производные либо вовсе отсутствуют (по причине явного заимствованного характера), либо присутствуют в единичном виде.

При первичном анализе списка слов с компонентом ФОБИЯ прежде всего обнаруживают себя такие свойства анализируемых лексем, как актуальность, востребованность и частотность употребления, проявляющиеся у каждого слова в разной степени: отметим, что, например, термины *клаустрофобия* (боязнь замкнутого пространства) и *алкефобия*

¹ Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2018. С. 368.

² Там же.

³ Зализняк А. А. Обратный словарь русского языка. М.: Советская Энциклопедия, 1974. 944 с.

(боязнь оленей) различаются и востребованностью, и частотой употребления.

Греческий корень ФОБИЯ, имея, согласно лексикографическому описанию, значение «Фобия, фобии, ж. [греч. *phobos* страх] – это чувство страха при некоторых видах психоза»¹, чаще всего присутствует в медицинской терминологии. Но при этом необходимо подчеркнуть, что в традиционной отечественной медицине термин ФОБИЯ употребляется реже, чем его официальные медицинские синонимы «навязчивые состояния», «невроты навязчивых состояний», «обсессивно-компульсивное расстройство», являющиеся сложными по морфемной структуре составными терминами. Перечисленные термины используются для общего диагноза, а затем уже уточняется конкретное состояние или конкретная *фобия*, и отбирается конкретизирующий данную фобию термин: *канцерофобия* – патологический страх онкологических заболеваний; *кардиофобия* – патологический страх смерти от сердечного заболевания; *инфарктофобия* – страх заболеть инфарктом миокарда.

Невроты навязчивых состояний (навязчивых фобий) современной медициной изучены достаточно глубоко и разносторонне, охватывают многочисленные разнообразные ситуации, с которыми человек может столкнуться в жизни, если судить по тем сложным терминам, которыми они обозначены: от боязни заболеть различными заболеваниями (*сифилофобия*, *канцерофобия*, *инфарктофобия*, *кардиофобия*), страха высоты (*гипсофобия*), замкнутых пространств (*клаустрофобия*) и слишком открытых местностей (*агорафобия*) до боязни за своих близких и страха обратить на себя чьё-то внимание². Необходимо отметить, что все виды

фобий медики считают заболеваниями. И получается, что, поскольку каждый человек чего-то боится, испытывает страх, боязнь и в принципе способен на проявление подобной эмоции, то у каждого есть своя фобия, присутствующая в разной степени своего проявления.

В медицине (в психиатрии) выделяются даже такие фобии, как *авидсофобия* – боязнь превращения в птицу; *аддидерофобия* – боязнь дурной привычки; *аллиумофобия* – боязнь чеснока; *квититарефобия* – боязнь криков; *орхидофобия* – боязнь орхидей; *X-фобия* – боязнь буквы X и многие другие, которые человеку, не связанному с медициной, кажутся нелепыми.

В наше время – время цифровой техники – психиатрами выделяется даже такая фобия, как *номофобия* – боязнь остаться без смартфона. Ну и наконец, есть обобщающая все страхи фобия – *пантофобия* – боязнь всего. *Пантофобия* (также известна как *панфобия* или *панофобия*) – «устойчивая немотивированная боязнь всего или постоянный страх по неизвестной причине»³. На то, что данное понятие сравнительно недавно закрепились в медицинской терминологии, указывает наличие синонимов-дублетов, а точнее – графических вариантов: *пантофобия* – *панофобия* – *панфобия*.

Панофобия (син.: *пантофобия*, *панфобия*; от др.-греч. *πάν* – всё и др.-греч. *-φοβία, φόβος* – «страх») – боязнь всего, любых действий и событий, всяких изменений внутренней и внешней среды, сопровождающаяся беспокойством и дискомфортом⁴. Человек, страдающий от этой фобии, постоянно переживает, что произойдёт что-то негативное, и этот страх не покидает его. Постоянное бес-

¹ См.: Фобия // Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: «Аделант», 2012. С. 716.

² См.: Психические расстройства и феномены [Электронный ресурс] // Красота и Медицина: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RrNhd> (дата обращения: 20.06.2025).

³ См.: Панофобия [Электронный ресурс] // Центр психического здоровья «Лето»: [сайт]. URL: <https://leto.clinic/lechenie/fobii/panofobiya/> (дата обращения: 20.06.2025).

⁴ См.: Панофобия [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Панофобия> (дата обращения: 20.06.2025).

покойство мешает ему сосредоточиться на настоящем. Он живёт, оглядываясь на прошлое и размышляя о том, что с ним случилось. У людей с *панофобией*, как правило, хорошо развито воображение, и они способны представить себе события, которые в реальной жизни маловероятны. Они ищут подтверждения своим страхам и тревогам, признаки, оправдывающие их страх и тревогу. Панофобия может считаться скорее формой постоянной тревоги, нежели фобией в клиническом смысле¹.

Термин *panphobia* впервые был введён Теодюлем Рибо в работе «Психология эмоций» в 1911 г. Он определил его как «состояние, в котором пациент боится всего или ничего, где беспокойство, вместо того, чтобы быть приковано к одному объекту, плавает, как во сне, и только становится фиксированным на мгновение когда, переходя от одного объекта к другому, в зависимости от обстоятельств определяет источник опасности»². Эта фобия представлена в МКБ (Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем) в классе «Психические расстройства и расстройства поведения (F00-F99)»³. Там также присутствует генерализованное тревожное расстройство, основной чертой которого указывается тревога, носящая стойкий и генерализованный характер, но «не ограниченная какими-либо определёнными средовыми обстоятельствами и даже не возникающая с явной предпочтительностью в этих обстоятельствах (то есть она является «нефиксированной»)»⁴.

¹ См.: Панофобия [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Панофобия> (дата обращения: 20.06.2025).

² См.: Панофобия [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Панофобия> (дата обращения: 20.06.2025).

³ См.: Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) [Электронный ресурс]. URL: <https://mkb-10.com/> (дата обращения: 20.06.2025).

⁴ Популярная медицинская энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1968. С. 490-491; 781;

Для медиков любой вид *фобии* – это заболевание, которое надо лечить, а лечение должен проводить специалист. Для лечения созданы методики, среди которых такие, как: когнитивно-поведенческая терапия (помогает изменить негативные мыслительные паттерны и поведенческие реакции, связанные с фобией); экспозиционная терапия (заключается в постепенном и контролируемом столкновении пациента с объектом или ситуацией, вызывающей страх); релаксация, медитация, йога, гипнотерапия и т. п.⁵

Следует заметить, что в западноевропейской медицине явления, связанные со страхом и с фобиями, достаточно уверенно диагностируются и излечиваются. Так, в книге «Тревожные расстройства и фобии. Когнитивный подход», авторами которой являются профессора психиатрии Аарон Т. Бек и Гари Эмери и помогающая профессорам частнопрактикующий психолог Рут Л. Гринберг, собран обширнейший материал, связанный с историей изучения психиатрии, с описанием особенностей протекания, условий лечения и т. д. В книге приводятся такие цифры: в 1949 г. были известны 107 видов фобий, в 1964 г. – 194 вида фобий⁶. Аарон Т. Бек и Гари Эмери начинают раздел «Конкретные фобии» главы 7 «Простые фобии» такими словами: «Количество объектов или ситуаций, которых боятся страдающие фобиями люди, может быть неограниченным»⁷.

Иллюстративный материал нашего исследования насчитывает 325 лексем с элементом *фобия*, из которых 270 лексем можно считать медицинскими (психолого-неврологическими) терминами.

Вопрос о количестве лексических единиц с компонентом *ФОБИЯ* зависит от многих причин (исторических, социальных и т. д.), а решение его всегда будет

857; Домашняя медицинская энциклопедия / гл. ред. В. И. Покровский. М.: «Медицина», 1993. С. 258.

⁵ Там же.

⁶ Бек А. Т., Эмери Г. Тревожные расстройства и фобии. Когнитивный подход. С. 164–165.

⁷ Там же. С. 167.

субъективным, поскольку в одном лице аналитика нельзя совместить на равных условиях специалиста-медика, философа, лингвиста-классика, языковеда, лингвокультуролога.

Межотраслевые специальные лексемы с компонентом **ФОБИЯ**

Как показал анализ семантики слов с суффиксоидом **ФОБИЯ**, большая часть лексических единиц представлена терминами, именуемыми виды психического заболевания, требующего медицинского вмешательства по его предупреждению/развитию/исчезновению.

Явления, связанные с процессами расширения образовательного потенциала социума, привели к актуализации медицинских знаний в общественном мышлении. Результатом этих процессов явилось внедрение в общеупотребительный язык многих специальных медицинских терминов, которые, подвергшись процессу детерминологизации, либо полностью утратили профессиональную специализацию, либо её сохранили частично.

В собранном нами языковом материале имеются слова, вызывающие сомнения в том, что они являются названиями именно психических заболеваний: *американофобия, арабофобия, афрофобия, германофобия, исламофобия, ксенофобия, кавказофобия, мигрантофобия, русофобия*. Правильное понимание смыслового наполнения значений перечисленных лексем не вызывает трудностей: зная семантику элемента **ФОБИЯ** можно легко осознать, каким признаком вызван страх/боязнь. Позволим себе дать описание лишь нескольких лексем.

Афрофобия – предвзятое отношение или дискриминация по отношению к людям африканского происхождения. Также может означать неприязнь, нетерпимость, ненависть, презрение или боязнь в отношении лиц африканского происхождения¹.

¹ См.: Афрофобия [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RrRJ5> (20.06.2025).

Германофобия – предубеждение, ненависть или боязнь всего германского, а также негативное отношение к людям немецкого происхождения. В русском языке слово засвидетельствовано с 1860-х гг. и определялось тогда как «чрезмерный страх перед германским могуществом», которому в XX в. способствовала агрессивная политика Германской империи и Третьего рейха².

Русофобия – антироссийские/антирусские фобии, предвзято негативное, подозрительное, неприязненное, враждебное отношение к русскому народу, России, русской культуре, русскому языку, государственной политике России³... В более узком смысле – страх перед Россией или курсом российской внешней политики. Термин начали употреблять в 1830-х гг. в немецких изданиях. В России слово «руссофобия» использовал князь Пётр Вяземский в обзоре книги маркиза де Кюстина «Россия 1839 года». Русский дипломат и поэт Фёдор Тютчев применил термин в 1867 г., определив руссофобию как предвзятое, подозрительное, неприязненное отношение к русским и России со стороны Запада и некоторых эмигрантов⁴.

Синофобия (от лат. *Sinae* – «Китай» и др.-греч. *φόβος* – «страх») – неприязнь, предвзятое отношение, дискриминация, нетерпимость, ненависть и презрение к Китаю, китайцам и китайской культуре. Синофобия может означать *антикитайские настроения*⁵.

Описание семантики данных слов в лексикографических источниках (в том числе представленных в интернете) по-

² См.: Германофобия // Онлайн-гезаурус КАРТА СЛОВ. URL: <https://clck.ru/3RrRku> (дата обращения: 20.06.2025).

³ См.: Русофобия [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RrRnk> (дата обращения: 20.06.2025).

⁴ См.: Русофобия [Электронный ресурс] // РУВИКИ: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RrRPv> (дата обращения: 20.06.2025).

⁵ См.: Синофобия [Электронный ресурс] // Новый дипломатический словарь : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RrRGh> (дата обращения: 20.06.2025).

зволюет утверждать, что данные слова одновременно могут иметь медицинское значение (необходимо проконсультироваться с врачом или психологом, если *синофобия*, *ксенофобия*, *афрофобия* и подобные им могут вызвать приступы паники или паранойи) и одновременно – общеупотребительное, связанное с текстами политизированными, направленными на манипуляции с общественным сознанием.

А подобное существование/присутствии лексемы в разных функциональных сферах языка и есть консубстанциональность.

Следовательно, термины, подобные таким, как *американофобия*, *арабофобия*, *афрофобия* и проч., в настоящее время являются консубстанциональными. И консубстанциональность подобных лексем определяется прежде всего наличием корневой морфемы *ФОБИЯ*, выполняющей функцию суффикса.

Известно, что в современном терминоведении признаётся важная роль суффикса в процессе терминообразования и в семантике уже созданного термина. И здесь уместно привести слова терминоведца В. Ф. Новодрановой, давшей полное подробное описание терминоэлементов греко-латинского происхождения, что «наиболее яркой отличительной чертой суффиксов в терминологическом словообразовании является их семантика, т. е. передача с их помощью значений, необходимых для данной системы. В терминологической системе происходит при этом специализация значения суффикса, что является следствием закрепления за ним одного определенного значения» [10, с. 284].

Во всех сложных по морфемному составу слова, имеющих в качестве второго элемента морфему *-фобия*, основной смысловой компонент, присущий слову *ФОБИЯ*, – *страх, испуг, боязнь* – присутствует, сохраняется и охватывает содержание (семантику) всего слова.

Заключение

Проведённое исследование своими результатами подчёркивает то, что греко-латинский фонд не утратил свои способности к деривации новых языковых средств. Одним из компонентов греко-латинского фонда является слово *ФОБИЯ*, обладающее способностью выполнять терминообразовательные функции, результатом которых являются термины, чаще всего медицинского направления.

Но при этом продолжает существовать проблема семантического анализа дериватов с терминоэлементами греко-латинского происхождения, о которой ранее уже говорила В. Ф. Новодранова: «Широкое распространение моделей производных с интернациональными компонентами греко-латинского происхождения в различных терминологических системах, а также задачи терминологического нормирования, подразумевающего унификацию уже существующих терминов и создание новых, определяют настоятельную необходимость создания специальных словарей интернациональных греко-латинских терминоэлементов, которые служили бы «терминологическим ключом» к пониманию современной терминологии» [10, с. 277].

Представленное исследование и анализ собранного языкового материала обладают теоретической значимостью, т. к. дополняют имеющиеся в теории языка сведения о консубстанциональности и особенностях её проявления. Практическая ценность заключается в том, что полученные авторами результаты исследования могут быть использованы во многих лекционных курсах вузовской практики.

Но при этом следует заметить, что изучение теоретических проблем консубстанциональности, полноты проявления её в разных функциональных языковых сферах с указанием её особенностей, открывает широкие возможности научных исследований междисциплинарного характера. Проблемы консубстанциональ-

ности касаются не только общего языкознания, но и терминоведения, теории перевода, теории профессиональной межкультурной коммуникации.

Поскольку консубстанционально-стью охвачены не только исконные сред-

ства языка, но и приобретённые методом заимствования, данное явление (консубстанциональность) нуждается и в дальнейшем научном изучении с позиции коммуникативистики, как профессиональной, так и общенаучной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокина Э. А. Консубстанциональность как языковое явление // *Terminology Science in Russia today From the Past to the Future* / eds. L. A. Manerko, K.-D. Baumann, H. Kalverkämper. Berlin: Frank & Timme GmbH, 2014. S. 305–312.
2. Akhmanova O. S., Agapova G. N. *Terminology: theory and method*. Moscow: Moscow State University, 1974. 205 p.
3. Гвишиани Н. Б. *Язык научного общения: Вопросы методологии*; 2-е изд., испр. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 280 с.
4. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. *Терминоведение*; 3-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕНАНД. 2023. 500 с.
5. Лаврентьева Е. А., Сизова Ю. С. К вопросу о консубстанциональности слова «концепт» в русском и немецком языках // *Современное профессиональное образование*. 2024. № 1. С. 219–222.
6. Рычкова Л. В. Консубстанциональность терминов как проблема прикладной лингвистики // *Карповские научные чтения: сборник научных статей*. Вып. 6. Минск: Белорусский Дом Печати, 2012. Ч. 1. С. 55–59.
7. Николаева Н. С. Явление консубстанциональности в английском языке для специальных целей (на примере терминологии “welding”) // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 3-2 (54). С. 128–131. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-3-2-128-131.
8. Николаева Н. С. Явление консубстанциональности в терминологии (на примере терминологии «сварка») // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 1-2 (52). С. 15–19. DOI: 10.24411/2500-1000-2021-1072.
9. Хуан Шанлун. Понимание консубстанциональных лингвистических терминов носителями русского языка // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023 Т. 21. № 4 С. 37–57. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-4-37-57.
10. Новодранова В. Ф. *Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. Laterculi vocum Latinarum et terminorum*. М.: Языки славянских культур, 2008. 328 с. (Серия: *Studia philologica*).

REFERENCES

1. Sorokina, E. A. (2014). Consubstantiality as a linguistic phenomenon. In: Manerko, L. A., Baumann, K.-D. & Kalverkämper, H. (eds.). *Terminology Science in Russia today From the Past to the Future* / eds. Berlin: Frank & Timme GmbH, S. 305–312 (in Russ.).
2. Akhmanova, O. S. & Agapova, G. N. (1974). *Terminology: theory and method*. Moscow: Moscow State University publ.
3. Gvishiani, N. B. (2008). *Language of scientific communication: Issues of methodology*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
4. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A. & Molchanova, M. A. (2023). *Terminology*. Moscow: LENAND publ. (in Russ.).
5. Lavrentieva, E. A. & Sizova, Y. S. (2024). On the question of the consubstantiality of the word “concept” in Russian and German. In: *Modern professional education*, 1, 219–222 (in Russ.).
6. Rychkova, L. V. (2012). Consubstantiality of terms as a problem of applied linguistics. In: *Karpov scientific readings. Iss. 6 (1)*. Minsk: Belorusskiy Dom Pechati publ., pp. 55–59 (in Russ.).
7. Nikolaeva, N. S. (2021). The phenomenon of consubstantiality in ESP (based on the “welding” terminology). In: *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 3-2 (54), 128–131. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-3-2-128-131 (in Russ.).

8. Nikolaeva, N. S. (2021). The phenomenon of consubstantiality in terminology (on the basis of the “welding” terminology). In: *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 1-2 (52), 15–19. DOI: 10.24411/2500-1000-2021-1072 (in Russ.).
9. Huang Shanglong (2023). Understanding consubstantial linguistic terms by Russian native speakers. In: *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 21 (4), 37–57. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-4-37-57 (in Russ.).
10. Novodranova, V. F. (2008). *Nominal word formation in Latin and its reflection in terminology. Latereculi vocum Latinarum et terminorum*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur publ. (Series: Studia philologica) (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сорокина Эльвира Анатольевна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Государственного университета просвещения;
<https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>; e-mail: ellazor@mail.ru

Демина Ольга Вадимовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
<https://orcid.org/0000-0001-5844-928X>; e-mail: deptphilology@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elvira A. Sorokina (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of the English Philology, Federal State University of Education;
<https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>; e-mail: ellazor@mail.ru

Olga V. Demina (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
<https://orcid.org/0000-0001-5844-928X>; e-mail: deptphilology@gmail.com

Научная статья
УДК 811.133.1
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-6-80-91

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЫ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО ОНОМАСТИКЕ

Харитонов И. В.* , Разумова А. С.

*Московский педагогический государственный университет, г. Москва,
Российская федерация*

** Корреспондирующий автор, e-mail: iv.kharitonova@mpgu.su*

Поступила в редакцию 17.06.2025

После доработки 16.09.2025

Принята к публикации 18.09.2025

Аннотация

Цель. Статья посвящена исследованию синтаксических особенностей жанровой структуры научного текста. В работе рассматриваются синтаксические конструкции, служащие маркерами различных компонентов научного текста, таких как введение, методы, результаты, обсуждение и заключение.

Процедура и методы. Анализ проводится на материале научных статей трёх поджанров: редакционной статьи, авторской статьи и рецензии, взятых из французского периодического издания “Nouvelle revue d'onomastique”. Реализуется функционально-прагматический подход к идентификации синтаксических конструкций, маркирующих компоненты структуры научных текстов указанных поджанров.

Результаты исследования показывают, что редакционные, авторские статьи и рецензии имеют жёсткую синтаксически маркированную жанровую структуру, но различаются прагматической направленностью, выраженной в использовании авторами соответствующих синтаксических средств. Редакционная статья ориентирована на популяризацию научной информации, авторская статья демонстрирует оригинальные результаты исследований, а рецензия включает критико-аналитические элементы и публицистическую риторiku. Выявленные синтаксические маркеры подчёркивают специфику каждого жанра и их роль в организации научного дискурса.

Теоретическая и практическая значимость. В ходе исследования выявлены общие и специфические закономерности привлечения авторами исследованных научных статей синтаксических ресурсов французского языка для реализации прагматических целей, поставленных при подготовке научных текстов. Полученные результаты обладают новизной и вносят вклад в развитие прагматики синтаксиса на материале научных текстов лингвистической направленности. Теоретико-эмпирический материал может быть использован в курсах теоретической грамматики французского языка и методологии исследовательской деятельности.

Ключевые слова: жанровая структура, синтаксические маркеры, научный текст, редакционная статья, авторская статья, рецензия, ономастика, научно-публицистический стиль, научная аргументация

Для цитирования:

Харитоновна И. В., Разумова А. С. Синтаксические маркеры жанровой структуры франкоязычных научных текстов по ономастике // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 6. С. 80–91. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-80-91>

Original research article

SYNTACTIC MARKERS OF THE GENRE STRUCTURE OF FRENCH-LANGUAGE SCIENTIFIC TEXTS ON ONOMASTICS

I. Kharitonova*, A. Razumova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: iv.kharitonova@mpgu.su*

Received by the editorial office 17.06.2025

Revised by the author 16.09.2025

Accepted for publication 18.09.2025

Abstract

Aim. The article is devoted to the study of syntactic features of the genre structure of scientific texts. The paper examines syntactic constructions that serve as markers of various components of scientific texts, such as introduction, methods, results, discussion, and conclusion.

Methodology. The analysis is based on scientific articles of three subgenres: editorials, author's articles and reviews, taken from the French periodical "Nouvelle revue d'onomastique". A functional-pragmatic approach is employed to identify syntactic constructions that mark the structural components of scientific texts in these subgenres.

Results. The results of the study show that editorials, author's articles and reviews, have a rigid syntactically marked genre structure, but differ in their pragmatic orientation, which is also expressed in the authors' use of appropriate syntactic tools. The editorial article aims to popularize scientific information, the author's article presents original research results, and the review includes critical and analytical elements and journalistic rhetoric. The identified syntactic markers highlight the specificity of each genre and their role in organizing scientific discourse.

Research implications. The study revealed general and specific patterns in the use of syntactic resources of the French language by the authors of the studied scientific articles to achieve the pragmatic goals set in the preparation of scientific texts. The obtained results are novel and contribute to the development of syntax pragmatics using linguistically focused academic texts. Theoretical and empirical material can be used in courses of theoretical grammar of the French language and methodology of research activities.

Keywords: genre structure, syntactic markers, scientific text, editorial, author's article, review, onomastics, scientific and journalistic style, scientific argumentation

For citation:

Kharitonova, I. V. & Razumova, A. S. (2025). Syntactic markers of the genre structure of French-language scientific texts on onomastics. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 80–91. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-80-91>

Введение

Изучение синтаксических особенностей научного текста является одним из актуальных направлений современной отечественной и зарубежной лингвистики. В работах С. Г. Сорокиной [1], Е. В. Тереховой [2], С. Т. Нефедова [3], Т. И. Стексовой [4; 5], А. В. Николаевой [6], М. В. Дудиной [7] рассматриваются вопросы использования аргументативных и экспрессивных средств, функционирования рекуррентных, вопросительных, изъяснительных и экспликативных конструкций. В зарубежной науке ведущими специалистами в области изучения особенностей научных текстов с точки зрения лингвистики и дидактики являются: Дж. Свейлз [8], Ч. Базерман [9], К. Миллер [10], В. Бхатия [11], К. Хайленд [12]. Во французском языкознании важное место занимают труды Ф. Невё [13] и Ж.-М. Адама [14]. Все авторы исследуют проблемы жанрово-обусловленной стандартизированной структуры научного текста IMRaD (введение, методы, результаты и обсуждение)¹, маркированной при помощи синтаксических средств диалогичности. Лингвисты рассматривают пять основных логически связанных компонентов в составе научного текста, идентификация границ которых определяется, в частности, отбором специальных синтаксических конструкций (синтаксических маркеров жанровой структуры научного текста). К этим компонентам относятся: введение, методы, результаты, обсуждение, заключение. В современных французских источниках, освещающих вопросы методологии подготовки научных статей, в жанровую структуру включается и шестой элемент – благодарность² за

помощь и поддержку, оказанные автору в ходе его исследовательской деятельности.

Цель настоящей работы состоит в выявлении языковых единиц (слов, словосочетаний, оборотов речи, предложений), определяющих (маркирующих) границы компонентов жанровой структуры научного текста и выполняющих синтаксические и прагматические функции. Материалом для изучения служат научные тексты разных жанров: редакционная статья (Éditorial), авторская статья (Article scientifique original) и рецензия (Compte-rendu). Источником текстов выступает французское периодическое научное издание “Nouvelle revue d’onomastique”³. В ходе анализа используется жанровый подход, который в контексте настоящей работы трактуется как совокупность методов анализа и оценки синтаксических языковых средств, нацеленный на выявление и изучение особенного и закономерного в репрезентации компонентов структуры научных текстов, относящихся к указанным выше малым поджанрам.

Общая характеристика малых жанров научных текстов

Редакционные статьи, авторские статьи и рецензии относятся к малым жанрам научного текста, в отличие от монографий, диссертаций, словарей, которые характеризуются большим объёмом вербализованных данных.

Под *научной статьёй* в данной работе понимается «опубликованное в научном издании авторское произведение, описывающее результаты либо промежуточно-

¹ IMRaD как модель вербализации научных текстов малых жанров, являющаяся стандартной для зарубежных публикаций, начиная с начала 70-х годов XX века, впервые, по утверждению некоторых исследователей, была применена ещё в 1876 г. Луи Пастером при написании статьи “Études sur la bière”.

² См.: Qu’est-ce qu’un compte-rendu scientifique ?

[Электронный ресурс] // Scribbr: [сайт]. URL: [³ Nouvelle revue d’onomastique \[Электронный ресурс\] // Persée: \[сайт\]. URL: <https://www.persee.fr/collection/onoma> \(дата обращения: 15.05.2025\).](https://www.scribbr.fr/questions-frequentes/question-compte-rendu-scientifique/#:~:text=Un%20compte%2Drendu%20scientifique%20a,%2C%20ses%20principales%20conclusions%2C%20etc.(дата обращения: 15.05.2025). Далее: Qu’est-ce qu’un compte-rendu scientifique ? // Scribbr .</p>
</div>
<div data-bbox=)

го, либо законченного оригинального научного исследования (первичная научная статья), либо исследования, посвящённого рассмотрению ранее опубликованных научных статей, связанных общей темой (систематический обзор)¹.

Статьи, представленные в научных журналах, могут быть двух видов. Различают редакционные (Éditorial) и авторские (Article scientifique original) статьи. Особенность научной редакционной статьи состоит в том, что “Le plus souvent, l'éditorial est peut-être un commentaire ou une discussion sur un problème ou un thème scientifique abordé dans un ou plusieurs articles originaux parus dans le même numéro”² («Редакционная статья может представлять собой комментарий или обсуждение научной проблемы или темы, рассматриваемой в одной или нескольких оригинальных статьях, опубликованных в одном и том же номере»³). Редакционная статья – это статья, целью которой является обобщение редакционной коллегией или главным редактором сведений по актуальной научной проблеме и выражение собственной точки зрения.

Авторская научная статья, в отличие от редакционной, включает персональное мнение исследователя и полученные им в ходе изучения научной проблемы результаты. Публикация статьи в периодическом научном издании позволяет учёному “partager ses travaux et résultats avec ses pairs et d'autres experts dans son domaine”⁴ («поделиться своими разработками и результатами с коллегами и другими экс-

пертами в определённой области»). Во французском научном сообществе различают три вида авторских научных статей: 1) *l'article de recherche* – *исследовательская статья* (“présente les résultats originaux (a priori ou a posteriori) d'une recherche” – «представляет исходные результаты (априорные или апостериорные) поиска»); 2) *l'article de synthèse* – *обзорная статья* (“synthèse bibliographique présentant un état de l'art sur un problème ou un sujet donné” – «библиографический обзор современного состояния данной проблемы или темы»); 3) *la note de recherche* – *исследовательская записка* (“préliminaire à un article de recherche plus complet” – «предварительные результаты более полной исследовательской статьи»)⁵.

Научная рецензия рассматривается как текст, в котором представлены различные по жанру источники научного характера (“un compte-rendu scientifique (ou note de lecture)”). Содержательно – это описание, объяснение и комментирование научного произведения. Цель рецензии – “est de situer une étude scientifique: son contexte, son raisonnement, ses principales conclusions, etc.”⁶ («определить место научного исследования: его контекст, рассуждения и основные выводы»). Рецензируются обычно недавно вышедшие в свет научные тексты. Автор рецензии решает задачу понимания текста и его объяснения читателям⁷.

Жанровая структура научных статей и рецензий

Выделение структурных элементов научных текстов небольшого объёма опирается на концепцию IMRaD, речь о которой шла выше. Изучение научного текста, согласно этой модели, предполагает выявление синтаксических маркеров репрезентации Введения (Problématisation), Методов (Méthodologie), Результа-

¹ См.: Научная статья [Электронный ресурс] // Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) : [сайт]. URL: <https://www.spsl.nsc.ru/naukresursy-i-uslugi-gpntb-so-ran-dlya-nauki-i-biznesae-i-biznesu/nauchnaya-statya/> (дата обращения: 15.05.2025).

² См.: Editorials and Commentary articles // Scandinavian Journal of Social Medicine. 1996. Vol. 24. No. 1. P. 1.

³ Здесь и далее перевод авторов статьи – И. Х., А. Р.

⁴ См.: Qu'est-ce qu'un article scientifique ? // Scribbr.

⁵ См.: Qu'est-ce qu'un article scientifique ? // Scribbr.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

тов (Résultats), Обсуждения (Interpétation) и Заключение (Conclusion), а также благодарности (Remerciements). Особого внимания при исследовании текстов научных статей заслуживают и Ссылки (Références) на авторов и источники, подтверждающие наличие методологической базы и достоверность полученных результатов.

Материалом исследования послужили: 1) редакционная статья Ж. Шорана; 2) авторская статья Э. Негра “*Toronymie du buis en France*”; 3) рецензия М. Бодо “*Christian Baylonet Paul Fabre. Les noms de lieux et de personnes*”. Данные материалы были опубликованы в 1983 г. в журнале “*Nouvelle revue d’onomastique*” (№1)¹.

Редакционная статья Ж. Шорана² может быть отнесена к научно-публицистическому поджанру. В статье поднимаются вопросы, связанные с возрождением данного издания после длительного перерыва. Структура статьи характеризуется наличием таких компонентов, как введение, методы, результаты, обсуждение, заключение, благодарность.

Во *Введении* анонсируется возрождение идеи периодического научного издания по ономастике и упоминается предшествующий журнал “*Revue Internationale d’Onomastique*” и его редактор Мадам д’Артре (Madame d’Artrey)³, что подчёркивает преемственность “*Nouvelle revue d’onomastique*” и важность исторического контекста возобновления публикационной деятельности. Синтаксическим маркером Введения выступает восклицательное повествовательное предложение “*Nous avons une revue d’Onomastique!*”, которое не только вер-

бализует проблематику статьи, но и передаёт эмоционально-позитивное отношение автора статьи к событию. Поскольку введение обычно характеризуется объективностью выдвигаемых положений, формальным маркером объективности является в данном тексте пассивная конструкция “*La nouvelle doit être proclamée et célébrée*”.

Особенность раздела *Методы* состоит в том, что речь идёт не о средствах научного поиска, которые используются в самой статье, а о научных подходах, которые редакционная коллегия будет приветствовать и поддерживать. В этой связи синтаксическим маркером этого раздела статьи Ж. Шорана выступает ссылка на работы известных лингвистов “*Longnon et Dauzat: j’associe volontiers ces deux noms ...*”; она подчёркивает важность исторического анализа источников и диалектологии как основных подходов к изучению ономастики. Компактное описание методов достигается при помощи именных групп “*les exigences méthodiques qu’impose la lecture des sources écrites*” и имён собственных (см. выше). Сложные предложения с логическими коннекторами, выполняющими функцию противопоставления (“*alors que*”, “*pourtant*”), помогают привлечь внимание читателя к вопросу о положении ономастики во Франции в сравнении с другими странами “*Alors que dans d’autres pays l’Onomastique est reconnue, elle semblait en France condamnée ...*”.

Результаты представлены в виде описания содержания первого номера нового издания и формулирования его целей: “*Le contenu du premier numéro donne une idée ...*”. Автор раскрывает специфическую тематическую направленность будущих опубликованных работ “*France d’oc et d’oïl, ainsi que sur les langues qui sont parlées dans le territoire national*”. В данном разделе отражается предполагаемая структура журнала, который будет включать как научные методологически значимые статьи, так и рецензии.

¹ См.: Nouvelle revue d’onomastique, n°1, 1983 [Электронный ресурс] // Persée : [сайт]. URL: https://www.persee.fr/issue/onoma_0755-7752_1983_num_1_1 (дата обращения: 12.05.2025).

² Chaurand J. Éditorial // Nouvelle revue d’onomastique. 1983. No. 1. P. 3.

³ Mme Ronteix d’Artrey – дочь J. L. L. d’Artrey (псевдоним Жан-Луи Ратье), основателя издательского дома, одним из направлений деятельности которого являлась публикация работ по лингвистике.

В качестве синтаксического маркера *Заключения* можно рассматривать высказывание редактора от первого лица единственного числа с использованием сказуемого, выраженного модальным глаголом в отрицательной форме и условном наклонении “Je ne voudrais pas terminer sans faire une remarque”. Субъективность нарастает к концу *Заклучения*: редактор вновь использует высказывание от первого лица “Je souhaite qu'elle trouve bon accueil ...”, выражая стремление к единению с читателями, надежду на их поддержку и вклад в улучшение качества материалов журнала. Идея «совместных усилий» передаётся взаимовозвратной конструкцией с использованием форм первого лица множественного числа и усиливается за счёт использования неопределённого местоимения “tous” со значением всеобщности “...nous nous aidions tous à faire de mieux en mieux”. В *Заклучении*, таким образом, представлены синтаксические маркеры начала и конца раздела.

Благодарность интегрирована в текст и встречается в разных структурных частях. В разделе *методы* синтаксическим маркером включенной благодарности является риторический вопрос “Mais à quoi bon revenir sur un passé qui nous afflige, quand nous avons sous les yeux les prémices d'une résurrection?”. Признательность выражается лексикографу Жаку Астору: “De cette résurrection, M. Astor est l'un des artisans”¹. Автор интегрирует слова благодарности и в *Заклучение*. Адресатом выступает “Société française d'Onomastique”, обеспечившее продвижение обновлённого издания и предоставление научной базы для него: “La Société française d'Onomastique a tenu bon ...”. Лексико-синтаксическим маркером уважения к учёным, деятельность которых повлияла на становление научного престижа издания,

¹ Ж. Астор (Jacques Astor) – автор издания “Dictionnaire des noms de famille et noms de lieux du midi de la France” (s.l., Le Belfroi, 2002), имеющего большое значение для французской ономастики.

является использование полной формы вежливости “Madame» и сокращённой “M.”² (Madame d'Artrey, M. Astor).

Анализ синтаксических структур, используемых автором в различных разделах текста редакционной статьи, показывает наличие ключевых паттернов, которые создают прагматическую направленность жанровой структуры. Например, пассивные конструкции придают тексту объективность и нейтральность. Именные группы, например, “les exigences méthodiques (qu'impose la lecture) des sources écrites”, обеспечивают компактность изложения и ясность мысли. Сложные предложения с логическими коннекторами, выполняющими функцию противопоставления (mais, en dépit de, pourtant), помогают привлечь внимание читателя к значимости ономастики для французской лингвистики.

Прагматико-синтаксические маркеры текста служат цели организации дискурса и взаимодействия с читателем. Фраза “Mais à quoi bon revenir sur un passé qui nous afflige ...” плавно переключает внимание читателя на позитивные перспективы издания, тогда как “Le contenu du premier numéro donne une idée ...” вводит примеры, иллюстрирующие цели журнала. Авторская позиция выражается через личные обращения от первого лица либо множественного (“Nous lui savons profondément gré ...”), либо единственного числа (“Je souhaite qu'elle trouve bon accueil ...”). Использование формы множественного числа позволяет объективировать суждения редактора, а форма единственного числа субъективизирует текст и придаёт ему эмоциональную окраску.

Актуальное членение текста демонстрирует чёткое разделение темы и ремы, как в предложении “Longnon et Dauzat: j'associe volontiers ces deux noms ...”, где тема выделяет имена исследователей, а рема объясняет их вклад в ономастику. Ссылки на авторитеты (Огюст Лоннон

² Monsieur.

(Longnon) и Альберт Дозат (Dauzat)) обогащают полифонию текста, легитимируют аргументы автора и подчёркивают уважение к предшественнице – Мадам д'Артре (Madame d'Artrey, издателю журнала "Revue Internationale d'Onomastique").

Заслуживают внимания и особенности синтаксиса статьи, обусловленные наличием элементов публицистического стиля. Использование риторических вопросов, например, "Mais à quoi bon revenir sur un passé qui nous afflige?", открывает перспективы на будущее и создаёт интригу. Обращение к редколлегии издания и читателям при помощи фразы "vous aidions tous" выступает призывом к единству автора, редколлегии и читателей.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Редакционная статья Ж. Шорана представляет собой образец научного текста с элементами публицистического стиля, что подтверждается использованием синтаксических маркеров жанровой структуры, свойственных и научному, и публицистическому стилям: научная аргументация сочетается с публицистической риторикой.

2. Синтаксические маркеры жанровой структуры исследованного научного текста служат средством достижения прагматических целей – продвижения периодического научного издания и мобилизации поддержки среди читателей.

Авторская статья Эрнеста Негра "Топонимie du buis en France"¹. В данной статье представлена *адаптированная* традиционная жанровая структура, отражающая историко-лингвистическую направленность исследования. Её специфика обусловлена стремлением автора более наглядно представить языковой материал в максимально возможном объёме. Вместе с тем оригинальная жанровая структура статьи позволяет орга-

низовать информацию логически и обеспечивает связанность текста как целого.

Введение, небольшое по объёму (всего 3 строки), выполняет важную функцию – обозначает исследовательскую проблему, связанную с отсутствием у растений семейства *buxus*, (буксус) галльских названий. Автор определяет границы исследования, избегает в размышлениях «рыхлого текста» и переходит к сути вопроса. Введение начинается с утверждения "Nous ne connaissons pas de nom gaulois du buis ..." («Мы не знаем галльского названия самшита»), что сразу привлекает внимание читателя к ключевому исследовательскому вопросу. Использование отрицательной формы глагола в составе сказуемого позволяет указать на «исследовательский пробел» в существующей системе знаний о предмете изучения. В коротком Введении не явно, имплицитно обозначаются и методы исследования: "tous les noms de lieux de la France romane issus de cet arbuste sont romans, créés soit à l'époque romane avant le Xe siècle, soit depuis le Xe siècle dans les langues et dialectes modernes". Упоминание эпохи указывает на использование методов исторического языкознания, а характеристика языков – на применение методов диалектологии. Примечательно, что такая смысловая «насыщенность» достигается при помощи простого предложения, осложнённого причастным оборотом и однородными обстоятельствами времени.

Основная часть статьи (*Результаты и обсуждение*) имеет жанровое структурное сходство со словарной статьёй как разновидностью научного текста. Исследуемые языковые единицы (ботанические термины) представляются в виде подзаголовка, выставленного по левому краю. Используется написание с маленькой буквы (как в словарной статье) и курсив для лексемы, например *buxus simple*.

Особенностью жанровой структуры статьи является отсутствие строгой последовательности разделов *Методы* и *Результаты*.

¹ Nègre E. Toponymie du buis en France // Nouvelle revue d'onomastique. 1983. No. 1. P. 5–10.

Методология, которая уже была представлена имплицитно во Введении, уточняется в основном тексте, из которого становится ясно, что автор применял методы исторической диалектологии. Синтаксически они маркируются следующим образом:

- в начале абзаца подлежащее указывает на этимологический ракурс исследования (*Le latin buxus «buis» s'est figé à l'époque ... – курсив наш, И. Х., А. Р.*);

- в начале абзаца обособленное обстоятельство (характерно для статьи этимологического словаря) демонстрирует историко-диалектическую направленность работы (*Dans les dialectes d'oïl lat., En pays d'oïl, En pays franco-provançal, En pays occ., En catalan, En corse*);

- в виде наименований, принятых в лексикографии (используются сокращения: *lat., En pays occ.*).

В этой связи функция методологического компонента структуры статьи может рассматриваться как описание автором подходов к анализу топонимов.

Результаты изложены в виде лексикографического описания (словарной статьи) на основе систематизации топонимов по языковым моделям. Автор использует перечисление форм в хронологической последовательности, что придаёт полученным результатам научную строгость. Примером может служить следующая синтаксическая конструкция: “*Buxières, com. Chambley, Moselle, Buczarias, 745 (VTF 592) ...*”.

Обсуждение имеет целью объяснить закономерности и случайности, выявленные в процессе исследования. Как закономерное явление рассматривается влияние диалектов: например, переход *buxus* в *boiis* в окситанском диалекте французского языка. Как случайность оценивается ошибочная латинизация таких форм, как *-iaco* вместо *-etum*. Автором приводится пример: “*La finale -y des Boissy, Buss y paraît l'aboutissant*» normal «*de -etum précédé d'un -x- traité comme -sc- ...*” Эти синтаксически маркированные особен-

ности имплицитно подчёркивают глубину анализа, проведённого учёным.

Заключение в данной статье представлено неявно. Автор решает задачу подвести итоги вне отдельного раздела и интегрировать выводы в описание результатов (например, выводы о роли диалектов и ошибочной латинизации).

Важную роль в подтверждении *достоверности* исследования играют ссылки на источники. Автор использует следующие синтаксические средства:

- прямые цитаты из источников: указание древних форм топонимов с датами («*Boux sous Salmaise, Côte-d'Or, Buxus, 886 (VTF 565)*»); ссылки на словари и корпуса («*FEW, I, 666a*»);

- косвенные упоминания источников: обобщение данных из работ других учёных (“*Comme le note Dauzat (DR), la finale -au...*”);

- критика / уточнение: исправление ошибок в исторических документах (“*Les finales -iaco sont des latinisations erronées de-etum*”).

Функции ссылок состоят в подтверждении авторитетности и точности излагаемых положений. Так, например, авторитетность достигается через ссылки на общепризнанные источники (“*Selon le FEW (I, 666a), le terme boissale ...*”). Точность обеспечивается указанием источников и дат лексикографической регистрации каждого топонима (“*Buxetum, 1053 (DR)*”), что предоставляет читателю возможность при необходимости проверить данные.

Проведённый анализ показывает, что структура статьи Э. Негра включает в целом стандартные элементы жанровой структуры, но при этом адаптирована к специфике его исследования. Это делает её целостной и логически связанной. Статья представляет собой пример структурированного научного текста, в котором каждый элемент имплицитно выполняет определённую функцию, несмотря на отсутствие явных разделов. Это позволяет читателю легко следовать за ходом мысли

автора в соответствии с последовательностью излагаемого материала. Интеграция в текст ссылок на источники придаёт статье академическую строгость, подтверждает авторитетность теоретической основы и достоверность результатов.

Структура работы в сочетании с корректным цитированием служит цели ответить на поставленный в самом начале исследовательский вопрос: эволюция топонимов является отражением языковых изменений, происходивших в романский период. В связи с этим, Э. Негр в своём исследовании не только демонстрирует тщательный анализ языковых трансформаций, но и подчёркивает их значимость для понимания культурных и исторических контекстов. Его подход показывает, что синтаксические средства научного текста могут представлять его жанровую структуру имплицитно, если автор ставит цель привлечь внимание коллег к материалу и результатам проведённой исследовательской работы.

В рецензии Марсея Бодо, которая называется “Christian Baylonet Paul Fabre. Les noms de lieux et de personnes, 1982 [compte-rendu]”¹, представлен анализ текста учебника по ономастике, что отражено в синтаксисе названия рецензии, которое включает частичное библиографическое описание рецензируемой работы. Поскольку рецензия относится к жанру научной критики, постольку автором используются синтаксические средства, свойственные критико-аналитическому поджанру. Структура текста соответствует модели IMRaD и включает следующие компоненты: введение, методы, результаты, обсуждение, заключение. В рецензии также представлен такой элемент, как Благодарность.

Введение начинается с представления учебника (“La toponymie de la France”) и его авторов Кристиана Байлона (Christian Baylon) и Поля Фабра (Paul Fabre). Нача-

ло этой структурной части отмечено высказыванием, которое характеризуется особым порядком слов в простом предложении с двумя обособленными обстоятельствами “Dans la collection Nathan-Université ...” и “... après un manuel de grammaire de la langue française et une initiation à la linguistique ...”, между которыми расположено подлежащее “les professeurs Baylon et Fabre”. Сказуемое “dressent”, в группу которого входит дополнение “un tableau de l’onomastique de la France”, завершает фразу. Задача представления книги и определения её места среди аналогичных изданий решается при помощи построения достаточно объёмного сложносочинённого предложения с подчинением, которое позволяет не только перечислить названия предшествующих изданий, их авторов и годы выпуска, но и отметить особенности *метода*, используемого К. Бейлоном и П. Фабром при создании учебника.

Обращает на себя внимание тот факт, что *Методы* и *Результаты* представлены в одном разделе-абзаце. *Методическая* часть рецензии отражает не приёмы, используемые при анализе издания, а методы, которые применялись авторами рецензируемого М. Бодо учебника. В этом состоит особенность рецензии как научного поджанра. В разделе описаны проблемы, которые поднимаются в учебнике, а также отмечается их актуальность: “une présentation de la problématique actuelle ...”. Примечательно использование оценочных конструкций, например, с придаточным уступки: “... s’il n’a pas l’ampleur de <...> présente des innovations particulièrement heureuses ...”. Для демонстрации достоинств работы используются выделительные, или репрезентативные обороты: “C’est d’abord une excellente préface ...” и “... c’est là une initiative tout à fait bénéfique”.

Результаты вводятся при помощи суждения “Les problèmes du substrat et de superstrat sont développés ...”. Для описания структурной организации учебника

¹ Baudot M. Christian Baylon et Paul Fabre. Les noms de lieux et de personnes // Nouvelle revue d’onomastique. 1983. No. 1. P. 63.

используются синтаксические маркеры последовательности: “... dans le chapitre traitant ...”, “Dans une troisième partie ...”, “A la suite de tous les chapitres ...”.

В *Обсуждении* осуществляется критика слабых мест учебника и определяется вклад других учёных в ономастику. Используются неопределённо-личные и безличные конструкции “on ne doit pas oublier le rôle exceptionnel ...”, “Parmi les savants qui ont le plus contribué <...> il est juste de faire une place ...”, “il demeure que les travaux des pionniers ...”, “il y a lieu aussi de faire mention de ...” с целью повышения объективности суждений. Вместе с тем присутствуют маркеры субъективности: “... il est évident ...”, “Méfions-nous des ...”, “... sans doute ...” – и оценочности в характеристике отдельных научных исследований и их результатов: “les travaux <...> sont éclairants”, “... dont l’investigation est encore incertaine ...”, “... les observations <...> sont suffisamment nuancées ...”.

Заключение содержит итоговую положительную оценку рецензируемой работы “Louons encore les auteurs ...” и перечисление недостатков, которые следует учесть при переиздании учебника. Рекомендации сформулированы в виде риторического вопроса с безличной конструкцией в отрицательной форме: “Ne serait-il pas opportun également d’ajouter ...”.

Анализ синтаксических маркеров жанровой структуры показывает, во-первых, что они выполняют прагматическую функцию – служат для организации пространства текста (переход к обсуждению “Parmi les savants ...”), выражения авторской позиции (критика: “un regret facile à éliminer”; похвала “initiative tout à fait bénéfique”), взаимодействия с читателем (призыв к осторожности: “Méfions-nous des « faux-amis »”). Во-вторых, имеет место отклонение от жёсткой жанровой структуры рецензии: представлены публицистические элементы (риторический вопрос используется для вовлечения читателя), включаются конструкции с оценочной лексикой “l’hydronymie si

heureusement abordée”, “les défenseurs trop intégristes de thèse”.

Таким образом, текст рецензии демонстрирует академическую строгость (ссылки на источники, специальная терминология) в сочетании с элементами публицистики (оценочность, риторические фигуры). Синтаксис рецензии выполняет следующие задачи: убедить читателя в значимости рецензируемого учебника, тактично указать на его недостатки и при этом вписать работу в историю французской ономастики. Выявленные отклонения от эталона структуры научного текста демонстрируют его гибридный характер и подтверждают его специфику как критико-аналитического поджанра, где рецензент выступает в качестве представителя научного сообщества.

Заклучение

Проведённый анализ научных статей позволяет сформулировать следующие результаты.

Редакционная и авторская статьи, а также рецензия, относящиеся к малым жанрам научного текста, анонсируют научную проблематику (Éditorial), представляют оригинальные результаты исследований (Article scientifique original), способствуют обмену знаниями между учёными (Compte-rendu).

Редакционная статья Ж. Шорана является примером научно-публицистического текста, в котором синтаксические маркеры жанровой структуры объединяют научную аргументацию и публицистическую риторику для достижения прагматических целей, таких как продвижение научного издания и привлечение поддержки читателей.

Авторская статья Э. Негра “Toponymie du buis en France” представляет собой исследование, в котором адаптированная к историко-лингвистической направленности жанровая структура сочетается с логической организацией и насыщенностью языковым материалом. Это позволяет представить глубокий анализ

языковых единиц, выявить на основе методов исторической диалектологии закономерности и случайности в их лексикализации и терминологизации.

Рецензия М. Бодо выделяется своей критико-аналитической структурой, которая основана на использовании соответствующих синтаксических средств организации текста, выражения авторской позиции и вовлечения читателя. Рецензия демонстрирует отклонения от традиционной жанровой структуры за счёт включения публицистических элементов и оценочной лексики, что является проявлением гибридизации, используемой автором.

Выявленные особенности научных статей трёх поджанров показывают наличие *общего и специфического*. В качестве общего выступает приверженность стандартной (IMRaD) синтаксически маркированной структурной организации, которая реализуется по-разному в

зависимости от прагматической направленности текста (используются приёмы адаптации и гибридизации). Редакционную статью и рецензию объединяет установка автора на популяризацию научной информации и наличие синтаксических структур, предназначенных для привлечения внимания читателя и пробуждения его интереса к научной проблеме. Авторская научная статья характеризуется стремлением продемонстрировать конкретные научные результаты, полученные автором лично, что находит отражение в использовании соответствующих синтаксических приёмов.

Очевидно, что изучение закономерностей языковой репрезентации жанровой структуры научных статей на уровне синтаксиса требует привлечения методов когнитивного и прагматического анализа, что составляет перспективу дальнейших исследований в области проблематики, обозначенной в данной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокина С. Г. Особенности аргументативной структуры научного текста // Приволжский научный вестник. 2013. № 3 (19). С. 82–88.
2. Терехова Е. В. Рекуррентные конструкции и их роль в композиции научных текстов // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 140–149.
3. Нефедов С. Т. Функциональный потенциал вопросительных структур в научных лингвистических текстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 4. С. 65–74.
4. Стеклова Т. И. Изъяснительные конструкции в научном дискурсе: жанровые предпочтения // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 278–286. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286.
5. Стеклова Т. И. Типы автора научного текста сквозь призму изъяснительной конструкции // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 1. С. 7–21. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(1).7-21.
6. Николаева А. В. Синтаксические средства выражения экспрессивности в научном тексте // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96. № 1. С. 113–118. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-96-1-113-118.
7. Дудина М. В. Описание структуры экспликативов в научном тексте // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34. № 6. С. 1423–1430. DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-6-1423-1430.
8. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. 261 p.
9. Bazerman Ch. Shaping Written Knowledge: The Genre and Activity of the Experimental Article in Science. Madison: University of Wisconsin Press, 1988. 356 p.
10. Miller C. R. Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. 1984. No. 70 (2). P. 151–167. DOI: 10.1080/00335638409383686.
11. Bhatia V. Worlds of Written Discourse. London; New York: Continuum, 2004. 228 p.
12. Hyland K. Disciplinary interactions: Metadiscourse in L2 postgraduate writing // Journal of Second Language Writing. 2004. Vol. 13. Iss. 2. P. 133–151. DOI: 10.1016/j.jslw.2004.02.001.

13. Neveu F. Singularités langagières du discours scientifique: l'exemple du discours linguistique // *Pratiques: linguistique, littérature, didactique*. 2007. No. 135/136. P. 101–118.
14. Adam J.-M. *La linguistique textuelle: Introduction à l'analyse textuelle des discours*. Paris: Armand Colin, 2011. 128 p.

REFERENCES

1. Sorokina, S. G. (2013). Argumentative structure of academic text. In: *Privolzhsky Scientific Bulletin*, 3 (19), 82–88 (in Russ.).
2. Terekhova, Ye. V. (2015). Recurrent constructions and their role in scientific texts composition. In: *Scientific Dialogue*, 12 (48), 140–149 (in Russ.).
3. Nefedov, S. T. (2015). On functional potential of interrogative structures in academic linguistic discourse. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 4, 65–74 (in Russ.).
4. Steksova, T. I. (2020). Object Clauses in Academic Discourse: Genre Preferences. In: *Speech Genres*, 4 (28), 278–286. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286 (in Russ.).
5. Steksova, T. I. (2021). Language personality of the author of scientific text through the prism of explanatory structure. In: *Communication Studies (Russia)*, 8 (1), 7–21. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(1).7-21 (in Russ.).
6. Nikolaeva, A. V. (2023). Syntactical expressive means in a scientific text. In: *The Humanities and Social Sciences*, 96 (1), 113–118. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-96-1-113-118 (in Russ.).
7. Dudina, M. V. (2024). Description of explicatives structure in a scientific text. In: *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 34 (6), 1423–1430. DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-6-1423-1430 (in Russ.).
8. Swales, J. (1990). *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
9. Bazerman, Ch. (1988). *Shaping Written Knowledge: The Genre and Activity of the Experimental Article in Science*. Madison: University of Wisconsin Press.
10. Miller, C. R. (1984). Genre as Social Action. In: *Quarterly Journal of Speech*, 70 (2), 151–167. DOI: 10.1080/00335638409383686.
11. Bhatia, V. (2004). *Worlds of Written Discourse*. London; New York: Continuum.
12. Hyland, K. (2004). Disciplinary interactions: Metadiscourse in L2 postgraduate writing. In: *Journal of Second Language Writing*, 13 (2), 133–151. DOI: 10.1016/j.jslw.2004.02.001.
13. Neveu, F. (2007). Singularités langagières du discours scientifique: l'exemple du discours linguistique. In: *Pratiques: linguistique, littérature, didactique*, 135/136, 101–118.
14. Adam, J.-M. (2011). *La linguistique textuelle: Introduction à l'analyse textuelle des discours*. Paris: Armand Colin.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Харитоновна Ирина Викторовна (г. Москва) – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков им. В.Г. Гака Московского педагогического государственного университета;
<https://orcid.org/0009-0004-4226-2073>; e-mail: iv.kharitonova@mpgu.su

Разумова Анна Сергеевна (г. Москва) – аспирант кафедры романских языков им. В.Г. Гака Московского педагогического государственного университета;
<https://orcid.org/0009-0007-5743-217X>; e-mail: annarazumova99@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Kharitonova (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Romance Languages name after V. G. Gak, Moscow Pedagogical State University;
<https://orcid.org/0009-0004-4226-2073>; e-mail: iv.kharitonova@mpgu.su

Anna S. Razumova (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Romance Languages name after V. G. Gak, Moscow Pedagogical State University;
<https://orcid.org/0009-0007-5743-217X>; e-mail: annarazumova99@yandex.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 811.111'374

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-6-92-112

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ И ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ СЛОВАРИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Григорьева Е. М.

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация

e-mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Поступила в редакцию 02.06.2025

После доработки 18.09.2025

Принята к публикации 02.10.2025

Аннотация

Цель: исследование тенденций, наблюдаемых в области создания иллюстрированных и иллюстративных словарей в современной английской лексикографии.

Процедура и методы. Изучены теоретические работы по учебной лексикографии, графическим иллюстрациям в словарях, иллюстрированным и иллюстративным справочникам. Рассмотрены категории иллюстративных и иллюстрированных словарей. Проведён лексикографический анализ ряда справочников.

Результаты. Доказана важность включения графических изображений в микроструктуру словарей. Обоснована актуальность создания иллюстрированных и иллюстративных справочников, среди которых терминологические издания различных предметных областей, словари отдельных слоёв лексики, справочники, посвящённые кинофраншизам и др.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в раскрытии потенциала использования иллюстрированных и иллюстративных словарей для решения пользовательских целей, среди которых обучение, осуществление перевода, получение новых знаний.

Ключевые слова: графическое изображение, иллюстративный словарь, иллюстрированный словарь, макроструктура, мегаструктура, микроструктура, помета

Для цитирования:

Григорьева Е. М. Иллюстрированные и иллюстративные словари в современной английской лексикографии // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 6. С. 92–112. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-92-112>

Original research article

ILLUSTRATED AND PICTURE DICTIONARIES IN MODERN ENGLISH LEXICOGRAPHY

E. Grigoryeva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

e-mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Received by the editorial office 02.06.2025

Revised by the author 18.09.2025

Accepted for publication 02.10.2025

Abstract

Aim. The purpose of this research is the study of the tendencies observed in the field of creation of illustrated and picture dictionaries in modern English lexicography.

Methodology. Theoretical works devoted to the problems of educational lexicography, graphic illustrations in dictionaries, illustrated and picture dictionaries have been studied. Various types of illustrated and picture reference works have been taken into account. The lexicographic analysis of several dictionaries has been carried out.

Results. The importance of including graphic images in the microstructure of dictionaries is proven. The relevance of creating illustrated and picture reference books is substantiated, among which one can single out terminological dictionaries of various subject fields, dictionaries of different vocabulary layers, reference works devoted to popular film franchises, etc.

Research implications. The theoretical and practical significance of the study lies in identifying the potential of using illustrated and visual dictionaries to solve user problems, including learning, translation, and acquisition of new knowledge.

Keywords: graphic image, picture dictionary, illustrated dictionary, macrostructure, megastructure, microstructure, label

For citation:

Grigoryeva, E. M. (2025). Illustrated and picture dictionaries in modern English lexicography. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 92–112. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-92-112>

Введение

В настоящее время наблюдаются определённые изменения в лексикографической парадигме. Наряду с печатными изданиями появляются словари, представленные в онлайн-формате, мобильные словарные приложения, а также издания в формате электронной книги. Традиционно отдельное место отводится учебной лексикографии и учебным словарям, используемым в процессе изучения иностранных языков. Исследованию учебной лексикографии посвящены работы многих учёных, в том числе Р. Хойбергера [1], Дж. Миллер [2], П. Н. Де-

нисова [3] и др. Адресатом подобных справочников могут быть представители различных возрастных групп, начиная от маленьких детей до взрослого населения. Эти словари используются на различных ступенях освоения иностранных языков. Как правило, такие издания отличаются набором входных единиц, определяемый исходя из следующих параметров: возраст и уровень владения языком, доступный язык толкований, наличие иллюстративных примеров, включение в микроструктуру базового набора помет (грамматические, произносительные, стилистические и др.). Кроме того, существуют словари,

в которых одним из ключевых элементов микроструктуры являются графические изображения. Изучению подобных изображений посвящены исследования А. Дзимианко [4]. В лексикографии словари, микроструктура которых содержит графическую иллюстрацию, получают наименование иллюстрированные и иллюстративные справочники. Изучению таких изданий посвящено диссертационное исследование О. А. Германовой «Иллюстрированные и иллюстративные словари: формирование, развитие и современное состояние» [5].

Цель данного исследования заключается в том, чтобы провести анализ особенностей, прослеживаемых в рамках создания современных английских иллюстрированных и иллюстративных словарей. Для достижения поставленной цели в работе решается ряд **задач**: 1) рассмотреть основные теоретические аспекты по исследуемой проблематике, среди которых учебная лексикография и признаки учебных словарей; роль визуализации в учебном процессе; иллюстративные и иллюстрированные словари и их разграничение; 2) выделить различные типы иллюстрированных и иллюстративных словарей в современной лексикографии; 3) провести лексикографический анализ ряда иллюстрированных и иллюстративных словарей.

Основными **методами исследования** являются: теоретико-лингвистический анализ литературы, метод выбора словарей для конкретных исследовательских и практических целей, метод лексикографического анализа, разработанный отечественной школой лексикографии (Л. П. Ступин¹; О. М. Карпова²). Суть теоретико-лингвистического анализа

литературы состоит в обзоре базовых теоретических работ по тематике исследования. Выбор справочников для проведения лексикографического анализа связан с запросами и потребностями аудитории в процессе отбора ими словарей для определённых целей. Лексикографический анализ справочников включает анализ мега-, макро- и микроструктуры. Анализ мегаструктуры позволяет определить основные особенности организации справочника. Анализ макроструктуры даёт возможность провести обзор лексического состава словаря. Анализ микроструктуры помогает определить особенности построения словарной статьи, способы семантизации лексических единиц, а также репертуар добавочной семантико-функциональной характеристики слова.

Иллюстрированные и иллюстративные словари в английской учебной лексикографии

Особое место в лексикографии по праву принадлежит такому разделу, как учебная лексикография и учебные словари. Согласно справочнику Р. Р. К. Хартманна и Г. Джеймса, учебный словарь (*learner's dictionary*) – это издание, основной целевой аудиторией которого становится такая категория пользователей, как изучающие язык, для которых он не является родным. Степень интеграции словарей в процесс обучения варьируется от культуры к культуре³.

Появление учебной лексикографии связано с деятельностью трёх преподавателей английского языка как иностранного: М. Веста, Г. Палмера и А. Хорнби. М. Вест работал в русле движения *vocabulary control*, целью которого было установить критерии по выбору наиболее полезных слов, необходимых в процессе изучения языка. Вместе с Дж. Эндикоттом он составил словарь *The New Method*

¹ Ступин Л. П. Лексикография английского языка: учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1985. 168 с.

² Карпова О. М. Английская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 176 с. Далее – Карпова О. М. Английская лексикография.

³ Hartmann R. R. K., James G. Dictionary of Lexicography. London – New York: Routledge, 2002. P. 82. Далее – Hartmann R. R. K., James G. Dictionary of Lexicography.

English Dictionary, который называют первым одноязычным учебным справочником. Г. Палмер исследовал грамматическую сторону лексических единиц. В 1938 г. был опубликован его словарь *A Grammar of English Words*. Справочник получил высокую оценку за схему глагольных моделей, объединяющую их в ряд подразделов родственных типов. А. Хорнби занимался исследованием коллокаций и идиом. В 1942 г. появился словарь *Idiomatic and Syntactic English Dictionary* (Hornby et al.) [1, p. 26–27].

Впоследствии в издательствах стали появляться словари, адресованные изучающим язык на разных уровнях (начальный, средний, продвинутый), среди них *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*, *Collins COBUILD (COBUILD)*, *Oxford Advanced Learner's Dictionary*, *Merriam Webster Learner's Dictionary* и др. В настоящее время данные справочники представлены не только в печатном, но и онлайн-форматах [2, p. 354].

В отечественной науке становление учебной лексикографии связано с именами В. В. Морковкина¹, П. Н. Денисова [3], Л. А. Новикова² и др.

П. Н. Денисов в своей работе уделяет отдельное внимание такому аспекту, как назначение учебного словаря, и выделяет по этому критерию следующие группы учебных справочников: общие (для всех категорий учащихся) и специализированные (для школьников, студентов-филологов, студентов технических институтов, научных работников и др.) [3, с. 111].

Р. Хойбергер описывает в своём исследовании ряд признаков, позволяющих отнести справочник к категории учебных. Среди них следующий ряд: ограниченный состав лексических единиц,

использующихся при подготовке дефиниций к лексемам, включение графических иллюстраций в микроструктуру, предоставление детальной информации о грамматической составляющей слов (например, часть речи, синтаксические модели, изменения форм лексемы, которые не следуют стандартным правилам) и др. [1, p. 30–35].

Включение графических иллюстраций по праву имеет значение для учебного словаря. Графическое изображение (pictorial illustration) – это рисунок, диаграмма или фотография, предназначенные для объяснения значения понятия. Иллюстрации могут иметь форму представления отдельных элементов или групп связанных компонентов в диаграммах, таблицах, схемах или картах. Связь между маркированной частью иллюстрации и соответствующей частью записи в справочном издании не всегда чётко установлена³.

В центре нашего исследования находятся иллюстрированные и иллюстративные словари английского языка, к рассмотрению которых обратимся далее. В зарубежной науке используются такие термины, как *illustrated dictionary*, *picture dictionary* и *visual dictionary*.

Illustrated dictionary (иллюстрированный словарь) – это справочник, который содержит иллюстрации для избранных слов или фраз. Несмотря на то, что включение иллюстраций в словари началось ещё в XV в., вплоть до XIX в. количество графических изображений в справочниках являлось незначительным. В настоящее время электронные словари могут включать кино- и звукозаписи. Примерами подобных справочников становятся следующие издания: *Orbis sensualium pictus* (J. A. Komenský), Nürnberg, 1658; *Reader's Digest Great Illustrated Dictionary* (R. Ilson), London, 1984⁴.

¹ Теория и практика учебной лексикографии: сборник научных статей / под ред. В. В. Морковкина. М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1988. 289 с.

² Новиков Л. А. Учебная лексикография и её задачи // Вопросы учебной лексикографии: сб. ст. / под ред. П. Н. Денисова и Л. А. Новикова. М.: Изд-во Московского университета, 1969. С. 3–11.

³ Hartmann R. R. K., James G. Dictionary of Lexicography. P. 71.

⁴ Hartmann R. R. K., James G. Dictionary of Lexicography. P. 71.

Picture dictionary (иллюстративный словарь) – это тип справочника, в котором информация представлена в форме картинок. Организация лексических единиц в подобном словаре обычно ономастиологическая или тематическая. Иллюстрации могут быть в виде линейных рисунков, картинок, фотографий и т. д., а в электронных словарях также в виде фильма¹.

Visual dictionary представляет собой тип иллюстративного словаря с яркими изображениями².

Представленные определения иллюстрированного и иллюстративного словарей позволяют определить их основное отличие. Им становится следующее: в иллюстрированном словаре графические изображения приводятся не для всех словарных статей, а в иллюстративном издании картинка даны ко всем зарегистрированным лексемам.

Систематизируем вышесказанное: разница между иллюстрированным и иллюстративным словарями состоит в функции, которую выполняют графические иллюстрации. Когда речь идёт об иллюстрированном словаре, то изображение является вспомогательным материалом к словесному толкованию лексем, а в случае с иллюстративным справочником картинка представляет собой главное средство семантизации лексемы [5, с. 70–71].

На наш взгляд, и иллюстрированные, и иллюстративные словари можно отнести к категории учебных справочников, поскольку они активно используются в процессе изучения иностранных языков в учебном процессе. Их публикация свидетельствует о важной роли визуализации в процессе изучения английского языка.

Согласно «Новому словарю методических терминов и понятий», визуализация

(от лат. *visualis* – зрительный) – представление физического явления или процесса в форме, удобной для зрительного восприятия³. В свою очередь зрительное восприятие – это совокупность процессов построения зрительного образа мира на основе сенсорной информации, получаемой с помощью зрительной системы⁴.

Процесс визуализации – это свёртывание мыслительных содержаний в наглядный образ, который может быть развёрнут и служит опорой адекватных мыслительных и практических действий. В связи с этим для обозначения особых нелинейных текстов, которые включают вербальную и визуально-графическую информацию, используется термин «не-сплошной текст». К таким текстам относятся таблицы, графики, схемы, рисунки с подписями и др. Работа с подобным текстом способствует развитию критического мышления [6, с. 121].

Существующие эмпирические данные свидетельствуют о том, что графические иллюстрации в словарях улучшают понимание и фиксацию. Изучающие английский язык, имеющие трудности с пониманием значений конкретных существительных на основании словарных дефиниций и примеров, испытывали незначительные сложности с названием тех же предметов, показанных на картинке. Это означает, что для улучшения понимания в словарные статьи следует добавлять иллюстрации [4, р. 219].

Далее рассмотрим современные иллюстрированные и иллюстративные словари английского языка различных типов и особенности представления лексик в них.

¹ Hartmann R. R. K., James G. Dictionary of Lexicography. P. 109.

² Hartmann R. R. K., James G. Dictionary of Lexicography. P. 153.

³ См.: Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. С. 38. Далее – Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий.

⁴ Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. С. 74.

Английские иллюстрированные и иллюстративные словари отдельных предметных областей

Терминологическая лексикография является одной из ведущих областей в рамках современной лексикографической науки. Термин – это элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность вариантов устойчиво воспроизводимой синтагмы или неязыкового знака, выражающих специальное понятие определённой области деятельности. Терминология – это совокупность единиц специальной номинации определённой области деятельности, изоморфная системе её понятий и обслуживающая её коммуникативные потребности¹.

Наука активно развивается, возникают новые отрасли знаний, предметы, объекты и явления, для обозначений которых появляются различные термины.

Среди востребованных на сегодняшний день областей следует выделить политику, бизнес, финансы, юриспруденцию, информатику, математику, медицину, архитектуру, музыку и др. Однако появляются и иные предметные области, такие как электронная торговля, банковское дело, маркетинг, менеджмент и т. д. Процесс развития отдельных отраслей также сопровождается появлением новой терминологии, которая внедряется в профессиональный язык специалистов [7, с. 102–103].

Для регистрации подобной терминологической лексики публикуются специальные словари, в том числе иллюстрированные и иллюстративные издания, которые будут рассмотрены в ходе дальнейшего исследования. Среди подобных справочников следует выделить издания следующих предметных областей:

– зоология (Corbeil J.-C., Archambault A. *The Visual Dictionary of Animal Kingdom* (Québec Amérique, 2013));

– наука (Corbeil J.-C., Archambault A. *The Visual Dictionary of Science & Energy* (QA International, 2009));

– архитектура (Corbeil J.-C., Archambault A. *The Visual Dictionary of Art & Architecture* (QA International, 2012); Ching F. D. K. *A Visual Dictionary of Architecture* (John Wiley & Sons, 2011));

– фортификация (Lepage J.-D. *Dictionary of Fortifications: An Illustrated Glossary of Castles, Forts, and Other Defensive Works from Antiquity to the Present Day* (Pen & Sword Military, 2022));

– астрономия (Mitton J. *Cambridge Illustrated Dictionary of Astronomy* (Cambridge University Press, 2007));

– дизайн и интерьер (Corbeil J.-C., Archambault A. *The Visual Dictionary of House & Do-It-Yourself* (Québec Amérique, 2012));

– медицина (BMA *Illustrated Medical Dictionary* (DK, 2018); *Dorland's Illustrated Medical Dictionary* (Elsevier, 2020));

– математика (*The Usborne Illustrated Dictionary of Math* (Usborne Pub Ltd, 2004)) и др.

Рассмотрим специальный справочник Дж.-Д. Лепаж *Dictionary of Fortifications: An Illustrated Glossary of Castles, Forts, and Other Defensive Works from Antiquity to the Present Day*². Это словарь предметной области «фортификация». Фортификация представляет собой одну из древнейших военных дисциплин: человечество начало возводить оборонительные сооружения ещё в период до нашей эры. Адресатом такого издания могут быть специалисты в области военного дела, лингвисты, переводчики, работающие с текстами подобной тематики, а также все интересующиеся областью «фортификация».

Мегаструктура словаря включает краткий обзор (синописис), раздел «Благодарности», таблицу преобразования данных, вступление, библиографический

¹ См.: Авербух К. Я., Карпова О. М. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М: Издательский центр «Академия», 2009. С. 16.

² Lepage J.-D. *Dictionary of Fortifications: An Illustrated Glossary of Castles, Forts, and Other Defensive Works from Antiquity to the Present Day*. Barnsley: Pen & Sword Military, 2022. 341 p. Далее – Lepage J.-D. *Dictionary of Fortifications*.

список, а также три основных раздела: № 1 «Краткая история фортификации», № 2 «Осадная война» и № 3 «Словарь».

Раздел «Краткая история фортификации» посвящён становлению фортификационного дела начиная от древних времён до современности. В разделе «Осадная война» излагаются техники ведения подобной войны. При этом описания в разделах сопровождаются графическими иллюстрациями в форме картинок, графиков, диаграмм, карт и маршрутов.

Основной раздел «Словарь» включает словник, составленный в алфавитном порядке. **Макроструктура** содержит лексику следующих частей речи:

- имена нарицательные (*berm, casemate, hedgehog, mortar* и др.),
- имена собственные (*Südwall, Acropolis, Berlin Wall*),
- глаголы (*traverse, crenellate*),
- словосочетания (*Swiss National Redoubt, Totten shutter, Venetian fortification, Litus Saxonicum*).

Словарная статья состоит из входной единицы, выделенной жирным шрифтом, а также подробной дефиниции. Как правило, микроструктура содержит несколько значений лексем. Важным средством семантизации выступает графическое изображение (см. рис. 1).

Blockhouse:

- 1) A small, isolated fort in the form of a single building, often made of square logs. It was intended to serve as a defensive strongpoint against any enemy who did not possess any heavy siege artillery. In the nineteenth century, standard patterns of blockhouses were constructed for defence in frontier areas, particularly South Africa, New Zealand, Canada and the United States. Blockhouses may be made of masonry where available, but were commonly made from very heavy timbers, sometimes logs arranged in the manner of a log cabin, as the name derives from the German *Block* (beam) and *Haus* (house). There were usually two or even three floors, with all storeys being fitted with embrasures or loopholes, and the uppermost storey was often roofed.
- 2) A wooden rectangular or square roofed tower placed at the corner of a fort, having the same flanking function as a bastion (q.v.). See American West forts.
- 3) In forts built before the end of the nineteenth century, a blockhouse could be similar to a *corps-de-garde* (q.v.), a rifle casemate controlling the entrance of a fort or fortified place.

Blockhouse.

Рис. 1 / Fig. 1. Пример словарной статьи к входной единице *blockhouse* / Example of a dictionary entry for a lexical unit *blockhouse*

Источник: Lepage J.-D. Dictionary of Fortifications. P. 77.

В некоторых случаях микроструктура включает одну дефиницию:

Dehors: French term designating out-works (q.v.)¹.

Словарная статья также может содержать отсылочную помету, адресующую пользователя к другой микроструктуре:

Plane of construction: See Datum and Command².

Некоторые словарные статьи включают стилистические пометы, например, архаичное, устаревшее или неформальное:

Dungeon:

1) Archaic term for donjon. See keep³.

Graffe: Old-fashioned English term for ditch (q.v.) derived from the German Grabe⁴.

Hooch: Informal US word for an improvised shelter, usually with some protection from enemy fire⁵.

Достаточно часто к лексеме даётся указание на происхождение, см. например, на рис. 2.

Графическое изображение в словаре может быть представлено в виде схемы с пояснениями (см. рис. 3).

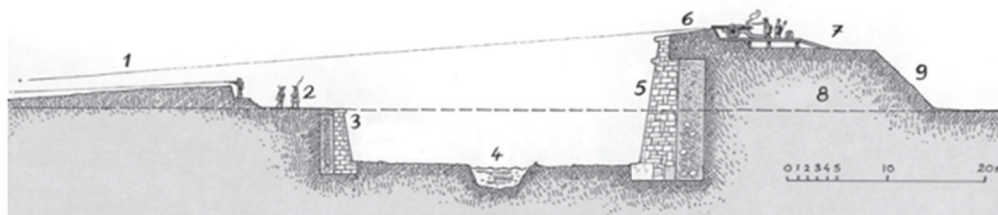
Кроме того, словарные статьи часто включают парные графические изображения (см. рис. 4).

Ещё одним типом графического изображения, который может быть включён в микроструктуру, являются карты (рис. 5).

Castrametation: Derived from the Latin *castrum* (q.v.) and *metari* (to lay out), castrametation is thus the art of setting out, making or laying out a military camp, and of placing the troops so that the different arms of the service can support each other in the best manner. There are three main operational requirements governing a military camp.

Рис. 2 / Fig. 2. Пример словарной статьи к входной единице *castrametation* / Example of a dictionary entry for a lexical unit *castrametation*

Источник: Lepage J.-D. Dictionary of Fortifications. P. 99.

Cross-section of a ditch in bastioned fortification.

1: Glacis; 2: Covered way; 3: Counterscarp; 4: Ditch with cunette; 5: Revetted scarp; 6: Breastwork; 7: Wall-walk; 8: Rampart; 9: Internal slope.

Рис. 3 / Fig. 3. Пример словарной статьи к входной единице *ditch* / Example of a dictionary entry for a lexical unit *ditch*

Источник: Lepage J.-D. Dictionary of Fortifications. P. 135.

¹ Lepage J.-D. Dictionary of Fortifications. P. 131.

² Lepage J.-D. Dictionary of Fortifications. P. 258.

³ Lepage J.-D. Dictionary of Fortifications. P. 142.

⁴ Lepage J.-D. Dictionary of Fortifications. P. 177.

⁵ Lepage J.-D. Dictionary of Fortifications. P. 189.

German Second World War fire control concrete bunker. This impressive type S487 (nicknamed 'Barbara') control bunker was located near Bayonne in southern France.

US World War Two fire control station at San Juan in Puerto Rico.

Рис. 4 / Fig. 4. Пример словарной статьи к входной единице *fire control station* / Example of a dictionary entry for a lexical unit *fire control station*

Источник: Lepage J.-D. Dictionary of Fortifications. P. 156.

Таким образом, словарь Дж.-Д. Лепаж *Dictionary of Fortifications: An Illustrated Glossary of Castles, Forts, and Other Defensive Works from Antiquity to the Present Day* относится к категории иллюстрированных, поскольку графические изображения даны не ко всем лексемам, являясь дополнительным способом семантизации значения. Основным средством семантизации становятся описательные дефиниции. При этом графические изображения, включённые в структуру словарных статей, могут быть различных типов: картинка, парное изображение предметов, карта, а также комплексная иллюстрация с подробными пояснениями.

Английские иллюстрированные и иллюстративные словари определённых слоёв лексики

Ещё одной категорией специальных словарей становятся издания, в которых

Polygonal forts around Antwerp (Antwerp in Belgium).

Рис. 5 / Fig. 5. Пример словарной статьи к входной единице *polygonal system* / Example of a dictionary entry for a lexical unit *polygonal system*

Источник: Lepage J.-D. Dictionary of Fortifications. P. 263.

регистрацию получают различные слои лексики: фразеологизмы, неологизмы, антонимы, синонимы, фразовые глаголы и др.

Фразовые глаголы традиционно вызывают сложности у изучающих английский язык в связи с тем, что они имеют разнообразные значения, которые не всегда понятны пользователю. Добавление предлога к основному глаголу меняет его значение. Важность таких глаголов заключается в том, что носители языка часто используют их в ежедневной речи. Поэтому для изучающих английский язык знание этих глаголов делает речь насыщеннее и ближе к речи носителей. В английской лексикографии публикуются учебные иллюстрированные и иллюстративные словари фразовых глаголов. Например, в 2021 г. был издан справочник К. Петерсона *The Illustrated Phrasal Verb*

Dictionary: Over 600 phrasal verbs (English Speaking Group)¹.

Данный словарь включает наиболее употребительные фразовые глаголы, организованные в алфавитном порядке. **Микроструктура** содержит входную единицу, графическую иллюстрацию, ко-

торая в форме картинки демонстрирует значение лексемы, дефиницию (описательную или синонимическую), предложение, показывающее употребление лексемы в контексте (см. рис. 6, 7).

Словарь К. Петерсона является иллюстрированным изданием. На наш взгляд,

Meaning: to make an addition / join / combine

Example Sentence: We will add on two new employees to the project's team.

Рис. 6 / Fig. 6. Пример словарной статьи к входной единице *add on* / Example of a dictionary entry for a lexical unit *add on*

Источник: Peterson K. The Illustrated Phrasal Verb Dictionary. P. 15.

Phrasal Verb: bail out

Meaning: to help someone in serious trouble

Example Sentence: My family bailed me out when I lost my job.

Рис. 7 / Fig. 7. Пример словарной статьи к входной единице *bail out* / Example of a dictionary entry for a lexical unit *bail out*

Источник: Peterson K. The Illustrated Phrasal Verb Dictionary. P. 38.

¹ Peterson K. The Illustrated Phrasal Verb Dictionary: Over 600 phrasal verbs. North Charleston: Independently published, 2021. 331 p. Далее – Peterson K. The Illustrated Phrasal Verb Dictionary.

включение в микроструктуру справочника, посвящённого фразовым глаголам, графического изображения, способствует созданию у адресата визуального образа лексемы и помогает быстрее запомнить её, особенно в случаях, когда у пользователя развиты зрительная память и мышление.

Английская «развлекательная» лексикография (на материале иллюстрированных и иллюстративных справочников)

В настоящее время популярным и востребованным направлением в лексикографии становится публикация словарей, посвящённых определённым фильмам и сериалам. Такие издания создаются как профессиональными лексикографами, так и любителями-волонтерами, являющимися поклонниками определённого кино. Одним из широко известных и популярных кинофильмов, ставших своего рода классикой жанра фантастики, является франшиза «Звёздные войны». Данная франшиза не теряет своей популярности уже на протяжении многих лет. В XXI в. была опубликована целая серия иллюстративных словарей, посвящённых этой франшизе: Luceno J. *Star Wars. Revenge of the Sith. The Visual Dictionary* (DK, 2005); Hidalgo P. *Star Wars: The Last Jedi: The Visual Dictionary* (DK Publishing, 2017); Hidalgo P. *Star Wars: The Rise of Skywalker. The Visual Dictionary: With Exclusive Cross-Sections* (DK Publishing, 2019); Dowsett E., Beecroft S., Fry J., Hugo S. *Lego Star Wars Visual Dictionary (Library Edition)* (DK, 2024).

Другими популярными кинофраншизами становятся «Аватар» и «Гарри Поттер». Были опубликованы следующие иллюстративные словари: Izzo J., Berger Z., Cole D., Perez R., Procter B. *Avatar. The Way of Water. The Visual Dictionary* (Dorling Kindersley Publishing, 2022); *LEGO Harry Potter Visual Dictionary: With Exclusive Minifigure* (Dorling Kindersley Publishing, 2024).

На наш взгляд, появление иллюстрированных и иллюстративных словарей, посвящённых популярным кинофраншизам, определяется интересами аудитории, её увлечениями и потребностями.

Если ранее составители толковых словарей английского языка ориентировались на принцип нормативности справочника и его академичность, то в последнее время многие авторитетные издательства ставят нужды пользователей на ведущее место, привлекая их к процессу создания справочников различных типов, что усиливает антропоцентрическое направление современной лексикографии [8, с. 214].

В английской традиции изучение использования аудиторией справочников называется *user research* («исследование пользователя»). Этот раздел является новым в единой области *dictionary research* (исследование словарей). В значительном количестве публикаций подчёркивается тот факт, что именно пользователи должны быть центральным фактором в процессе планирования лексикографами справочников. Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев словари рассматриваются как инструменты (tools). Практики в такой области как *user research* способствуют не только изучению использования справочников, но также их усовершенствованию путём внесения необходимых изменений [9, p. 262].

Рассмотрим словарь *Avatar. The Way of Water. The Visual Dictionary*¹, опубликованный в 2022 г. Справочник посвящён продолжению серии фильмов «Аватар» – это «Аватар: Путь воды». Данное издание подготовлено в сотрудничестве с создателями фильма, в частности, режиссёром и сценаристом Дж. Кэмероном, продюсером Дж. Ландау и др. Участие подобных специалистов в подготовке издания

¹ Avatar. The Way of Water. The Visual Dictionary / J. Izzo, Z. Berger, D. Cole, R. Perez, B. Procter. New York: Dorling Kindersley Publishing, 2022. 128 p. Далее – Izzo J., et al. Avatar. The Way of Water.

позволило авторам точнее и детальнее отразить в словаре необходимые лексические единицы, а также правдоподобнее передать атмосферу фильма.

Мегаструктура словаря включает Предисловие, раздел «Пандора» (название вымышленной планеты, где происходит действие фильма) и несколько глав. Данные главы в свою очередь включают ряд подчастей: «Семья Салли» (the Sully family), «Клан Оматикайя» (the Omatikaya Clan), «Корпорация по освоению природных ресурсов» (the RDA), «Программа Recom» (the Recom Program), «Транспортные средства корпорации» (RDA Vehicles), «Клан Меткайна» (the Metkayina Clan) и «Океан» (The Ocean). Заключительными параграфами становятся алфавитный индекс словарных статей, содержащихся в справочнике, использование которого облегчает поиск лексем для пользователя, а также Благодарно-

сти¹. Все главы начинаются с небольшого вступления, раскрывающего суть того, о чём в них пойдёт речь.

Каждый раздел словаря включает подробную энциклопедическую справку об определённых явлениях, событиях или героях франшизы «Аватар». Рассмотрим пример организации **микроструктуры**, посвящённой главному герою фильма Джейку Салли. Словарная статья делится на несколько частей: жизнь на Земле до момента пребывания на планете Пандора, когда герой служил военным, и жизнь после на планете Пандора, когда он стал оператором аватара, а впоследствии вождём клана На'ви Оматикайя. Кроме того, в словарной статье приводится краткий биографический файл в виде таблицы. Микроструктура включает дефиницию, фото персонажа, а также изображения основных предметов, ассоциирующихся с героем (см. рис. 8, 9).

Рис. 8 / Fig. 8. Примеры словарных статей к лексемам, связанным с Джейком Салли / Examples of dictionary entries for lexical units connected with Jake Sully

Источник: Izzo J., et al. Avatar. The Way of Water. The Visual Dictionary. P. 12.

¹ Izzo J., et al. Avatar. The Way of Water. P. 4–5.

Рис. 9 / Fig. 9. Примеры словарных статей к лексемам, посвящённым Джейку Салли / Examples of dictionary entries for lexical units dedicated to Jake Sully

Источник: Izzo J., et al. Avatar. The Way of Water. The Visual Dictionary. P. 13.

Главы по описанию кланов включают подробные сведения о различных аспектах жизни, в том числе, типах жилища, еде, бытовых предметах, оружии. При этом к каждому предмету приводится графическое изображение (см. рис. 10, 11).

Подобные справочники, созданные к кинофраншизам, можно отнести к категории «развлекательной» лексикографии (в английской традиции *Lexicography for Fun*). Эта так называемые словари для досуга, которые появились сравнительно недавно, в середине XX в.¹

Такие словари могут использоваться аудиторией, чтобы познакомиться с определённой киновселенной. На наш взгляд, основным адресатом этих изданий являются поклонники определённой франшизы. Они знакомят адресата с вселенной фильма, героями, особенностями их жизни, быта, нравами и обычаями. Введение в микроструктуру красочных

графических изображений позволяет пользователю погрузиться в придуманный мир созданного режиссёрами кинофильма. Как правило, подобные словари носят именно развлекательный характер и отвечают досуговым целям пользователя. В то же время нельзя не отметить и тот факт, что это направление является весьма перспективным в лексикографии. В случае высокого уровня популярности среди поклонников новых фильмов, выходящих на экраны, возникает потребность в появлении изданий, которые станут своего рода путеводителями по тому или иному кино для заинтересованной аудитории.

Английские иллюстрированные и иллюстративные справочники онлайн

В эпоху всеобщей цифровизации, охватывающей различные сферы деятельности современного человека, популярность приобретают онлайн-словари. У пользователя появляется возможность

¹ Карпова О. М. Английская лексикография. С. 81.

Рис. 10 / Fig. 10. Пример словарной статьи к словосочетанию *fruit basket* / Example of a dictionary entry for a word combination *fruit basket*

Источник: Izzo J., et al. Avatar. The Way of Water. The Visual Dictionary. P. 30.

Рис. 11 / Fig. 11. Пример словарной статьи к лексемам *baskets and carriers* / Example of a dictionary entry for lexical units *baskets and carriers*

Источник: Izzo J., et al. Avatar. The Way of Water. The Visual Dictionary. P. 31.

получить мгновенный доступ к изданию онлайн с экрана компьютера, ноутбука, планшета или мобильного телефона. Появляются иллюстрированные и иллюстративные словари, представленные в формате онлайн. Среди них можно выделить следующий ряд: *NASA's Picture Dictionary* (<https://www.nasa.gov/learning-resources/nasas-picture-dictionary-a/#Aerodynamics>), *Merriam-Webster Visual Dictionary Online* (<https://visualdictionaryonline.com/index.php>), *Visuwords. Visual Dictionary. Visual Thesaurus* (<https://visuwords.com/>), *Wordsmyth Illustrated Learner's Dictionary* (<https://kids.wordsmyth.net/wild/#/home>), *Drops Visual Dictionary* (<https://languagedrops.com/word/en/>), *Picture Dictionary* (<https://www.dicts.info/picture-dictionary.php>) и др.

Рассмотрим онлайн-словарь *Merriam-Webster Visual Dictionary*. **Мегаструктура** издания включает несколько разделов: *About the Visual* (о словаре), *Tools* (инструменты), *Books* (книги), *Apps* (приложения), *Downloads* (загрузки), *About Us* (О нас)¹.

Проведём анализ отдельных разделов **мегаструктуры**. Часть *About the Visual* представляет краткую характеристику самого справочника: издание включает 20000 лексем с дефинициями, 6000 графических изображений. В этом разделе также представлена справка об истории создания словаря, которая началась в 1982 г. и продолжается уже в цифровом формате по настоящее время. Часть *Apps* предоставляет информацию о наличии словарного приложения издания, которое может быть установлено на мобильный телефон. В настоящее время наличие мобильного словарного приложения становится популярной тенденцией современной лексикографической практики. Следует отметить, что издания на таких устройствах просты в использовании, характеризуются удобной навигацией,

предоставляют быстрый доступ к языковому материалу, таким образом отвечая нуждам и потребностям пользователя XXI в. [10, с. 65].

Обратимся к **макροструктуре** издания *Merriam-Webster Visual Dictionary*. Словник организован по двум принципам: с одной стороны, имеется поисковая строка, а с другой – также есть тематическое расположение входных единиц. В словаре представлена лексика по следующим тематическим группам:

- астрономия: *solar system, Sun, Moon, star* и др.;
- растения и садоводство: *plant cell, moss, alga, tree* и др.;
- еда и кухня: *mushrooms, spices, poultry, meat* и др.;
- дом: *wood flooring, stairs, heating, lights* и др.;
- искусство и архитектура: *museum, theatre, percussion instruments, pottery* и др.;
- наука: *magnetism, dry cells, lever, lenses* и др.

Внутри тематических групп лексика разбита на более мелкие разделы, каждый из которых включает отдельные лексические единицы. Например, раздел *Food* содержит следующие категории, внутри которых зарегистрированы определённые лексемы:

- mushrooms (*wood ear, oyster mushroom*),
- seaweed (*nori, dulse*), herbs (*lemon balm, parsley*),
- bony fishes (*brook trout, trout*) и др.

Рассмотрим, каким образом выглядит **микροструктура** на примере группы *mushrooms* (см. рис. 12).

Как видно из примера на рис. 12, **словарная статья** включает несколько компонентов. Первый элемент – собирательная входная единица *mushrooms*, выделенная жирным шрифтом. Произносительная помета представлена в форме аудиофайла, нажав на который пользователь может прослушать, как произносится входная единица. Далее представлена дефиниция. Следующим компонентом

¹ Merriam-Webster Visual Dictionary Online [Электронный ресурс]. URL: <https://visualdictionaryonline.com/index.php> (дата обращения: 12.06.2025).

mushrooms [2]

Vegetable that grows in damp cool places; its edible varieties are served as condiments or as an ingredient in a variety of foods.

◀ previous

next ▶

shiitake mushroom

The equivalent of the cultivated mushroom in Japan, where it is widely grown for use in Oriental dishes and sauces and for its therapeutic value.

Рис. 12 / Fig. 12. Пример словарной статьи к лексеме *mushrooms* / Example of a dictionary entry for a lexical unit *mushrooms*

Источник: Mushrooms [Электронный ресурс] // Merriam-Webster Visual Dictionary Online : [сайт]. URL: https://visualdictionaryonline.com/food-kitchen/food/mushrooms_2.php#oyster-mushroom8614 (дата обращения: 12.06.2025).

становятся графические изображения различных видов грибов с подписями. К каждому представленному виду также дана дефиниция и произносительная помета в форме аудиофайла.

Графическое изображение может включать картинку с отдельными подписями входящих в состав объекта/предмета/явления компонентов (см. рис. 13).

Кроме того, для описания составных элементов или различных типов чего-либо могут быть даны несколько отдельных изображений. Например, для описания типа печати в одну линию представлены несколько графических картинок (см. рис. 14).

Введение графических иллюстраций в микроструктуру в отдельных случаях имеет непосредственную учебную направленность: например, в представленном на рис. 15 случае графические

Рис. 13 / Fig. 13. Пример графического изображения к словосочетанию *section of a strawberry* / Example of a dictionary entry for a word combination *section of a strawberry*

Источник: Fleshy fruit: berry fruit [Электронный ресурс] // Merriam-Webster Visual Dictionary Online : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RsQzo> (дата обращения: 12.06.2025).

Рис. 14 / Fig. 14. Пример графических изображений типов печати / Example of graphic illustrations for types of printing.

Источник: Grafic Arts [Электронный ресурс] // Merriam-Webster Visual Dictionary Online : [сайт]. URL: <https://www.visualdictionaryonline.com/arts-architecture/graphic-arts.php> (дата обращения: 12.06.2025).

изображения позволяют пользователю изучить основные этапы эволюции видов.

Отличительной чертой справочника *Merriam-Webster Visual Dictionary Online* становится компонент *Your Feedback*. Это форма обратной связи, когда у пользова-

теля появляется возможность напрямую написать составителям словаря в случаях, если в издании не была найдена необходимая лексическая единица. Кроме того, пользователи могут оставить комментарий относительно той или иной словарной статьи либо внести предложе-

Рис. 15 / Fig. 15. Пример графических изображений, иллюстрирующих происхождение и эволюцию видов / Example of graphic illustrations showing origin and evolution of species.

Источник: Origin and evolution of species [Электронный ресурс] // Merriam-Webster Visual Dictionary Online : [сайт]. URL: https://www.visualdictionaryonline.com/animal-kingdom/evolution-life/origin-evolution-species_1.php (дата обращения: 12.06.2025).

ние о включении определённой лексемы в справочник. Включение данной формы в структуру издания свидетельствует о том, что учёт потребностей и нужд пользователя является одним из приоритетных факторов в процессе работы над материалами словаря.

На наш взгляд, словарь *Merriam-Webster Visual Dictionary Online* – это превосходный ресурс для пользователей, изучающих английский язык. Удобным для аудитории является наличие двух систем поиска: поиск лексемы путём её набора в поисковой строке или обращение к тематическим группам зарегистрированных лексических единиц. Словарная статья включает входную единицу, дефиницию, графическое изображение, а также произносительную помету. На наш взгляд, адресатом словаря могут стать пользователи, уровень владения английским языком которых не ниже среднего, поскольку дефиниции в издании написаны непростым языком, который может быть непонятен для начинающих пользователей. Помимо единичных изображений микроструктура также может включать картинку, которая содержит подпись сразу нескольких составляющих элементов, или ряд картинок, служащих иллюстрацией для определённых явлений.

Английские двуязычные и многоязычные иллюстрированные и иллюстративные словари

Следует отметить, что в настоящее время помимо публикации одноязычных иллюстрированных и иллюстративных словарей в английской лексикографии появляются подобные двуязычные справочники, например, корейско-английский, англо-японский, англо-арабский, англо-испанский и др.: *Fun & Easy! Korean-English Picture Dictionary* (New Ampersand Publishing, 2017); Turhan S., Hagin S. *Milet Picture Dictionary (English-Japanese)* (Milet Publishing, 2020); Adelson-Goldstein J., Shapiro N. *Oxford Picture Dictionary: English/Arabic* (Oxford University Press,

2015); Turhan S. *New Mini Picture Dictionary (English-Spanish)* (Milet Publishing, 2025) и др.

Кроме того, создаются многоязычные словари с картинками. Среди них могут быть как издания для общих целей: Corbeil J.-C., Archambault A. *The Firefly five language visual dictionary – English, Spanish, French, German, Italian* (Firefly Books, 2009), Jia W. *Deutsch – English – Chinese Visual Bilingual Dictionary* (Dorling Kindersley Ltd, 2007), так и словари для специальных целей, в который зарегистрированы термины определённых сфер, например, архитектура и скульптура: Kalopissi-Verti S., Panayotidi-Kesisoglou M. (eds.). *Multilingual Illustrated Dictionary of Byzantine Architecture and Sculpture Terms* (Crete University Press, 2010).

Заключение

Таким образом, английская лексикография активно развивается. Ярким подтверждением этому становится публикация широкого репертуара иллюстрированных и иллюстративных словарей. В иллюстративных изданиях ведущая роль в семантизации значения отводится графическому изображению. В иллюстрированных словарях картинка становится одним из вспомогательных средств семантизации значения в дополнении к другому, например, к дефиниции. И иллюстрированные, и иллюстративные издания относятся к категории учебных справочников, которые активно используются в образовательном процессе.

Среди современных иллюстративных и иллюстрированных словарей особое место принадлежит специальным изданиям, таким как справочники отдельных предметных областей (например, физика, химия, биология, архитектура, математика и др.), а также словарям, в которых зафиксированы слова различных лексических пластов (например, фразовые глаголы, синонимы, сленг, новые слова и др.). В справочниках отдельных предметных областей графическое изобра-

жение становится важным дополнением к словарной статье, поскольку позволяет сформировать в сознании пользователя визуальный образ того или иного предмета. При этом графические изображения могут быть представлены в различных формах, например, картинка одиночного предмета, изображение нескольких предметов, парные изображения, графики, карты и диаграммы (например, как это сделано в словаре Дж.-Д. Лепаж *Dictionary of Fortifications: An Illustrated Glossary of Castles, Forts, and Other Defensive Works from Antiquity to the Present Day. Barnsley: Pen & Sword Military*). В иллюстративных и иллюстрированных изданиях, в которых зарегистрированы лексемы отдельных слоёв лексики, картинка, как правило, представляет собой единичное изображение предмета или действия и выступает вспомогательным средством к дефиниции. Примером подобного издания является словарь К. Петерсона *The Illustrated Phrasal Verb Dictionary: Over 600 phrasal verbs*.

В связи с популярностью у аудитории определённых кинофраншиз в лексикографической практике публикуются отдельные иллюстрированные и иллюстративные словари к подобным франшизам, среди которых «Звёздные войны», «Гарри Поттер» и «Аватар». Такие словари относятся к категории словарей для досуга и принадлежат области «развлекательной» лексикографии. Их адресатом являются поклонники кинофильмов. Справочники содержат богатый и красочный иллюстративный материал, а основная цель их создания – познакомить аудиторию с героями, предметами быта, особенностями кухни, окружающей флоры и фауны. Одним из таких изданий становится словарь *Avatar. The Way of Water. The Visual Dictionary* (авторы Дж. Иззо, З. Бергер, Д. Коул, Р. Перес, Б. Проктер).

Онлайн-издания пользуются популярностью в современном обществе. Многие иллюстрированные и иллюстративные словари сегодня доступны

онлайн. В данном случае у пользователя появляется возможность получить моментальный доступ к данным, найти нужную словарную статью в считанные секунды со своего компьютера или мобильного телефона. Примером подобного издания является *Merriam-Webster Visual Dictionary Online*, в котором зарегистрированы лексические единицы по таким темам, как еда, дом, флора и фауна, одежда, коммуникации и др. Словарные статьи помимо подробных дефиниций содержат в качестве дополнительного средства толкования значения графические изображения, например, в форме картинок единичных предметов или нескольких одновременных изображений для иллюстрации того или иного явления/события/объекта.

Лексикографическая картина XXI в. характеризуется мирным сосуществованием словарей различных форматов. Не ослабевает интерес к печатным изданиям, появляются цифровые аналоги существующих печатных словарей. В то же время современный цифровой мир диктует новые требования и появляется всё большее количество онлайн-изданий. Современные иллюстрированные и иллюстративные словари представлены как онлайн, так и в формате печатного издания. Включение в структуру словарной статьи графического изображения является оправданным решением и формирует в сознании пользователя визуальный образ предмета или определённого явления. Когда речь идёт о графическом изображении, имеется в виду добавление не только единичных иллюстраций к отдельным лексемам, но также добавление парных изображений, картинок с подписями отдельных элементов, цепочек картинок, иллюстрирующих определённое явление в процессе, графиков, карт или маршрутов.

Помимо одноязычных иллюстрированных и иллюстративных словарей в современной лексикографии публикуются двуязычные и многоязычные иллюстри-

рованные и иллюстративные справочники. Публикация двуязычных справочников непосредственно связана с учебными целями: изучение нового иностранного языка. Адресатом многоязычных справочников могут стать переводчики, работающие в сфере перевода на нескольких иностранных языках, а обращение к многоязычному изданию позволит им сэкономить время в процессе поиска эквивалентов необходимой лексики. Примерами таких словарей являются *New*

Mini Picture Dictionary (English-Spanish), а также *Deutsch – English – Chinese Visual Bilingual Dictionary*.

Итак, иллюстрированные и иллюстративные словари пользуются популярностью у современной аудитории разных возрастов. Такие издания, как правило, используются в учебных целях в процессе изучения иностранных языков, а также могут быть полезны для решения познавательных и досуговых задач у различных категорий пользователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Heuberger R. Learners' Dictionaries: History and Development; Current Issues // *The Oxford Handbook of Lexicography* / ed. by Ph. Durkin. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 25–43.
2. Miller J. Learners' dictionaries of English // *The Routledge Handbook of Lexicography* / ed. by P. A. Fierres-Olivera. London – New York: Routledge, 2018. P. 353–366.
3. Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М.: Издательство Московского университета, 1974. 256 с.
4. Dziemianko A. The usefulness of graphic illustrations in online dictionaries // *ReCALL*. 2022. Vol. 34. Iss. 2. P. 218–234. DOI: 10.1017/S0958344021000264.
5. Германова О. А. Иллюстрированные и иллюстративные словари: формирование, развитие и современное состояние: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. 278 с.
6. Титова С. В., Замковая А. В. Визуализация дидактических материалов для развития иноязычных продуктивных умений критического мышления у обучающихся // *Педагогика и психология образования*. 2022. № 1. С. 114–129. DOI: 10.31862/2500-297X-2022-1-114-129.
7. Карпова О. М. Современная картина английской терминологии // *Современная германистика и западноевропейская литература (= Modern Germanic Philology and West-European Literature): коллективная монография. Вып. 5 / отв. ред. А. В. Иванов. М.: «ФЛИНТА», 2023. С. 100–120.*
8. Карпова О. М. Английская лексикография в цифровую эпоху // *Современная германистика и западноевропейская литература (= Modern Germanic Philology and West-European Literature): коллективная монография. Вып. 3 / отв. ред. А. В. Иванов. М.: «ФЛИНТА», 2021. С. 208–229.*
9. Müller-Spitzer C., Wolfer S. Research into Dictionary Use // *Internet Lexicography. An Introduction* / ed. by A. Kloss-Kückelhaus. Berlin – Boston: De Gruyter, 2024. P. 261–304. DOI: 10.1515/9783111233758-010.
10. Григорьева Е. М., Карпова О. М. Современные англоязычные словари на мобильных телефонах // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. № 4. С. 58–66. DOI: 10.46726/H.2022.4.6.

REFERENCES

1. Heuberger, R. (2016). Learners' Dictionaries: History and Development; Current Issues. In: Durkin, Ph. (ed.). *The Oxford Handbook of Lexicography*. Oxford: Oxford University Press, pp. 25–43.
2. Miller, J. (2018). Learners' dictionaries of English. In: Fierres-Olivera, P. A. (ed.). *The Routledge Handbook of Lexicography*. London – New York: Routledge, pp. 353–366.
3. Denisov, P. N. (1974). *Essays on Russian Lexicology and Educational Lexicography*. Moscow: Moscow University publ. (in Russ.).
4. Dziemianko, A. (2022). The usefulness of graphic illustrations in online dictionaries. In: *ReCALL*, 34 (2), 218–234. DOI: 10.1017/S0958344021000264.
5. Germanova, O. A. (2011). *Illustrated and illustrative dictionaries: formation, development and current state* [dissertation]. Ivanovo (in Russ.).

6. Titova, S. V. & Zamkovaya, A. V. (2022). Visualization of learning materials for developing students' foreign language and critical skills. In: *Pedagogy and Psychology of Education*, 1, 114–129. DOI: 10.31862/2500-297X-2022-1-114-129 (in Russ.).
7. Karpova, O. M. (2023). Modern scene of English terminography. In: Ivanov, A. V. (ed.). *Modern Germanic Philology and West-European Literature. Iss. 5*. Moscow: "Flinta" publ., pp. 100–120 (in Russ.).
8. Karpova, O. M. (2021). English lexicography in the digital époque. In: Ivanov, A. V. (ed.). *Modern Germanic Philology and West-European Literature. Iss. 3*. Moscow: "Flinta" publ., pp. . 208–229 (in Russ.).
9. Müller-Spitzer, C. & Wolfer, S. (2024). Research into Dictionary Use. In: Klosa-Kückelhaus A. (ed.). *Internet Lexicography. An Introduction*. Berlin – Boston: De Gruyter, pp. 261–304. DOI: 10.1515/9783111233758–010.
10. Grigoryeva, E. M. & Karpova, O. M. (2022). Modern English dictionaries on mobile phone. In: *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 4, 58–66. DOI: 10.46726/H.2022.4.6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьева Екатерина Михайловна (г. Иваново) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии Ивановского государственного университета;
<https://orcid.org/0000-0001-9682-9021>; e-mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina M. Grigoryeva (Ivanovo) – Cand. Sci. (Philology), Assos. Prof., Foreign Philology Department, Ivanovo State University;
<https://orcid.org/0000-0001-9682-9021>; e-mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Научная статья
УДК 811 13 81'44
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-6-113-122

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНДИТЕРОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, ИТАЛЬЯНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Овчинникова Г. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация;
Международная полицейская академия ВПА, г. Тула, Российская Федерация;
Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого
«Ясная Поляна», Тульская обл., дер. Ясная Поляна, Российская Федерация
e-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.09.2025

После доработки 26.09.2025

Принята к публикации 03.10.2025

Аннотация

Цель. В современной лингвистической литературе нередко кондитеронимы и названия десертов выступают как взаимозаменяемые термины. С целью устранения распространённой абсолютной синонимии данных понятий появилась необходимость в разграничении этих терминов, в уточнении определения термина *кондитероним* и пополнении понятийного аппарата гастрономического пласта лексики новым термином *десертоним*, а также разработкой его определения. Изучение корпуса исследовательского материала требует установить взаимоотношения, в которых находятся *кондитеронимы* и *десертонимы*, и проследить формирование гиперо-гипонимических отношений между ними. На примере французских, итальянских и русских кондитеронимов *pain d'épice*, *panforte* и *пряник* впервые обнаруживаются факторы, обуславливающие их лингвокультуремный статус в трёх лингвокультурах разноструктурных языков.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели привлекается широкий спектр исследовательских методов анализа: этимологический анализ, компонентный анализ, словообразовательный анализ и словопроизводственный анализ, метод словарных дефиниций, лингвокультурологический анализ. Этимологический анализ понятий *кондитероним* и *десертоним* опровергает точку зрения об абсолютной синонимии данных терминов. Применение метода словарных дефиниций и компонентного (семного) анализа позволяет выявить ядерные семы кондитеронимов. Сопоставительный анализ актуализации ядерных, дифференциальных и потенциальных сем кондитеронимов и десертонимов обнаруживает их иерархические отношения. Для выявления способов образования кондитеронимов и десертонимов привлекается словообразовательный анализ и словопроизводственный анализ.

Результаты. Доказана необходимость введения понятия *десертоним* и проведена демаркационная линия между терминами «десертоним» и «кондитероним».

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятийного аппарата лингвокультурологии и её основной единицы лингвокультуремы. На примере лингвокультурем-кондитеронимов во французском, итальянском и русском языках доказано, что монокультуральность является основным отличительным признаком лингвокультурем любой

лингвокультуры. **Практическая ценность** состоит в том, что результаты, полученные на представленном иллюстративном материале, могут послужить для дальнейших исследований на материале других лингвокультур, будут полезны для лексикографического описания кондитеронимов и десертонимов как в одноязычных, так и многоязычных словарях.

Ключевые слова: десертоним, кондитероним, лингвокультурема, лингвокультурологический анализ, итальянский язык, французский язык, русский язык

Для цитирования:

Овчинникова Г. В. Лингвокультурологический анализ кондитеронимов во французском, итальянском и русском языках // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 6. С. 113–122. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-113-122>

Original research article

LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF CONDITERONYMS IN FRENCH, ITALIAN AND RUSSIAN

G. Ovchinnikova

*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation,
International Police Academy ARPA, Tula, Russian Federation,
The State Memorial and Natural Preserve “Leo Tolstoy Museum-Estate “Yasnaya Polyana”,
Yasnaya Polyana village, Tula Region, Russian Federation,
e-mail: galinaovtchinnikova.@yandex.ru*

Received by the editorial office 17.09.2025

Revised by the author 26.09.2025

Accepted for publication 03.10.2025

Abstract

Aim. In modern linguistic literature, confectionery names and dessert names are often used interchangeably. To eliminate the widespread absolute synonymy of these concepts, it became necessary to distinguish between these terms, clarify the definition of the term *conditeronym*, and expand the conceptual apparatus of gastronomic vocabulary with the new term *dessertonym*, as well as develop its definition. Studying the corpus of research material requires establishing the relationships between *conditeronym* (confectionery names) and *dessertonym* (dessert names) and tracing the development of hyper-hyponymic relationships between them. Using the French, Italian, and Russian confectionery names *pain d'épice*, *panforte*, and “*pryanik*” as examples, the factors determining their linguacultural status in three linguacultures with diverse language structures are revealed for the first time.

Methodology. To achieve this goal, a wide range of research methods are employed: etymological analysis, componential analysis, word-formation and word-production analysis, dictionary definitions, and linguacultural analysis. Etymological analysis of the concepts of *conditeronym* and *dessertonym* refutes the view that these terms are absolutely synonymous. The use of dictionary definitions and componential (semen) analysis allows us to identify the core semes of *conditeronyms*. A comparative analysis of the actualization of the core, differential, and potential semes of *conditeronyms* and *dessertonyms* reveals their hierarchical relationships. Word-formation and word-production analysis are used to identify the methods of *conditeronym* and *dessertonym* formation.

Results. The necessity of introducing the concept of *dessertonym* is demonstrated, and a demarcation line is drawn between the terms *dessertonym* and *conditeronym*.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in its clarification of the conceptual framework of linguacultural studies and its fundamental unit, the linguacultureme. Using conditeronym linguaculturemes in French, Italian, and Russian as examples, it is demonstrated that monoculturalism is the primary distinguishing feature of linguacultures in any linguaculture. The practical value lies in the fact that the results obtained from the presented illustrative material can serve as a basis for further research on other linguacultures and will be useful for the lexicographic description of conditeronyms and dessertonyms in both monolingual and multilingual dictionaries.

Keywords: dessertonym, confectionary name, linguaculture, linguacultural analysis, Italian language, French language, Russian language

For citation:

Ovchinnikova, G. V. (2025). Linguistic and cultural analysis of conditronyms in French, Italian and Russian. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, 113–122. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-113-122>

*Посвящается 100-летию со дня рождения
заслуженного деятеля Российской Федерации,
кавалера Ордена Дружбы,
академика Международной педагогической академии,
доктора филологических наук,
профессора Натальи Михайловны Васильевой*

Введение

Гастрономическая лексика представляет большой интерес для научного поиска как среди отечественных, так и зарубежных лингвистов. Методология исследования представляет немалые трудности. Диахронное исследование кулинарных традиций и гастрономического лингвокультурного поля представлено в трудах Л. Г. Викуловой, Э. М. Рянской [1], гастрономический дискурс средневекового периода Франции получил тщательный анализ в исследовании С. В. Михайловой [2]. Авторы научных статей нередко направляют свои изыскания в область структурных и семантических характеристик кулинарных номенов на материале современного англоязычного кинотекста [3].

В последнее время лингвисты справедливо уделяют большее внимание сравнительно-сопоставительным исследованиям, подробную систематизацию которых провели Л. Г. Викулова, Е. В. Бирюкова, Л. Г. Попова [4].

Сопоставительный анализ гастрономической лексики на материале француз-

ского и русского языков [5], сопоставительный анализ русской и французской кондитерской лексики на примере лингвокультуры чаепития [6], сравнительный анализ названий кондитерских изделий в итальянском языке и его диалектах [7] всё чаще дополняются попытками исследователей выявить культурный код в исследуемых гастрономических лексических единицах. Лингвокультурологический аспект в изучении кулинарной лексики основывается на трудах С. Г. Тер-Минасовой [8], получает дальнейшее развитие в разработке межнациональной лингвокультурологической модели кулинаронимов. Например, это позволило Е. М. Марковой выявить культурный код в исследуемых гастрономических лексических единицах русского и чешского языков [9], а Т. Б. Кабылову с коллегами изучить гастрономический код в паремнологической картине мира русского, английского и кыргызского языков [10].

Вместе с тем до настоящего времени не проведена полная классификация пласта гастрономической лексики и выделение десертонимов и кондитеронимов

в отдельные классы, не установлен статус последних в качестве лингвокультурам. В данной статье делается попытка заполнить эту лауну, как в теоретическом, так и в практическом планах. На примере кондитеронимов “*pain d’épice*”, “*panforte*”, «пряник» с применением новейших методов анализа текста, разработанных Н. А. Ахреновой, Л. Н. Луньковой, А. С. Черняковой [11] для разных жанровых разновидностей, выявляются факторы, обуславливающие статус анализируемых кондитеронимов как лингвокультурам.

О лингвокультурном статусе «десертонимов» и «кондитеронимов» в разноструктурных языках

Изучение гастрономического дискурса в разных языках и культурах выявило появление таких терминов, как *гастрософия*, *нейрогастрономия*, *гастродипломатия*, каждый из которых имеет своё научное поле исследования. Представляется необходимым остановиться на введении нового термина «десертоним» и провести демаркационную линию между терминами «десертоним» и «кондитероним», поскольку нередко в трудах ряда учёных они выступают как абсолютные синонимы. В научно-популярной литературе и кулинарных рецептах, как отмечает С. Гондоль в своём научном исследовании, при изучении истории развития пряничного производства такое смешение понятий встречается достаточно часто, и понятие «десерт» рассматривается нередко только как сладкое блюдо, которое подаётся в заключительной части трапезы [12].

Ещё большая размытость границ между понятиями «десертоним» и «кондитероним» прослеживается в итальянском языке эмигрантов, которые стремятся сохранить своё культурное наследие в гастрономическом дискурсе за пределами Италии [13].

В данной статье *десертоним* определяется как номен блюда или продукта, которые подаются в конце трапезы. Отли-

чительной чертой десертонима является принцип подачи блюда как заключительного этапа завтрака, обеда или ужина, что является его дифференциальной семой. *Кондитероним* – это название сладких изделий, которые готовятся индивидуальным или промышленным способом и, в отличие от десертонима, семный состав кондитеронима не содержит семы «подача блюда или продукта в конце трапезы».

Предпринятый словообразовательный анализ с целью установления производящего слова и направления производности слова “*dessert*” дал возможность выявить два производящих слова: глагол первой группы “*desserrer*” и глагол третьей группы “*desservir*”.

Направление производности, связанное с глаголом *desservir* (XIV в.) со словарной дефиницией *débarrasser une table des restes du repas et de la vaisselle*¹ (*убирать со стола оставшуюся еду и посуду*) представляется наиболее адекватным, так как позволяет выделить дифференциальную сему слова “*dessert*” – “*mets ou l’ensemble de mets que l’on sert à la fin des repas*” (блюдо или набор блюд, которые *подают в конце трапезы*). В средневековый период десертом называли любой лакомый кусочек, не только сладости, фрукты, но и лучший кусок мяса.

Направление производности, восходящее к глаголу *desserrer* – *relâcher, faire un effort moins tendu* (*отпустить, ослабить усилие*) вызывает сомнение, поскольку глаголы-паронимы *desserrer* и *desservir*, близкие по форме, но различные по значению, привели к ложной мотивации в направлении производности.

Вместе с тем, проведённый этимологический анализ с применением метода словарных дефиниций и семного анализа позволил обнаружить, что французское слово “*dessert*” проникло в итальянский и русский языки лишь в конце XVII в. со значением «подача сладких блюд после

¹ См.: *desservir* // Perrier-Robert A. Dictionnaire de la gourmandise. P.: Bouquins, 2012. P. 416.

завершения основного блюда». Во Франции подавали чаще засахаренные фрукты, например, известный в мире десерт Ж.-О. Эскофье “Pêche Melba” – две половинки персика с ванильным мороженым, покрытые малиновым муссом¹.

Заемствованное французское слово “dessert” в итальянском языке употребляется реже. Il «dessert» è una portata dolce servita alla fine di un pasto (десерт – это сладкое блюдо, которое подаётся в конце еды).

Однако в итальянском языке в настоящее время используется чаще понятие “dolce” – *alimento o preparazione culinaria in cui prevalgono i sapori e gli ingredienti zuccherini (еда или кулинарное изделие, в которых преобладают сладости и сладкие ингредиенты)*. Данная дефиниция соответствует определению кондитеронима.

В русской лингвокультуре до XVIII в. окончание трапезы завершалось «постольями», которые чаще называли «заедками» – это устаревший кулинарный термин, который обозначал сладкие блюда или лакомства, подаваемые в конце трапезы, после основного блюда, то есть десерт.

На Руси в качестве заедок подавали орехи (фундук, завезённые из Греции царские орехи, которые теперь называют грецкими, чилимы – водяные орехи, миндаль, фисташки), калёные каштаны, фрукты, кисели, цукаты на меду, пастилу. В период постов готовили левашы – тонкие лепёшки из толчёных ягод, которые раскатывали и сушили в печи. В кулинарных рецептах С. А. Толстой «Обед для Льва» левашы получили название «вздохи Николая» по имени яснополянского повара Н. М. Румянцева, который начинял левашники вареньем и надувал их с углов воздухом, за что левашники получили такое название².

¹ См.: Pêche Melba // Escoffier G. Aug. Le guide culinaire. P.: Flammarion, 1906. P. 968.

² См.: Толстая С. А. Обед для Льва. Кулинарная книга рецептов Софьи Андреевны Толстой. М.: Центрполиграф, 2016. С.15.

В современном русском языке слово «заедки» почти не используется в силу распространения заимствованного из французского языка слова «десерт», под которым нередко понимают кондитерские изделия. Во французской и итальянской лингвокультурах в качестве десерта подают поднос или блюдо с разными видами сыров в отличие от русской лингвокультуры, в которой сыр редко относят к десертам. В связи с этим появляется необходимость определения десертонимов как лингвокультурных единиц, обозначающих названия десертов, и кондитеронимов как лингвокультурных единиц, обозначающих названия кондитерских изделий. Возникает вопрос о соотношении кондитеронимов и десертонимов и их гиперо-гипонимических взаимоотношениях. Как показали результаты словарных дефиниций исследуемых лингвокультурных единиц в диахронном и в синхронном планах, более широким понятием является десертоним, поскольку может включать в свой состав не только название кондитерского изделия, но и название напитков. Кондитероним в качестве более узкого понятия для названия сахаристых и мучных изделий выступает как гипоним по отношению к десертониму.

В некоторых исследованиях десертонимы и кондитеронимы называют полионимами, идионимами, ксенонимами. Применение этих терминов возможно при интерлингвокультурологическом подходе, то есть в пределах одной культуры. При интерлингвокультурологическом подходе десертонимы и кондитеронимы могут быть универсальными в силу их наличия во многих существующих культурах мира: *tarte aux pommes (fr.)*, *torta di mele (it.)*, *яблочный пирог (рус.)*.

Этим и объясняется смешение понятий, относящихся к интерлингвокультурологии (культуроним, полионим, идионим, ксеноним), и лингвокультурем, которые представляют минимальные единицы лингвокультурологического анализа при выявлении культурного

кода. В данном исследовании применён лингвокультурологический анализ как наиболее адекватный тип анализа для обнаружения культуруносных сем кондитеронимов в иноязычных лингвокультурах на материале французского, итальянского и русского языков.

Отличительным признаком лингвокультуры является принадлежность только одной лингвокультуре: *crème Chantilly* (fr.) (крем Шантийи), *tiramisu* (it.) (тирамису), пастила (рус.). При переходе в иноязычные лингвокультуры лингвокультура подвергается межкультурной адаптации, сохраняя при этом свою монокультуральность: французский кондитероним-лингвокультура *macaron* (восходит к итальянскому глаголу *ammassare* – разбивать, раздавливать, что связано со способом приготовления миндальной муки) в русском языке имеет два вида фонетической ассимиляции: *макарон* и *макарун*, что объясняется отличием парижского произнесения конечных носовых гласных звуков от произнесения в других регионах. Русский кондитероним-лингвокультура *ватрушка* во французском языке выглядит как транслитерация *vatrouchka*, а в итальянском как *torta di formaggio* (сырный торт).

Таким образом, десертонимы и кондитеронимы являются универсальными номенами, находящимися в гиперо-гипонимических отношениях. Необходимо разграничивать интеркультурологический и лингвокультурологический подходы. При лингвокультурологическом анализе выделяется лингвокультура, обладающая монокультуральностью, её ведущей отличительной чертой, а понятийный аппарат интерлингвокультурологии включает культуруноимы (общие понятия языковых единиц различных языков для обозначения элементов разных культур), которые подразделяются на полионимы (универсальные культуруноимы, свойственные многим культурам мира), идионимы (беспереводаемые языковые единицы внутренней культуры),

ксенонимы (единицы конкретного языка для наименования иноязычных культур).

Лингвокультурологический подход к анализу кондитеронимов “*pain d'épice*”, “*panforte*”, «пряник»

Предлагаемые для лингвокультурологического анализа кондитеронимы относятся к десертонимам, поскольку в сопоставляемых лингвокультурах эти кондитерские мучные изделия подаются как десерт. Этимологический и компонентный анализ кондитеронимов *pain d'épice*, *panforte*, *пряник* позволяют считать их универсальными для сопоставляемых языков, поскольку их этимоны во французском, итальянском и русском языках совпадают, ибо содержат дифференциальные семы: *épice* (фр.), *пере* (ит.), *пряности* (рус.) и *miel* (фр.), *miele* (ит.), *мёд* (рус.). Проведённый сопоставительный диахронный анализ словарных дефиниций собранного иллюстративного материала из лексикографических источников, книг кулинарных рецептов, художественной литературы и др. подтвердил сходство дифференциальных сем в трёх языках:

Le pain d'épice est un gâteau sucré, traditionnellement à base de farine (souvent de seigle), de miel ou de mélasse et d'épices comme la cannelle, l'anis, le gingembre ou le clou de girofle.

Il Panforte si chiamava infatti Panpepato, il «pan mielato».

Пряник называли в IX в. *медовый хлеб*, в Средние века завезли индийские *пряности*, которые стали обязательным, хотя и дорогостоящим ингредиентом.

Во всех трёх языках, как показал компонентный анализ, дифференциальными семами являются: *медовый хлеб* / *pain de miel* / *pan mielato*, *пряности* / *épice* / *panpepato*.

Применение лингвокультурологического подхода к кондитеронимам *pain d'épice*, *panforte*, *пряник* позволило выявить кондитеронимы-лингвокультуры в двух романских и русском языках.

Во французском языке кондитеронимами-лингвокультуремами являются *pain d'épice de Reims*, *pain d'épice de Dijon*, так как оба кондитеронима принадлежат французской культуре.

История номинации первых пряников в Европе восходит к XV в. к названию пряника из Динана *Couque de Dinant*, который распространили по Европе беженцы города, разрушенного Филиппом Добрым. Этот номен является кондитеронимом-лингвокультуремой, поскольку принадлежит бельгийской лингвокультуре, и его отличие заключается в отсутствии в словарной дефиниции при проведённом дальнейшем компонентном анализе дифференциальной семы «специи», так как первые пряники готовили без пряностей.

Название *pain d'épice de Reims* (реймский пряник) появилось в XVI в. и имеет дифференциальные семы: *farine de seigle* (пшеничная мука), *miel de prairie* (луговой мёд), *miel bâtard* (мёд разнотравья), *miel jaune de Sarrasin* (гречишный мёд жёлтого цвета), нередко сочетание трёх видов мёда в некоторых словарных дефинициях объединяется одной дифференциальной семой *miel champenois* (цветочный мёд из Шампани). В 1571 г. появилась гильдия пряничников¹, которые впервые стали добавлять имбирь, пополнивший компонентный состав лингвокультуры дифференциальной семой *gingembre*.

В XIX в. пальма первенства перешла в Бургундию к прянику *pain d'épice de Dijon*, семный состав которого утрачивает дифференциальную сему *gingembre* с заменой на сему *anis*, но включает и дополнительную дифференциальную сему *начинка из чёрной смородины*.

Кондитероним-лингвокультурема *nonnette de Dijon* (дижонская ноннетка) тоже впервые был зарегистрирован в Реймсе, производящей основой вышеуказанного кондитеронима выступает *poppe*

– *монахиня*, так как этот десерт готовили реймские монахини в период Средневековья из апельсинового мармелада; ноннетки подавали часто к шампанскому, которым до сих пор славится Реймс.

В конце XIX в. ноннетки перекочевали в Дижон с другими дифференциальными семами: *glacage*, *sirop de miel* (*сироп из чёрной смородины*), *fouffage à l'abricot*, *au cassis* (*начинка абрикосовая, из чёрной смородины*). В настоящее время ноннетки расширили свои границы, и их разновидности появились в Лотарингии, Провансе.

В итальянском языке в лингвокультурологическом микрополе кондитеронимов выделяется *panforte di Siena* (сиенский пряник), являющийся лингвокультуремой. Прародителем этого кондитеронима является *melatello*, в названии которого присутствует ядерная сема *mela* (яблоко). Лингвокультурологический анализ дал возможность объяснить появление «яблочной» ядерной семы: при приготовлении этой сладости, включающей муку, сухофрукты, орехи, добавлялась вода, в которой мыли яблоки, имевшая сильный кисловатый запах и вкус *fortis*, что нашло отражение в современном названии пряника из Сиены *panforte di Siena*, в котором «яблочная» сема оказалась в разряде скрытых сем.

В русском языке лингвокультурологическое поле кондитеронима *пряник* намного шире, поскольку в IX в. на Русь предшественник пряников *медовый хлеб* был завезён варягами. Медовый хлеб, как его раньше называли, в XII в. получил название *пряник*, в его тесто стали добавлять пряности, ставшие ядерной семой в процессе номинации этого кондитеронима. Лингвокультурема *архангельский пряник*, *городецкий пряник*, *тульский пряник* и многие другие также, как и во французской и итальянской лингвокультурах включают урбанонимы, в зависимости от места их выпекания и особенностей кулинарных рецептов.

Рамки статьи не позволяют провести подробный анализ всех типов пряников

¹ См.: Ноннетты (пряничные кексы) [Электронный ресурс] // Niksya.ru : [сайт]. URL: <https://www.niksya.ru/nonnettes/> (дата обращения: 16.08.2025).

в русском языке, поэтому предлагается остановиться на примере *тульского пряника*, который считается брендом России. Диахронный анализ позволил установить, что первое упоминание о прянике датируется 1685 г.¹ в «Писцовой книге». Словообразовательный анализ указывает на производность существительного мужского рода и наличие производящей основы *прян-* и суффикса *-ик*. Мотивированность данной лексемы помогает установить этимологический анализ, который выявляет, что ранее пряники назывались *взварами*, так как готовились из фруктовой смеси с добавлением растений, распространённых в Тульской области, а добавление мёда лежит в основе лексикализованной синтагмы *медовый хлеб*. Лишь в XVII в. привезённые из Индии пряности появились в рецептах медового хлеба, которые дали распространённое название многим региональным пряникам, этимологом которых является *пряность*. Однако необходимо разграничивать словообразовательный анализ и словопроизводственный анализ. К лексеме *пряник* был применён выше словообразовательный анализ, а *тульский пряник* может быть определён как лексикализованная синтагма только благодаря словопроизводственному анализу. Компонентный анализ лексикализованной синтагмы *тульский пряник* выявляет категориальную сему *предметности*, ядерную сему *пряность* и дифференциальную сему *сделанный в Туле*, а также скрытые семы культурологического кода *печатный, начинка*. Лингвокультурологический анализ фактического материала в ходе исследования привлёк внимание на наличие лингвокультуры *жамка*, это старинное название пряника, который готовили из остатков теста вручную. Этимологом выступает *жам-* от глагола *жамать – жать, мять*.

¹ См.: Из истории тульских пряников [Электронный ресурс] // Компания СВИТ: [сайт]. URL: https://www.tulapryanik.ru/art_hist.html (дата обращения: 16.08.2025).

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в русском языке, в отличие от итальянского и французского, есть фразеологизмы с компонентом *пряник*, ставшие соответственно лингвокультурами, например: *разгонный пряник* (подавался как намёк задержавшимся гостям) и *пряником не заманишь; без работы пряников не купишь; кнут и пряник*. У последнего фразеологизма в итальянской и французской лингвокультурах есть соответствия, но они связаны с другими образами *carota e bastone* (ит.), *carotte et bâton* (фр.) – *морковь и палка*.

Исследование соответствий фразеологизмов с компонентом «кондитероним» представляет большие перспективы, и применение лингвокультурологического подхода к изучению других кондитеронимов в других лингвокультурах будет небезынтересным для будущих исследований.

Заключение

Проведённое исследование позволило заполнить лакуну лингвокультурологического подхода к гастрономической лексике, как в теоретическом, так и в практическом планах. С применением новейших методов исследования, разработанных в Московской лингвистической школе, доказана необходимость оперирования термином «лингвокультура» как основной единицей лингвокультурологического подхода, установлены гиперо-гипонимические отношения между понятиями «десертоним» и «кондитероним». На примере лингвокультурем *pain d'épice de Reims, pain d'épice de Dijon, panforte di Siena, тульский пряник* и др. выявлена монокультуральность как ведущий фактор принадлежности кондитеронимов к лингвокультурам той или другой лингвокультуры, а также особенность наличия урбанонимов в составе лингвокультурем-кондитеронимов в качестве их отличительных признаков. Полученные результаты могут послужить основой для дальнейшего создания линг-

вокультурологических словарей кондитеронимов и десертонимов, а также для исследования фразеологического пла-

ста лингвокультурем-кондитеронимов в родной и иноязычных лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викулова Л. Г., Рянская Э. М. Гастрономический дискурс: французские лингвокультуры в диахроническом аспекте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 1 (882). С. 17–23.
2. Михайлова С. В. Гастрономические традиции в средневековой Франции // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира: материалы IV Международного научно-практического симпозиума. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2019. С. 277–284.
3. Лукьянова В. С., Москавец М. Н. Структурно-семантическая характеристика гастрономической лексики в современном англоязычном кинотексте // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110). С. 463–466. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-463-466.
4. Викулова Л. Г., Бирюкова Е. В., Попова Л. Г. Развитие сопоставительного языкознания в рамках научных школ России (на материале защит диссертационных исследований аспирантов, МГПУ, 2016–2022) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 1 (49). С. 183–194. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.16
5. Ермакова Р. А. Особенности вербализации концептосферы «ЕДА» в русском и французском языках // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов (26–28 сентября 2006 г.). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. С. 346–348.
6. Николаева Э. А. Voulez-vous du thé à la russe ou à la française? (Какой чай предпочитаете, по-русски или по-французски?) // Сборник научных трудов ежегодного научного форума «Современные культурно-социальные вызовы и трансформация идентичности»: материалы конференции «Гастрономическая культура и искусство как факторы идентичности: теоретические и методологические аспекты» (25–29 июня 2022 г.). Якутск: Северо-Восточный федеральный университет, 2023. С. 167–170.
7. Сальникова Е. Д., Кузнецова О. А. Мотивационные особенности названий кондитерских изделий в итальянском литературном языке и диалектах // Язык и культура: сборник статей XXXIII Международной научной конференции (16–17 ноября 2023 г.) / отв. ред. С. К. Гураль. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2024. С. 71–75.
8. Тер-Минасова С. Г. Другому как понять тебя? // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 96–104.
9. Маркова Е. М. Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 2. С. 152–174. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-2-152-174.
10. Кабылов Т. Б., Усманова А. М., Бактыбек кызы Н. Гастрономический код культуры в паремиологической картине мира английского, кыргызского и русского языков // Бюллетень науки и практики. 2025. Т. 11. № 1. С. 385–390. DOI: 10.33619/2414-2948/110/46.
11. Ахренова Н. А., Лунькова А. Н., Чернякова Ю. С. Искусство анализа текста. = The Art of Text Analysis. М.: Флинта, 2024. 84 с.
12. Gondolle S. Le pain d'épice, une histoire multiculturelle // RILEA: Revue Internationale des Langues Etrangères Appliquées. 2022. No. 1. URL : https://anlea.org/revues_rilea/sophie-gondolle-le-pain-de-pice-une-histoire-multiculturelle/ (дата обращения: 20.08.2025).
13. Costa Da Silva, Ferreira A. C. Il gusto e la lingua: le forme della memoria gastronomica e culturale degli italiani all'estero tra Dante e Artusi. Bologna: Fondazione Bologna University Press, 2024. P. 114–140.

REFERENCES

1. Vikulova, L. G. & Ryanskaya, E. M. (2024). Gastronomic discourse: French linguoculturemes in a diachronic aspect. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1 (882), 17–23 (in Russ.).

2. Mikhailova, S. V. (2019). Gastronomic Traditions in Medieval France. In: *Traditional Culture in the Modern World. History of Food and Nutritional Traditions of the Peoples of the World: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Symposium*. Moscow: Center for the Study of Interaction of Cultures publ., pp. 277–284 (in Russ.).
3. Lukyanova, V. S. & Moskvets, M. N. (2025). Structural and semantic characteristics of gastronomic vocabulary in modern English-language feature film. In: *The world of science, culture and education*, 1 (110), 463–466. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-463-466 (in Russ.).
4. Vikulova, L. G., Biryukova, E. V. & Popova, L. G. (2023). Enhancing comparative linguistics studies by MCU scholars (post-graduate theses, MCU, 2016–2022). In: *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (49), 183–194. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.16 (in Russ.).
5. Ermakova, R. A. (2006). Features of verbalization of the concept sphere "EDA" in Russian and French. In: *International Congress on Cognitive Linguistics: collection of materials (September 26-28, 2006)*. Tambov: Derzhavin Tambov State University publ., pp. 346–348 (in Russ.).
6. Nikolaeva, E. A. (2023). Voulez-vous du thé à la russe ou à la française? In: *Collection of scientific papers from the annual scientific forum "Modern cultural and social challenges and identity transformation": materials from the conference "Gastronomic culture and art as factors of identity: theoretical and methodological aspects" (June 25–29, 2022)*. Yakutsk: North-Eastern Federal University, 2023. C. 167–170.
7. Salnikova, E. D. & Kuznetsova, O. A. (2024). Motivational features of confectionery names in Italian standard language and dialects. In: *Language and Culture: Proceedings of the XXXIII International Scientific Conference (November 16–17, 2023)*. Tomsk: Tomsk State University publ., pp. 71–75 (in Russ.).
8. Ter-Minasova, S. G. (2021). Can one fully understand another person? In: *Cognitive Studies of Language*, 2 (45), 96–104 (in Russ.).
9. Markova, E. M. (2017). Culinary culture code in the secondary naming of the Russian and Czech languages: linguistic and methodological aspects. In: *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series, Russian and foreign languages. Methods of its teaching*, 15 (2), 152–174. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-2-152-174 (in Russ.).
10. Kabylov, T. B., Usmanova, A. M. & Baktybek kyzy, N. (2025). Gastronomic Code of Culture in the Paremiological Picture of the World of English, Kyrgyz and Russian Languages. In: *Bulletin of Science and Practice*, 11 (1), 385–390. DOI: 10.33619/2414-2948/110/46 (in Russ.).
11. Akhrenova, N. A., Lunkova, A. N. & Chernyakova, Yu. S. (2024). *The Art of Text Analysis*. Moscow: Flinta publ.
12. Gondolle, S. (2022). Le pain d'épice, une histoire multiculturelle. In: *RILEA: Revue Internationale des Langues Etrangères Appliquées*, 1. URL: https://anlea.org/revues_rilea/sophie-gondolle-le-pain-de-pice-une-histoire-multiculturelle/ (accessed: 20.08.2025).
13. Costa Da Silva Ferreira, A. C. (2024). *Il gusto e la lingua: le forme della memoria gastronomica e culturale degli italiani all'estero tra Dante e Artusi*. Bologna: Fondazione Bologna University Press, pp. 114–140.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овчинникова Галина Витальевна (г. Тула) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения; профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин Международной полицейской академии – ВПА; старший научный сотрудник Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»;
<https://orcid.org/0000-0001-9106-076X>; e-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Ovchinnikova (Tula) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Germanic and Romance Philology, Federal State University of Education; Prof., Department of Psychology, Pedagogy and Humanities, International Police Academy ARPA; Senior Researcher, The State Memorial and Natural Preserve “Leo Tolstoy Museum-Estate “Yasnaya Polyana”;
<https://orcid.org/0000-0001-9106-076X>; e-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

Original research article

УДК 81'55

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-6-123-136

ON LINGUISTIC AND CULTURAL IDENTITY REPRESENTATION IN ENGLISH DICTIONARIES

S. Ter-Minasova¹, O. Vishnyakova^{1*}, E. Vishnyakova²

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

² *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation*

* *Corresponding author, e-mail: ol-vish@mail.ru*

Received by the editorial office 28.08.2025

Revised by the author 15.09.2025

Accepted for publication 17.09.2025

Abstract

Aim. The investigation refers to the area of English lexicography in terms of linguistic and cultural meanings representational specifics in dictionaries of different types. The objective of the research in question concerns ways of manifestation of cultural identity characteristics in dictionary materials.

Methodology. The research is based on complex methodology, which comprises descriptive, contextual, conceptual and comparative approaches to language and speech phenomena in reference to linguistic meanings semantic and linguoculturological analysis, with special attention to the process of linguistic units' representation in dictionaries of different types.

Results. Dictionaries as the source of linguistic and cultural information possess the ability to express linguocultural identity characteristics as referred to the English-speaking community. In accordance with their functional purposes and strategic principles of linguistic material arrangement different types of dictionaries present the information concerned, either explicitly or implicitly, with the phenomenon of linguocultural identity, in different ways, including the 'user's perspective' application as of the recent approaches in lexicographic activity.

Research implications. The paper opens new perspectives in lexicographic sources investigation with respect to the problem of national identity significant characteristics manifestation and their registering in dictionaries, including the users' perspective approach, which lies in the field of comparative analyses of languages and cultures, and their conceptual bases.

Keywords: lexicography, English, linguistic and cultural identity, cultural context, non-equivalent vocabulary

For citation:

Ter-Minasova, S. G., Vishnyakova, O. D. & Vishnyakova, E. A. (2025). On linguistic and cultural identity representation in dictionaries. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, 123–136. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-123-136>

Научная статья

К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Тер-Минасова С. Г.¹, Вишнякова О. Д.^{1*}, Вишнякова Е. А.²

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

² Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор: e-mail: ol-vish@mail.ru

Поступила в редакцию 28.08.2025

После доработки 15.09.2025

Принята к публикации 17.09.2025

Аннотация

Цель. Данное исследование посвящено рассмотрению специфики репрезентации языковых значений и культурных смыслов в англоязычных лексикографических источниках различных типов. В работе рассматриваются способы отражения культурной идентичности в материалах словарных источников.

Процедура и методы. Исследование осуществляется на основе комплексного подхода, который включает дескриптивный, контекстуальный, концептуальный, сопоставительный виды анализа явлений языка и речи, их семантических и лингвокультурологических аспектов, с особым вниманием к способам фиксации языковых значений в словарях различных типов.

Результаты. Словарь как источник языковой и культурной информации обладает способностью к отражению определённых черт культурно-языковой идентичности англоязычного социума. В соответствии со своим функциональным предназначением и стратегическими принципами организации языкового материала различные типы словарей представляют информацию, непосредственно или опосредованно относящуюся к феномену лингвокультурной идентичности, различными способами, включая применение «перспективы пользователя» в рамках одного из современных подходов в лексикографической деятельности.

Теоретическая и практическая значимость обусловлена тем, что работа открывает новые перспективы в изучении лексикографических источников в плане выявления наиболее значимых черт национальной идентичности и их фиксации в словарях, в том числе с учётом «перспективы пользователя», на основе сравнительно-сопоставительного подхода к анализу языков и культур и их концептуальных оснований.

Ключевые слова: лексикография, английский язык, лингвокультурная идентичность, культурный контекст, безэквивалентная лексика

Для цитирования:

Тер-Минасова С. Г., Вишнякова О. Д., Вишнякова Е. А. К вопросу о репрезентации лингвокультурной идентичности в англоязычных словарях // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 6. С. 123–136. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-6-123-136>

Introduction

At present the problem of cultural identity is one of the most painstaking issues as the society has taken the path of multiculturalism and globalization, being represented at all language levels. As for the English-speaking community, it is characterized by cultural and linguistic diversity, which causes the emergence of new approaches to the process of national identity formation. One of the most significant characteristics of the English language at the moment is its continuing spread as the language of international communication, which is manifested in a number of changes within its structural, semantic and functional spheres and which in the course of time finds its representation in dictionary materials. In various domains of its application as an international language, based on the idea of equality of variants and multiplurality, the awareness of its heterogeneity and the ability to be used in multilingual contexts are in the spotlight, first and foremost from the point of view of its wide dissemination [1, c. 184–198]. As an international language it circulates due to the fact that many individuals within the world are acquiring and constantly using it, rather than its speakers moving and migrating: “There are many more speakers of World Englishes and people who use English for international communication than there are native speakers of it” [2, p. 1]. It should be mentioned that besides other factors the phenomenon in question directly corresponds to the development of global internet culture in various communicative spheres [3], where English plays the most important role and which contributes to the emergence of new interpretations of linguistic and cultural identity issues in the multicultural English-speaking world. The ways of the notion of cultural and linguistic identity understanding are subject to transformations reflected in language, both in the specifics of its use and in the abilities of the linguistic meanings to be realized in actual speech and to be recorded in lexicographic sources. Otherwise stated, the question that arises in this connection concerns

modes of representation of linguistic meanings in different types of English dictionaries in terms of the abilities of the lexicographic sources in question to manifest the English-speaking community linguistic and cultural identity characteristics. The issues under analysis refer to algorithms and strategies of linguistic units’ lexicographic fixation according to certain types of dictionaries and the ways linguocultural identity characteristics are manifested in them. One more very important point to be discussed is the English language lexicographic description in terms of linguistic and cultural diversity as the development of identity issues is by no means connected with socio-historical context of its existence.

Thus, the fact that English-speaking people are using more and more varieties of English refers to the problem of identifying a native speaker of English in terms of linguocultural identity characteristics elicitation. The phenomenon under analysis deserves separate discussion at linguistic, cultural and interdisciplinary levels. For example, while trying to define a native speaker of English one comes across a great variety of interpretations: “For some, an essential feature of a native speaker is that English must be the first language learned; for others, to be a native speaker involves the continued use of English in that person’s life; for still others, being a native speaker assumes a high level of competence in English” [4, p. 29]. “Longman Dictionary of English Language and Culture” represents the notion in question as “a person who has learnt (a particular language) from birth, usually as a result of having parents who speak it and living in a country where most people speak it: *a native speaker of English / an English native speaker / native speaker-English*”¹. As Joseph J. Lee writes, when compared with non-native speakers, “native speakers have other verbal as well as nonverbal communication skills that enable them to communicate effortlessly

¹ Longman Dictionary of English Language and Culture. Essex, England: Longman, 2006. P. 932.

ly, in most instances, with other participants in communication exchanges, within appropriate sociocultural contexts" [5]. The author has identified six fundamental defining features of a native speaker, who represents a certain national identity: an early childhood language acquisition and maintaining the use of the language, intuitive knowledge of the language possession, the ability to produce fluent, spontaneous discourse, communicative competence possession, including communication within different social environmental circles, the ability to identify and be identified by a language community, lack of foreign accent [Op. cit.].

As far as linguistic and cultural identity issues are concerned, the research in the field tends to be discussed in terms of epistemological investigation, based on linguoculturological and socio-psychological approaches. Linguistic and cultural identity is referred to the area of cognitive linguistics, which means that it concerns a particular way of thinking and should be considered a mental representation that reflects a certain worldview, thus being a cognitive phenomenon [6].

In the course of the investigation experts in the field come to the conclusions that such categories as "linguistic and cultural identity", "linguistic personality" and "discourse" are intertwined issues, which by no means should be taken into special consideration. As has been already mentioned, one of the basic notions in question is linguistic and cultural diversity that requires special attention to cultural, social and religious differences that play a prominent role in a personality structural development in the modern world as they determine and serve as the basis for a linguistic personality evolution. The conception of a person's identity can be analyzed and illustrated by using a three-dimensional scheme of existential personality vectors, as the category under consideration is subject to be discussed first and foremost in terms of sociolinguistic approach [7]. Linguists state that language is the basic sign of national, linguistic and cultural identity [8],

thus being part of it. For example, S. Hamidi writes that "language is integral to cultural identity. It is how humans communicate, express themselves, convey meaning, and get their messages across. It is the medium through which people express their cultures and values. Language and culture are inter-related, with culture forming language while language reflects culture. In addition, culture is affected by the shared experiences of individuals, their civilization, and history, while the varying needs of a particular culture shape language" [9].

It is a well-established fact that every language is unique as well as the system of traditional values for each linguocultural community manifested by cultural concepts, encoded within language [10; 11; 12]. Linguocultural identity tends to appear at all levels of language representation in various discursive practices. It encompasses individual linguocultural characteristics, at the same time indicating which linguistic cultural community the individual belongs to.

When discussing areas of linguocultural identity manifestation, we precede from the premise that not only discursive characteristics of the surrounding reality and direct communicative process in which essential and significant details are revealed, should be taken into consideration but also the whole thesaurus of linguistic material accumulated and preserved in particular formats. Thus, not only linguistic, or rather linguocultural personalities within their social and linguistic behaviour are subject to investigation but also the language they use in particular ways and situations according to certain rules that correspond to systemic and functional aspects of a certain language [13] as well as concepts they are based on, the latter including universal and cultural specific ones. Otherwise stated, the problem of linguistic and cultural identity representation is closely connected with the way the information, on the basis of which the notion in question can be distinguished and identified, is gathered, fixed and described in order to be used to increase and create knowledge.

The process under consideration also refers to the conception of language change as “change within a LANGUAGE over a period of time, seen as a universal and unstoppable process”¹. Thus, the information about language is subject to change and should be recorded with maximum accuracy in a timely manner. This information directly concerns the personalities who use it and the way they use it as representatives of certain linguocultural identities.

As we turn to the domain of language we immediately discover that it is lexical meaning that comes first in linguocultural identity linguistic representation, and this should be taken for granted because lexical meaning refers to the actual content of mental structures that reverberate the world around us, which brings to life the sphere of nomination in language [14]. N. B. Gvishiani states that languages possess certain mechanisms to regulate the amount of conceptual material, which can be comprised by a lexical item on the basis of a number of parameters in terms of linguistic units correspondence with fragments of conceptual world [15, c. 122].

D. Crystal writes that the issue of meaning with respect to language evokes reference to non-linguistic factors, such as “thought, situation, knowledge, intention and use”². O. S. Akhmanova and her disciples consider the notion of linguistic meaning in terms of reflection of an object of reality in human consciousness that becomes a fact of language due to its constant and inseparable connection with the sound form, in which it is realized [16, c. 90-91; 17, c. 11-19]. It would not be an exaggeration to say that dictionaries are the most reliable source of information about linguistic meaning in terms of its status and development, which reflects linguistic and cultural situation in a community being part of the reality represented

in human mind and verbalized by language. Language registered and described in dictionaries at the level of meanings serves an indication of linguocultural identity essentials and peculiarities, which are manifested in culture, social and linguistic behaviour, with all significant details and nuances involved.

The Role of Lexicographic Sources in Linguistic and Cultural Identity Characteristics Representation

As is generally assumed, the appropriateness, validity and adequacy of a dictionary as well as its typological relevance and objectivity of the information provided are considered significant criteria in terms of lexicographic sources creation. The development of methods of compiling a lexicographic source is obviously associated with the analysis of linguistic meaning and peculiarities of linguistic units' realization in actual speech contexts. As has been mentioned above, the linguistic cultural and epistemological aspects of lexicography are concerned with such phenomena as linguistic and cultural knowledge interaction, as well as conceptualization of the world and cognitive context manifestation [18]. Cultural awareness as well as cultural sensitivity are very important categories with respect to a dictionary compiling process. As D. Crystal writes, cultural awareness “is a tricky area to explore objectively, for there are cultural sensitivities to be respected, in such areas as gender, politics, and religion, and the history of this field is littered with unpremeditated offence. On more than one occasion, a dictionary has been banned in a particular part of the world because its cultural definitions caused upset – Longman Dictionary of Language and Culture is one I recall...” [19].

The validity of contemporary languages dictionary material necessarily depends on timely recording and registering information into a lexicographic source taking appropriate linguistic and extralinguistic contexts into account. Semantic changes of words that subject to lexicographic representation in-

¹ Language change // Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics; 6th ed. Oxford: Blakcwell Publishing, 2008. P. 266–267.

² meaning (n.) // Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics; 6th ed. Oxford: Blakcwell Publishing, 2008. P. 298.

volve the researcher or dictionary compiler into the new sphere of the analysis, associated with new words emergence, including mutual influence of speech usage and extralinguistic factors determination: "When a language is adopted by a community, it is immediately adapted to meet the communicative needs of its culture, and hundreds of new words and expressions soon arise, along with pragmatic variations in such areas as politeness, topic choices, and forms of address. It is a fascinating and neglected area of study, where the issues are only to increase as time goes by" [Op.cit.]. V. I. Zabotkina writes that the process of "Worten den Welt," or the verbal nomination act, is aimed at capturing or fixation of human activity fragments in the individual and collective world view and lexicon [20]. In this regard, on the one hand, a new word that appears in a language (for example, English) may possess a temporary connotation of novelty, as long as the collective linguistic consciousness reacts to it as something new, and on the other hand, for people whose native language and culture are not English, the words under discussion can retain their novelty for quite a long time [20, c. 97]. Thus, the problem of close relationship between nominative and communicative activity arises, which largely determines the process of a word's entry into a language, frequency of occurrence and, accordingly, its dictionary representation, with respect to its cultural aspect and linguistic personalities identity references.

The phenomenon of linguistic and cultural knowledge interaction brings to life various transformations in human consciousness that occur under the influence of changes in the surrounding reality. Traditionally, lexicographic activity can be discussed in terms of two basic aspects: the practical work of creating various types of dictionaries and theoretical basics of the vocabulary choice as well as the material arrangement strategic principles elaboration. As has been stated, cultural and conceptual factors are to be taken into special consideration with reference to definitions, contextual

environment features, illustrative phraseology and commentary presentation. Linguistic and cultural knowledge manifest themselves as independent and closely interacting foundations of the process under analysis – they both determine and are both reflected in the choice and arrangement of the vocabulary material. The epistemological aspect of lexicographic activity is highly relevant for dictionaries of various types depending on what cultural and linguistic information is needed for this or that type of dictionary. The information contained in lexicographic sources may serve as a factual foundation for knowledge formation, its extension and further transfer into other cultures. In other words, the study in question contributes to the development of special domains of lexicography and opens up new prospects in identifying the role of language in preserving and passing on information regarded as the foundation for knowledge structures forming. This approach helps to convey information to the addressee and create inferential prerequisites that stimulate the process of new knowledge creation and formulate evaluative manifestations based on inferential knowledge.

The analysis of lexicographic sources creation process is the subject of a number of scientific investigations, which examine basic characteristics of dictionary typology and highlight general problems of lexicography [21; 22].

Dictionaries oriented towards the user's perspective should include appropriate explanations and are designed to ensure adequate interpretation of meanings and successful potential communication with the compiler [23]. R. Lew makes an attempt to discuss the following questions that concern dictionaries and their users: "Who are dictionary users?", "What do users use dictionaries for and how do we envisage the purpose of dictionaries?" and describes typical situations and contexts, in which a dictionary is needed. The author pays special attention to the design of a dictionary suitable for the user [24].

As is mentioned above, one of the advantages of any dictionary of a modern language is timely recording linguistic facts that refer to the emergence of new words and new meanings under the influence of cultural changing and linguistic specifications. When discussing linguocultural identity issues with respect to dictionary typology one should face with monolingual linguocultural (LCD) and bilingual or even multi-lingual country studies linguistic and cultural dictionaries (CSLCD). As the name of the latter suggests, a dictionary of this type should be considered a source of lexicographic information about language and culture in reference to a certain country, with respect to both (including the language of the user) cultures presented and their conceptual spaces incorporated. Linguistic and cultural information related to certain characteristics of a particular country (its political, economic and educational structure, basic cultural aspects, cultural values included, historical information, the population lifestyle, geography, etc) is under discussion within this area of lexicographically recorded knowledge. In this case special attention is deserved by dictionaries that contain information about the state of language and culture of one particular country, or sometimes simultaneously relate to linguocultural situations in several countries¹. The dictionaries in question are in great demand with learners of other origins, whose, for example, professional expertise may refer to more complex structures than just bilingual mentality, which requires compatibility and specifications with respect to one's own conceptual and cultural basis no-

tions. A dictionary of this kind reflects specificity of a given culture as well as linguistic consciousness peculiarities, thus serving the national cultural and linguistic identity representative.

The process of compiling a monolingual linguocultural dictionary (LCD) or a dictionary of the mentioned above CSLCD type is based on the assumption that linguistic and cultural knowledge are closely interwoven, which is reflected in objectification of a linguistic meaning and the way it is registered at the level of lexicographically determined interpretation of cultural and linguistic facts. Explanations and commentaries aimed at conveying information of both linguistic and extralinguistic character should be taken into special consideration in the course of using the dictionaries under analysis. It is a well-established fact that as a rule an CSLCD is compiled as a bilingual dictionary that combines properties of a traditional bilingual dictionary and an encyclopedic source, reflecting the main specificity of linguistic cultural studies concerned with a number of corresponding academic disciplines. The dictionary users become more proficient in different linguistic and cultural knowledge possession, thus enriching their own informative and intellectual basis as well as taking certain steps in understanding other languages, cultures and linguocultural identities. Furthermore, they contribute to veracious and reliable interpretation of one's native conceptual basis compared with fundamental concepts of other cultures, some constituted by universal entities, in mutual connection with their linguistic representations.

With respect to linguistic and cultural content both CSLCD and LCD undoubtedly possess certain features of an educational dictionary, especially the former, due to presentation of two or more languages material, which can be used as a reference source for a wide range of tasks performance, including translation and transference of non-equivalent vocabulary units into a different cultural and linguistic environment. The al-

¹ To illustrate the point the following examples of different types of dictionaries can be adduced: Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь / под общ. рук. В. В. Ощепковой и А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. 216 с.; Америка: англо-русский лингвострановедческий словарь / под ред. и общ. рук. Г. В. Чернова. Смоленск: Полиграмма, 1996. 1185 с.; Ощепкова В. В., Шустилова И. И. Краткий англо-русский лингвострановедческий словарь: Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. М.: URSS, 2001. 176 с.; Томашин Г. Д. США. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1999. 576 с.

gorithm of dictionary information recording as well as its factual content structure can be considered the pivotal point in the course of linguocultural identity elicitation, which concerns both native and non-native users.

Otherwise stated, the field of the investigation in question refers to the notion of transferability, concerned with the ability of the original linguistic meaning in one linguocultural space to be transferred into another linguocultural space, taking into consideration a so-to-speak reduced form (or potential form) of a certain invariant that is conditioned and accompanied by a trans-subject semantic transfer, determined by corresponding conceptual foundation constraints. Experts state that the explication of this phenomenon concerns a total set of cognitive and linguistic procedures that serve to transfer the original subjective meaning of a linguistic unit in question to a different linguistic, cultural and conceptual area, which stimulates discovering a certain correspondence between the linguistic means aimed at designating the meanings in question in both cultures [25]. This conception may be well referred to Anna Wierzbicka's semantic primitives' theory as well as some other investigations in the field [26]. As is well-known, one of the purposes of CSLCD is to convey non-equivalent vocabulary by means of another language, which presents a difficult task for the lexicographer to transfer a concept expressed by means of a certain linguistic unit into another culture.

The traditional ways words are registered and described in dictionaries tend to elucidate specificities of their linguistic meanings in corresponding contexts as well as linguocultural conditionality of their actualization, which in some cases refer to certain linguistic personalities, which may serve as the embodiment of linguocultural identity characteristics. It should be noted that non-equivalent vocabulary, which seems to be familiar to all the speakers of English in a great majority of cases may turn up to be unrecognizable to its users – speakers of other languages, which especially concerns

some semantic peculiarities and cultural nuances, first and foremost due to the varieties existence factor. The illustrative material that follows contains a number of examples taken from lexicographic sources reflecting current trends in the Australian and New Zealand societies, which are characterized by an abundance of national and cultural realia, occasional words and abbreviations, sometimes actualized in particular contexts accompanied by special connotations that express attitudes and emotions, including national cultural peculiarities.

The ways and strategies linguistic units are presented in the following dictionaries differ according to their functional purposes and the amount of cultural and linguistic information to be conveyed, which corresponds to the goals of a particular dictionary. The most important aspect of the study in this case is the factor of addressee, whose level of cultural and linguistic knowledge the author-lexicographer is supposed to be guided by and present the data in a clear and accessible manner, providing the dictionary user with all the necessary tools for correct understanding of dictionary information. This implies the need to align the conceptual systems basics that underlie the process of a lexicographic source creation with those of its user, who is supposed to interpret the presented information with the highest possible degree of adequacy. In this respect, dictionaries with a linguocultural focus are close to educational dictionaries.

A dictionary, as a reflection of the value and cultural orientations of a society, represented in linguistic meanings, serves as a repository of its linguistic and cultural heritage, embodying values, traditions, and beliefs as well as transformations occurring within the society in the course of time. All of the components in question underlie the process of cultural and linguistic identity formation, that is, a conscious understanding of belonging to a particular cultural and linguistic community, characterized by certain conceptual foundation. It should be emphasized that this refers both to the con-

tent and amount of information recorded in a dictionary, including its conceptual basis that refers to linguistic and cultural competence of its users. Thus, passing on to the lexicographic material we will try to demonstrate the ways dictionaries present the information in terms of diversity in conceptualization and the world view characteristics manifestation.

For example: “flying fox An arrangement of ropes connected to pulleys and a small platform that allows a person or goods to cross water or a gully when no conventional bridge is available. The names come from the Pacific Ireland fruit bat, in spite of the comparatively large size and furry appearance, can fly and float quite easily”¹. The linguistic unit under consideration is realized in a figurative meaning and can be identified as part of the New Zealand cultural linguistic space as related to New Zealand slang. At the same time in CSLCD the unit under analysis is registered in its direct meaning and represents a concept related to the sphere of wildlife: “flying fox ... flying fox (Pteropus; large bat; head resembles a fox; feeds on fruits and flowers; lives in the east of Australia and the islands of the Pacific Ocean)” – “flying fox ... летучая лисица (Pteropus; крупная летучая мышь; голова напоминает лисью; питается фруктами и цветами; обитает на востоке Австралии и о-вах Тихого океана)”². In “Longman Dictionary of English Language and Culture” it is represented by such dictionary entries as “flying fox a FRUIT BAT” and “a large type of flying animal (BAT) that lives in hot countries and feeds on fruit”³, where a direct objectified nomination of a given object of reality is registered, with reference to the territorial and fauna peculiarities of its population.

¹ Cryer M. The Godzone Dictionary of favourite New Zealand words and phrases. Auckland: Exisle Publishing Ltd, 2006. P. 64.

² Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь = Dictionary of Australia and New Zealand / под общ. рук. В. В. Ощепковой и А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 96.

³ Longman Dictionary of English Language and Culture. Essex, England: Longman, 2006. P. 528, 556.

The next example concerns the word “Afghan” that is represented in a monolingual LCD in its direct meaning: “someone who comes from Afganistan”⁴. There is one more nomination, semantically derived from it that concerns the meaning “Afghan hound” – “a tall thin dog, originally used for hunting, with a pointed nose and very long silky hair”⁵. The next meaning registered in the dictionary is a figurative one, which partially and implicitly concerns with cultural traditions of Afghani; “a warm cover for a bed made of wool knitted in colourful patterns”⁶. In the bilingual CSLCD the unit in question is defined as “уст. погонщик верблюдов (*погонщики верблюдов, приехавшие в конце XIX в. в Австралию из Афганистана, Египта, Ирана, Турции и др. стран; работали в основном в засушливых р-нах континента*)”⁷, which should be regarded as the reflection of social-historical characteristics of Australian culture, including territorial and climatic determination of linguistic meanings interpretation. As for the New Zealand cultural linguistic community, the unit “afghan”, alongside its customary meanings, represents a figurative notion that to some extent reflects its lifestyle and way of living, on the one hand, and the specifics of nomination, traditionally based on ready-made models and lexemes, on the other: “This crunchy, chocolate biscuit, usually containing cornflakes, and topped with rich chocolate icing and a walnut, has been popular in New Zealand since the 1930s. The name apparently refers to dark colour”⁸. It is an interesting fact that for New Zealand society the use of anthroponymic nomination

⁴ Longman Dictionary of English Language and Culture. Essex, England: Longman, 2006. P. 19.

⁵ Op. cit.

⁶ Op. cit.

⁷ Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь = Dictionary of Australia and New Zealand / под общ. рук. В. В. Ощепковой и А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 27.

⁸ Cryer M. The Godzone Dictionary of favourite New Zealand words and phrases. Auckland: Exisle Publishing Ltd, 2006. P. 9.

is typical, for example, in the field of cooking or other everyday spheres [27].

One more example from the monolingual LCD, which presents the New Zealand material, is the abbreviation borrowed from British English. It can serve as the illustration to the widely spread New Zealand tendency to optimize and minimize linguistic expressions at all levels, supplying them with various functions and meanings, including nationally and locally coloured: “aggro *abbrev.* A combination of aggravation (made worse, intensified) and aggression (over-readiness to attack), this contracted abbreviation came into use in the 1960s to indicate annoyance and exasperation. The meaning of aggro has both widened and weakened: it can indicate either a potential street fight, or something as minor as a person being a few minutes late, thus causing aggro to the person waiting”¹. “Longman Dictionary of English Language and Culture” suggests the definition that is characterized by more general meaning, belonging to a certain layer of language, thus providing it with a special note about its slang status: “*BrE* trouble, especially fighting, for example, between groups of young people; used especially of the behaviour of young aggressive men, who enjoy fighting”².

The following example of abbreviation taken from the New Zealand dictionary is the unit “FOB”, in which the historical, linguistic and cultural specifics of the society in question is mirrored. The unit gives the base for its further abruption, which is marked stylistically, demonstrating its further functional semantic development: “*abbrev.* Of fresh of the boat (pronounced as fob). Pacific Island immigrants who have recently come to live in New Zealand. Originally pejorative, the term was later adopted by Pacific Islanders themselves and used positively, even, in recent years, as the name of a play and a concert. A contracted form is sometimes used: freshies”³. As for the original linguistic unit,

by analogy with which the abbreviated New Zealand expression appeared, thus renewing its motivating characteristics, it concerns an absolutely different area of human activity in its meaning and functional application: “adj. abbrev. for free on board; an expression used in business to state the price of goods at the place from which they are sent to other places. This does not include the cost of transport from that place to the buyer: *All the new car prices are quoted FOB Detroit*”⁴.

Otherwise stated, the information presented in dictionaries under discussion illustrates differences in lexicographic fixation in terms of their structure and content, which reflects differences in conceptualization with respect to various English-speaking communities. At the same time the differences under consideration refer to different linguistic cultural identities that represent different linguistic, cultural and conceptual world-view varieties.

As has been stated above, the appropriateness of including regional, territorial, colloquial, occasional, and abbreviated units into a dictionary is also in the focus of special attention of linguists, depending on the dictionary mission and functional assignment, including its educational purposes. This problem arises in connection with the new stage of language's existence, caused by the emergence of artificial intelligence and new cultural traditions of speech behaviour, as well as new trends in conceptualizing the world in the representatives of various social, cultural and multicultural groups' consciousness.

Conclusion

In the course of the analysis we have come to the conclusion that in a sense dictionaries serve as the source of linguistic and cultural identity representation. This is due to the fact that they contain evidence-based and conceptually sound information about

¹ Op. cit.

² Longman Dictionary of English Language and Culture. Essex, England: Longman, 2006. P. 22.

³ Cryer M. The Godzone Dictionary of favourite New

Zealand words and phrases. Auckland: Exisle Publishing Ltd, 2006. P. 965.

⁴ Longman Dictionary of English Language and Culture. Essex, England: Longman, 2006. P. 529.

language and its use in actual speech in various situations and cultural contexts, which makes it possible to identify the specificity of a linguistic personality as the subject of its embodiment and as the representative of linguocultural identity in question.

Transformations and changes within the language sphere, most of which depend on transformations within human society are to be registered in dictionaries in a timely manner and thus new trends in the linguocultural identity development are captured, recorded and preserved. This is especially important in terms of registering lexical meanings subject to various kinds of alteration.

Thus, beside the validity and adequacy of linguistic and cultural material presentation within a dictionary the impetus of the compiler is determined by the necessity to pass the information, both explicitly and implicitly, that concerns linguocultural identity features manifestation. The linguistic and cultural information presented and analyzed concerns identity characteristics' conceptual basics that underlie the English-speaking community world view formation and refer to cultural and linguistic behaviour typical of a certain part of the community in question. Within the scope of a dictionary the linguistic manifestations of the issues above are organized according to certain strategies accepted in particular lexicographic sources, correspondingly reflecting and highlighting linguocultural identity peculiarities of a certain society by means of linguistic meanings and their most significant linguocultural features representation.

The analysis has shown that as dictionaries of different types represent information in different ways in accordance with their strategic orientation and functional purposes, the ways of linguocultural identity characteristics manifestation, though similar in many of their general aspects, are characterized by a number of nuances as far as the choice of the material is concerned as well as the conceptual foundations of some basic strategies implementation. For example,

dictionaries oriented to both linguistic and cultural approach include many of the units with national cultural component, linguistic and cultural realia, ethnonyms, some of them vividly reflecting linguocultural identity features of the society under analysis, with special attention to cultural code manifestation and world perception national peculiarities.

In dictionaries that concern with general language fixation much attention is given to the units that serve to represent the core of a concept, often actualized in a similar way in the whole English-speaking community space. In dictionary entries the information contains the example of use, most common synonyms, sometimes supplied by linguistic and cultural information, which accompanies the information on the linguistic unit usage peculiarities, and can be often connected with other units registered in the same dictionary, either semantically or conceptually. As for linguistic and cultural identity properties manifestation, it should be noted that the description of this phenomenon goes beyond the scope of this type of dictionary thus being a secondary task, although in some cases it contains linguocultural information that may be of some interest from the point of view of identity representation.

In a number of cases illustrative phraseology and corresponding contexts or commentaries may also serve the purpose.

As far as a bilingual (or multilingual) dictionary it is important to emphasize that its authors should be oriented towards conceptual differences in linguocultural identities of native speakers and non-native speakers, taking into account the factor of addressee who would presumably use the dictionary, thus corresponding to the user's perspective conception, which associates with educational dictionary compiling principles. This approach constitutes the integral part of the modern dictionary creating approach, which helps to achieve compatibility of people of different identities with respect to their conceptual spheres and world view peculiarities.

REFERENCES

1. Aleksandrova, O. V., Akhrenova, N. A., Bakhtiozina, M. G. et al. (2023). *World languages and cultures as an object of philological investigation*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
2. Kirkpatrick, A. (2007). *World Englishes. Implications for international communication and English language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Akhrenova, N. A. & Zaripov, R. I. (2023). Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (3), 801–817. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-801-817.
4. McKay, S. L. (2002). *Teaching English as an International Language: rethinking goals and approaches*. Oxford: Oxford University Press.
5. Lee, J. J. (2005). The Native Speaker: An Achievable Model? In: *Asian EFL Journal*, 7 (2), 152–163.
6. Sedykh, A. P., Emanuele, V. & Kugan, E. I. (2022). Linguistic and cultural identity: epistemological review. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (3), 20–37. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-2.
7. Karasik, V. I. (2020). Social and linguistic identity: dynamics, virtualization, modeling. In: *Russian Language Abroad*, 1 (278), 31–37. DOI: 10.37632/pi.2020.278.1.006 (in Russ.).
8. Crystal, D. (2000). *Language death*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Hamidi, S. (2023). The Relationship between Language, Culture, and Identity and their Influence on One Another. In: *Teaching Foreign Languages and Linguistic Studies : Referred Research Papers of 4th International Conference (Marmara University, Turkey, December 14th & 15th, 2023)*. Ankara: UZUN DİJİTAL MATBAA, pp. 40–59.
10. Maramukova, E. V. (2024). Linguistic projection of ethnospecific information in languages with different structures. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 3, 43–53. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-3-43-53 (in Russ.).
11. Ter-Minasova, S. G. (2008). *Language and intercultural communication*. Moscow: Moscow University Press publ. (in Russ.).
12. Wierzbicka, A. (2003). *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter.
13. Vishnyakova, O. D. & Ivanova, O. A. (2025). Comparison in the author's fairy tales by F. Tegetthoff as part of the German-speaking society worldview. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, 79–92. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-79-92 (in Russ.).
14. Aleksandrova, O. V. (2023). The surrounding world: its codification and decodification. In: *Cognitive Studies of Language*, 5 (56), 15–18 (in Russ.).
15. Gvishiani, N. B. (2025). *Modern English: Lexicology*. Moscow: Yurait publ. (in Russ.).
16. Akhmanova, O. S. (1957). *Essays on General and Russian Lexicology*. Moscow: Uchpedgiz publ. (in Russ.).
17. Aleksandrova, O. V. & Vishnyakova, O. D. (2025). The problem of meaning in the works of O. S. Akhmanova in terms of expanding the boundaries of research. In: *Theoretical foundations of modern English studies*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
18. Vishnyakova, O. D., Lipgart, A. A. & Lebedeva, I. L. (2025). Linguistic and Cultural Knowledge Interaction as a Basis for Country Studies Linguistic and Cultural Dictionary Compiling. In: *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44 (2), 336–346. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-2-336-346 (in Russ.).
19. Crystal, D. (2017). My priority for the next 50 years: An online cultural dictionary. In: *Training, Language and Culture*, 1 (1), 14–27. DOI: 10.29366/2017tlc.1.1.1.
20. Zabotkina, V. I. (2012). *Word and Meaning*. Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russ.).
21. Fillmore, Ch. J. (1985). Frames and the semantics of understanding. In: *Quaderni di Semantica*, 6 (2), 222–254.
22. Fillmore, C. J. & Atkins, B. T. S. (1994). Starting where the dictionaries stop: The challenge for computational lexicography. In: Atkins, B. T. S. & Zampolli, A. (eds.). *Computational Approaches to the Lexicon*. New York: Oxford University Press, pp. 349–393.
23. Hartmann, R. R. K. (ed.) (1983). *Lexicography: Principles and Practice*. London: Academic press.
24. Lew, R. (2015). Dictionaries and Their Users. In: *International Handbook of Modern Lexis and Lexicography*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. DOI: 10.1007/978-3-642-45369-4_11-2.

25. Vishnyakova, O. D. & Lipgart, A. A. (2024). Transferability and conceptual analysis as linguocognitive constituents of translation process. In: *Cognitive studies of language*, 2-2 (58), 276–279 (in Russ.).
26. Wierzbicka, A. (2021). “Semantic Primitives”, fifty years later. In: *Russian Journal of Linguistics*, 25 (2), 317–342. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342.
27. Vishnyakova, O. D. (2015). The language sign in the referential field of the cultural memory of society. In: *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 50–66 (in Russ.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мировые языки и культуры как объект филологического исследования: коллективная монография / О. В. Александрова, Н. А. Ахренова, М. Г. Бахтиозина и др.; под общей ред. О. Д. Вишняковой, А. А. Липгарта; 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Наука», 2023. 506 с.
2. Kirkpatrick A. *World Englishes. Implications for international communication and English language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 257 p.
3. Ахренова Н. А., Зарипов Р. И. Лингвопрагматические характеристики современных медиатекстов (Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023. Т. 14. № 3. С. 801–817. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-801-817.
4. McKay S. L. *Teaching English as an International Language: rethinking goals and approaches*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 150 p.
5. Lee J. J. The Native Speaker: An Achievable Model? // *Asian EFL Journal*. 2005. No. 7 (2). P. 152–163.
6. Седых А. П., Эмануэль В., Куган Е. И. Языковая и культурная идентичность: эпистемологический обзор (Linguistic and cultural identity: epistemological review) // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2022. Т. 8. № 3. С. 20–37. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-2.
7. Карасик В. И. Социально-языковая идентичность: динамика, виртуализация, моделирование // *Русский язык за рубежом*. 2020. № 1 (278). С. 31–37. DOI: 10.37632/pi.2020.278.1.006.
8. Crystal D. *Language death*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 209 p.
9. Hamidi S. The Relationship between Language, Culture, and Identity and their Influence on One Another // *Teaching Foreign Languages and Linguistic Studies : Referred Research Papers of 4th International Conference (Marmara University, Turkey, December 14th & 15th, 2023)*. Ankara: UZUN DİJİTAL MATBAA, 2023. P. 40–59.
10. Маремукова Э. В. Лингвистическая проекция лингвистической информации в разнотипных языках // *Вопросы современной лингвистики*. 2024. № 3. С. 43–53. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-3-43-53.
11. Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Изд-во Московского университета, 2008. 352 с.
12. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*; 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. 502 p.
13. Вишнякова О. Д., Иванова О. А. Сравнение в авторских сказках Ф. Тегеттгоффа в составе языковой картины мира немецкоговорящего социума // *Вопросы современной лингвистики*. 2025. № S1. С. 79–92. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-79-92.
14. Александрова О. В. Окружающий мир: его кодирование и декодирование в языке // *Когнитивные исследования языка*. 2023. № 5 (56). С. 15–18.
15. Гвишиани Н. Б. *Современный английский язык: лексикология: учебник для вузов; 4-е изд., перераб. и доп.* М.: Юрайт, 2025. 266 с.
16. Ахманова О. С. *Очерки по общей и русской лексикологии*. М.: Учпедгиз, 1957. 295 с.
17. Александрова О. В., Вишнякова О. Д. Проблема значения в трудах О. С. Ахмановой в терминах расширения исследовательских границ // *Теоретические основы современной англистики: коллективная монография / под общей ред. О. В. Александровой, О. Д. Вишняковой, Т. Б. Назаровой*. М.: Издательство «Наука», 2025. 290 с.
18. Вишнякова О. Д., Липгарт А. А., Лебедева И. Л. Взаимодействие языкового и культурного знания как основа создания лингвострановедческого словаря // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2025. Т. 44. № 2. С. 336–346. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-2-336-346.

19. Crystal D. My priority for the next 50 years: An online cultural dictionary // *Training, Language and Culture*. 2017. Vol. 1. Iss. 1. P. 14–27. DOI: 10.29366/2017tlc.1.1.1.
20. Заботкина В. И. Слово и смысл. М.: РГГУ, 2012. 428 с.
21. Fillmore Ch. J. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di Semantica*. 1985. Vol. 6. No. 2. P. 222–254.
22. Fillmore C. J., Atkins B. T. S. Starting where the dictionaries stop: The challenge for computational lexicography // *Computational Approaches to the Lexicon* / eds. B. T. S. Atkins, A. Zampolli. New York: Oxford University Press, 1994. P. 349–393.
23. *Lexicography: Principles and Practice* / ed. by R. R. K. Hartmann. London: Academic press, 1983. 228 p.
24. Lew R. Dictionaries and Their Users // *International Handbook of Modern Lexis and Lexicography*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2015. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-642-45369-4_11-2.
25. Вишнякова О. Д., Липгарт А. А. Транслируемость и концептуальный анализ как лингвокогнитивные составляющие переводческого процесса // *Когнитивные исследования языка*. 2024. № 2-2 (58). С. 276–279.
26. Вежбицкая А. «Семантические примитивы», пятьдесят лет спустя (“Semantic Primitives”, fifty years later) // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. № 25 (2). С. 317–342. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342.
27. Вишнякова О. Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015. № 4. С. 50–66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana G. Ter-Minasova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Founding President, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
<https://orcid.org/0000-0002-4274-6674>; e-mail: president@fl.msu.ru

Olga D. Vishnyakova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
<https://orcid.org/0000-0002-1617-051X>; e-mail: ol-vish@mail.ru

Elizaveta A. Vishnyakova (Tula) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of English Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
<https://orcid.org/0000-0003-3133-9587>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тер-Минасова Светлана Григорьевна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, президент-основатель факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
<https://orcid.org/0000-0002-4274-6674>; e-mail: president@fl.msu.ru

Вишнякова Ольга Дмитриевна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
<https://orcid.org/0000-0002-1617-051X>; e-mail: ol-vish@mail.ru

Вишнякова Елизавета Александровна (г. Тула) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
<https://orcid.org/0000-0003-3133-9587>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 72.2.020.04 В 2025 ГОДУ

SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE DISSERTATION COUNCIL 72.2.020.04 IN 2025

Работа диссертационных советов – ключевой критерий научной состоятельности университета. Их эффективность определяется как активной и результативной научной деятельностью членов совета, так и качеством проводимых защит. На базе Государственного университета просвещения успешно функционируют 5 диссертационных советов по различным научным специальностям.

К числу старейших советов вуза относится диссертационный совет 72.2.020.04, созданный более пятидесяти лет назад и осуществляющий свою деятельность на факультете романо-германских языков. Совет проводит защиты докторских и кандидатских диссертаций по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки; романские языки).

Около 50 лет совет возглавляла доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Наталия Михайловна Васильева, под руководством которой было защищено более 70 диссертаций, включая 4 докторских. Начиная с 2020 г., совет успешно работает под руководством доктора филологических наук, профессора, Почётного работника высшего профессионального образования РФ Марины Николаевны Левченко. Членами совета сегодня являются такие известные учёные в области германских и романских языков, как доктора фило-

логических наук, профессора И. Г. Жирова, И. В. Скуратов, Н. Г. Епифанцева, А. Е. Гусева, А. В. Аверина, Е. И. Бойчук, Е. В. Бирюкова, Г. В. Овчинникова, а также молодые исследователи, доктора филологических наук А. А. Боронин, А. А. Балута, А. Ю. Соколова.

В 2025 г. в диссертационный совет были представлены к защите одна докторская и шесть кандидатских диссертаций. Примечательно, что с каждым годом география представленных к защите исследований становится всё шире, что говорит об известности совета в научных кругах. В 2025 г. в совет обратились соискатели из таких городов, как Томск, Иваново, Орехово-Зуево, Самара и, конечно, Москва.

Тематика представленных диссертаций достойна особого внимания, так как отражает широкий спектр актуальных проблем по германским и романским языкам, в частности английскому, немецкому и французскому. Диссертанты традиционно проявляли научный интерес к дискурсивным исследованиям, исследованиям в области стилистики, словообразования и лексикологии, в первую очередь терминологии.

Так, докторская диссертация «Моделирование имплицативной семантики ландшафта в разных типах немецкоязычного дискурса» была представлена Е. С. Беспаловой, доцентом ФГАОУ ВО

«Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва». Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», научным консультантом выступила д. филол. н., профессор Аверина Анна Викторовна. Автором работы проведено глубокое исследование, затрагивающее проблему моделирования семантики немецких языковых единиц. Несомненным достоинством работы является разработка интегративного подхода, сочетающего семантический, синтаксический, когнитивный и дискурсивный анализ в прагматическом моделировании различных типов дискурса. В диссертации вводятся понятие имплицативной семантики ландшафта, которая формируется в дискурсе под влиянием контекста, лингвокультуры и концептуальной картины мира немецкоязычного этноса.

В русле дискурсивных исследований из области лингвопрагматики и политической лингвистики выполнена работа М. В. Васильева, преподавателя ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Исследование на тему «Политический дискурс британского премьер-министра как динамический феномен» было проведено под руководством д. филол. н., профессора Левченко Марины Николаевны в ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Диссертация посвящена изучению политического дискурса британского премьер-министра с целью установления арсенала коммуникативных стратегий и тактик, речевых средств их актуализации, а также изучению динамики и тенденций, проявляющихся в актуализации тех или иных приёмов речевого воздействия.

Новая полоса изысканий в области терминологии представлена двумя диссертациями, выполненными в ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» под чутким руководством д. филол. н. Скуратова Игоря Владимировича, специалиста в области неологии. Диссер-

тация «Новообразования в современной военной терминологии (на материале французского языка): типологические характеристики» соискателя А. С. Комаловой, преподавателя в Военном учебно-научном центре сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооружённых сил Российской Федерации» посвящена установлению лингвистической типологии терминов-неологизмов и описанию процессов словообразования лексических единиц в военной терминологии современного французского языка. В диссертации М. В. Евсеевой «Неологизмы в современной французской юридической терминологии (на материале текстов сферы гражданского права)» представлена характеристика англоязычных терминов за последние 10 лет, проведён анализ продуктивных способов образования неологизмов в смарт-контрактах.

Проблеме терминологии посвящена диссертация «Английская терминология нефтепереработки и её лексикографическое описание» Е. В. Работаловой, преподавателя ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина». Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», научным руководителем выступила д. филол. наук, профессор Карпова Ольга Михайловна. В диссертации представлен анализ терминологии предметной области «нефтепереработка» в сфере функционирования (узкоспециализированных текстах, документах по стандартизации, учебно-методических материалах) и в области фиксации (терминологических словарях, репрезентирующих терминологию нефтепереработки).

К области словообразовательных и стилистических исследований можно отнести диссертацию «Псевдозаимствованные онимы и смежные явления в немецком литературном языке» внешнего соискателя А. Б. Волковой, преподавателя ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет». Научным руководителем

выступил д. филол. н., профессор Кобенко Юрий Викторович. Диссертация посвящена изучению системных, структурных и функциональных особенностей псевдозаимствованных онимов в составе немецкого литературного языка. Несомненным достоинством работы является корпус, включающий экспонентную группу псевдозаимствованных онимов по этимологическим сегментам (псевдоитальянизмы, псевдогаллицизмы, псевдоанглицизмы и др.) и группу смежных явлений (8097 лексических единиц).

Актуальными остаются исследования и в области лингвистики текста. Исследованием лексических способов выражения времени занимается А. В. Гуркова, преподаватель ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», г. Орехово-Зуево. Диссертация «Преувеличение и преуменьшение времени в современном английском художественном тексте» была выполнена в ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» под руководством д. филол. н., проф. Поповой Ларисы Георгиевны. Исследование направлено на описание семантических характеристик таких выразительных средств, как гипербола и литота, используемых для репрезентации времени в современном английском художественном тексте жанра фэнтези.

Защищённые диссертации имеют несомненную практическую ценность. Их результаты будут востребованы не только лингвистами, но и специалистами смежных гуманитарных направлений: журналистами, психологами, социологами, рекламодателями и др. Благодаря актуальной тематике и высокому уровню выполнения исследования вызвали живой интерес членов совета – все защиты сопровождались большим количеством вопросов и глубокими научными дискуссиями.

В качестве ведущей организации диссертации рецензировали ФГБОУ ВО «Московский государственный универ-

ситет имени М. В. Ломоносова», ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Оппонентами по защищаемым диссертациям выступили ведущие специалисты по германским языкам и романским языкам – доктора филологических наук, профессора Е. А. Алексеева (ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»), В. М. Глушак (ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»), Е. А. Гончарова (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»), Д. Ю. Гулинов (ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»), Т. Ю. Загряжкина (ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени Ломоносова»), В. И. Карасик (ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина»), С. М. Кравцов (ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»), Л. А. Панасенко (ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»), Э. А. Сорокина (ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»), Р. Д. Шакирова (ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет»), И. А. Шипова (ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»), К. А. Шишигин (ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»), кандидаты филологических наук,

доценты – И. А. Воронцова (ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»), Т. Б. Пивоненкова (ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»), Н. И. Христофорова (ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»).

Ритмичная работа диссертационного совета стала возможна с активной поддержкой Учёного секретаря университета Лады Дмитриевны Монаховой. Её своевременная информация в чате диссертационных советов вуза позволяет оперативно реагировать на нововведения ВАКа, включая переход оформления дел соискателей через Госуслуги, выход новых приказов ВАКа о присуждении учёных степеней, запись вебинаров Ми-

нобрнауки о деятельности диссертационных советов, информационные письма и проч.

На 2026 г. в диссертационном совете 72.2.020.04 уже запланированы защиты соискателей из разных регионов России, в том числе работы выпускников аспирантуры факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения. Качество и высокий уровень проводимых выпускниками исследований во многом определяется наличием в университете фундаментальных научных школ по германским и романским языкам.

Ждём новых интересных и актуальных исследований в области германских и романских языков для защиты в диссертационном совете 72.2.020.04 при Государственном университете просвещения.

Левченко Марина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и романской филологии Государственного университета просвещения, председатель диссертационного совета 72.2.020.04;

Первак Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения, учёный секретарь диссертационного совета 72.2.020.04

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 72.2.020.05 В 2025 ГОДУ

SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE DISSERTATION COUNCIL 72.2.020.05 IN 2025

Диссертационный совет 72.2.020.05 по объединённой специальности 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, работающий на лингвистическом факультете Государственного университета просвещения, в 2025 году сохранил темпы защит и качество защищаемых диссертаций.

За февраль-декабрь 2025 г. в совете было защищено 16 кандидатских диссертаций. Защищались аспиранты и соискатели Государственного университета просвещения (11 работ), пять диссертаций было представлено внешними соискателями: две работы защищены аспирантами Московского городского педагогического университета – А. С. Бакановой (научный руководитель д.ф.н. Е. С. Абаева) и А. Г. Даниловым (научный руководитель д.ф.н. Л. Г. Попова); один аспирант из Московского государственного педагогического университета В. С. Рыжак (научный руководитель д.ф.н. Т. К. Жорж) и два аспиранта из РУДН имени Патриса Лумумбы – Д. А. Околышев и Чжан Лудань (научный руководитель д.ф.н. И. С. Карабулатова).

Профессора кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения д.ф.н. И. И. Валуицева, д.ф.н. О. И. Максименко, д.ф.н. Г. Т. Хухуни и подготовили по четыре и одному аспиранту соответственно (Е. В. Ефремова, А. А. Карасева, Яя Траоре, Чжан Жуньмэй; Н. Ю. Ярыгина; П. Н. Ярошенко). Профессора кафедры германской и романской филологии романо-германского факультета д.ф.н. М. Н. Левченко (заве-

дующий кафедрой) и д.ф.н. А. Е. Гусева подготовили двоих и одного аспиранта соответственно (В. С. Зенцова, Ю. С. Сорокина; О. В. Прокофьева). Важно, что В. С. Зенцова и Ю. С. Сорокина являются сотрудниками факультета.

Две работы в текущем году были защищены гражданами Китайской народной республики (Чжан Лудань и Чжан Жуньмэй), одна гражданином Республики Мали (Яя Траоре).

Тематика защищённых работ представляла собой широкий спектр актуальных проблем в рамках объединённой специальности. Разным аспектам переводоведения были посвящены работы А. С. Бакановой «Передача речи детского персонажа в переводе современного англоязычного романа на русский язык», где было выявлено, что при переводе происходит встраивание переводчиками системы речевой характеристики в общую систему образа персонажа (учёт характеристик персонажа текста оригинала), при этом подсистемы (фонетическая, лексико-семантическая, словообразовательная) могут быть смещены/изменены с учётом особенностей языка, культуры и специфики развития речи ребёнка – носителя языка перевода. В работе Н. А. Бонадык «Влияние национальной культуры на передачу оценочных значений в переводе художественных текстов (на материале английского, русского и японского языков)» детально рассматриваются оценочные значения в исследуемых языках, базирующиеся как на универсальных ценностных категориях, так и на культурно специфических представлениях и коммуникативных мо-

делях, которые предполагают трансформацию исходного оценочного значения при его передаче в процессе перевода. В. С. Рыжаков раскрывает интересную тему «Интертекстуальность в творчестве Х.-Л. Борхеса и Х. Кортасара и проблемы её воспроизведения при переводе на русский язык», определяя выбор материала своего исследования (произведения именно Х. Л. Борхеса и Х. Кортасара) тем, что интертекстуальность является одной из ярчайших черт идиостиля обоих авторов. На пересечении переводоведения и социолингвистики находится работа А. Ю. Назаровой «Социолекты британского английского языка: переводческий аспект», в которой данная проблема рассматривается на примере произведений П. Г. Вудхауса, где используются особенности социолектов Великобритании (*posh* и *sockney*) в качестве речевой характеристики персонажей. В. С. Зенцова в работе «Репрезентация гендерности в типе текста детектив (на материале немецкого и русского языков)» проводит своё исследование, сочетая сферы переводоведения и гендерной лингвистики. Ещё одно неординарное исследование в сфере переводоведения и лингвокогнитологии представил П. Н. Ярошенко в работе «Сопоставительный анализ лексики жанра киберпанк в лингвокогнитивном пространстве русского и английского языков на материале художественной литературы» на основе произведений У. Гибсона, являющегося основоположником жанра киберпанк в современной научной фантастике. Вопросы современной IT-терминологии раскрываются в работе А. Г. Данилова «Структурно-семантическая характеристика итальянских и французских IT-терминов (сопоставительный аспект)». В рамках социолингвистики написано исследование Яя Траоре «Этнические языки в системе образования в Республике Мали: социолингвистический аспект», где детально исследуется присутствие этнических языков в республике и предлагаются функцио-

нальные классификации языков сельской местности и столицы страны в семье и школьном образовании в ходе полевого исследования и социолингвистического исследования. Различные аспекты современных видов дискурса изучались в работах Н. Ю. Ярыгиной «Мультимодальность современного экономического дискурса (на примере международных экономических форумов)», Е. В. Ефремовой «Метафорирование как речевая деятельность в организационном дискурсе», А. А. Карасевой «Концепт “Брюссель” в международном общественно-политическом дискурсе», Чжан Лудань «Психолингвистические маркеры агрессии в новостных дискурсах России и Китая» и Д. А. Околышева «Сентимент-анализ репрезентации концепта «Муниципальная власть» в современном медиадискурсе». Исследование фразеологических единиц на современном уровне получило развитие в исследовании О. В. Прокофьевой «Языковые средства репрезентации этнических стереотипов в лексико-фразеологической системе индоевропейских языков», где рассматриваются особенности образа Великобритании, Германии, Испании и России, зафиксированные в ЛФС английского, немецкого, испанского и русского языков, при этом этнический стереотип считается инструментом познания собственной культуры, в том числе через призму чужой культуры; а также в работе Ю. С. Сорокиной «Когерентные функции фразеологических единиц в текстах разных функциональных стилей (на материале английского и русского языков)».

Таким образом, в совет были представлены и защищены работы по русскому, английскому, немецкому, французскому, испанскому, итальянскому, китайскому, японскому языкам и языку бамана. Интерес исследователей распространялся на сферы переводоведения, психолингвистики, лингвокогнитивистики, теории текста, теории дискурса, грамматики, лингвокультурологии, со-

циолингвистики, интернет-лингвистики, терминоведения, фразеологии.

В качестве коллективного оппонента (ведущей организации) диссертационные работы рецензировали такие вузы и научные учреждения, как Институт языкознания Российской академии наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский государственный лингвистический университет, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Сибирский федеральный университет, Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ, Российский государственный гуманитарный университет, Адыгейский государственный университет, Тамбовский государственный технический университет, Кубанский государственный университет, Южно-уральский государственный университет (НИУ) и др. Оппонентами по защищаемым в совете диссертациям выступали ведущие специалисты по профильным специальностям – доктора филологических наук, профессора Н. В. Зененко, О. И. Калинин, Н. А. Сидорова (Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ); Н. В. Уфимцева, А. Э. Левицкий (МГУ

им. М. В. Ломоносова); В. И. Карасик (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина), Я. А. Волкова (РУДН имени Патриса Лумумбы), Т. Н. Лобанова (Государственный университет просвещения), Н. М. Нестерова (Пермский национальный исследовательский политехнический университет), Е. И. Бойчук (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского), Л. В. Разумова (Российский государственный гуманитарный университет), Л. В. Моисеенко (Московский государственный лингвистический университет) и многие другие. Представленные на защиту исследования неизменно вызвали научный интерес у членов совета и сопровождались широкими дискуссиями.

Стоит отметить, что 6 работ из 16 защищённых в 2025 г. были подготовлены аспирантами и соискателями кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета, 3 работы подготовлены на кафедре германской и романской филологии романо-германского факультета Государственного университета просвещения.

Докторский диссертационный совет 72.2.020.05 продолжает эффективно работать, опираясь на многолетний опыт своего предшественника – докторского диссертационного совета Д 212.155.04.

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения, председатель докторского диссертационного совета 72.2.020.05

Мигдаль Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения, учёный секретарь докторского диссертационного совета 72.2.020.05

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ
2025. № 6

Над номером работали:
Ответственный редактор И. А. Потапова
Литературный редактор, корректор М. С. Тарасова
Переводчик М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9, уч.-изд. л. 11.
Подписано в печать: 26.12.2025 г. Дата выхода в свет: 30.12.2025 г. Заказ № 2025/12-42.
Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2